

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ IV

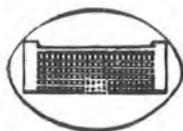
ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

ПСІХАЛОГІЯ

2
1983

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ IV

ФІЛАЛОГІЯ

ЖУРНАЛІСТЫКА

ПЕДАГОГІКА

№ 2
ЖНІВЕНЬ

ПСІХАЛОГІЯ

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (*галоўны рэдактар*),
П. М. БАРАНОУСКІ (*адказны сакратар*), І. І. ЖБАНКОВА,
У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (*нам. галоўнага рэдактара*),
А. Я. СУПРУН, І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

А. Я. СУПРУН (*адказны рэдактар*),
Р. В. БУЛАЦКІ, Р. І. ВАДЭЙКА, А. А. ВОЛК, І. К. ГЕРМА-
НОВІЧ (*адказны сакратар*), В. В. ҚАЗЛОВА, І. П. ҚАХНО,
Ф. І. КУЛЯШОУ, М. У. ПІСКУНОУ, В. П. РАГОЙША,
Б. В. СТРАЛЬЦОУ, П. І. ТКАЧОУ, М. Я. ЦІКОЦКІ, Л. М.
ШАКУН, (*нам. адказнага рэдактара*), І. В. ШАБЛОУСКАЯ,
П. П. ШУБА

І. В. ЖУК

ДА ПЫТАННЯ АБ СУАДНЕСЕНАСЦІ КАТЭГОРЫЙ ПАРТЫЙНАСЦІ І ГРАМАДЗЯНСКАСЦІ Ў ЛІТАРАТУРЫ

Ажыўленыя спрэчкі па пытанню суаднесенасці катэгорый партыйнасці і грамадзянскасці вядуцца ў нашым друку даўно. Аднак, у сілу складанасці і дыскусійнасці, сама праблема вывучана і раскрыта яшчэ не дастаткова поўна. Больш таго, ні адно з даведчаных выданняў да гэтага часу не вызначыла змест катэгорыі «грамадзянскасць». Сёння гэтая катэгорыя разглядаецца тэрэтыкамі альбо занадта шырока, як любое праяўленне чалавечага, духоўнага ў літаратуры, альбо, наадварот, зводзіцца да пэўнага кола тэм, праблем, абмежаванага, як правіла, толькі патрыятычнымі ці палітычнымі матывамі. Часам жа за грамадзянскасць выдаецца тое, што ўжо даўно і трывала замацавалася за паняццем тэндэнцыйнасці. Нам здаецца, што вызначэнне грамадзянскасці шляхам эмпірычнага пералічэння нейкіх яе прыкмет і якасцей наўрад ці прывядзе да плённых вынікаў, паколькі гэтая катэгорыя не ёсць нешта нязменнае, застыўшае, нерухомае. Грамадзянскасць праяўляецца вельмі непадобна ў розныя эпохі, больш таго, у розных аўтараў. Па сутнасці тое, што мы называем шырынёй дыяпазону, смеласцю, актыўнасцю, здольнасцю адпавядаць запатрабаванням дня, актуальная тэматыка, важная праблема, глыбокая ідэя ў творы пры паўнаце насычэння жыццёвых рэалій — гэта толькі тыя ці іншыя **формы** выяўлення грамадзянскасці. Змест жа яе як катэгорыі, якая выражае ўнутраныя сацыяльныя памкненні мастака, як катэгорыі светапогляднай трэба шукаць у суаднесенасці з катэгорыямі ідэйнасці, партыйнасці, народнасці літаратуры.

Аднак, калі нятоеснасць грамадзянскасці і ідэйнасці (наяўнасць якіх-небудзь ідэй яшчэ не азначае іх актыўнага сцверджання), грамадзянскасці і народнасці (ісцінная грамадзянскасць і індывідуалізм несумяшчальны) больш-менш відавочны, то пытанне аб суаднесенасці катэгорый грамадзянскасці і партыйнасці высветлена сучасным літаратуразнаўствам не ў поўнай меры і не дастаткова акрэслена. А якраз вырашэнне гэтага пытання з'яўляецца адным з ключавых момантаў у разуменні ўсёй праблемы грамадзянскасці літаратуры. І тут назіраецца, з аднаго боку, магчыма і міжвольная, тэндэнцыя падмяніць ці атаясаміць катэгорыю партыйнасці і паняцце грамадзянскасці. Напрыклад, А. Міхайлаў увёў у вызначэнне грамадзянскасці адну з характарыстычных рыс партыйнасці — «пэўнасць класавых пазіцый». З другога боку, шэраг аўтараў, наадварот, адмаўляюць ідэі грамадзянскасці ў грамадзянскіх правах. Так, В. Разумны абвясчае грамадзянскасць «сектанцкай схемай», звязанай з «аднабаковасцю меркаванняў, абмежаваным крытыцызмам людзей, якія глядзяць на свет з «кочки зрэння»¹. Нават адзін з найбольш тонкіх даследчыкаў праблемы партыйнасці і грамадзянскасці ў літаратуры, А. М. Сімавіч, у сваёй кнізе «Грамадзянскасць і партыйнасць у літаратуры» таксама адмаўляе ідэі грамадзянскасці ў правах і абавязках грамадзянства.

тыйнасці літаратуры Г. Куніцын, зусім справядліва размяжоўваючы грамадзянскую мужнасць і самую грамадзянскасць і ўказваючы на тое, што грамадзянскай з'яўляецца толькі дзейнасць, якая накіравана на сацыяльны прагрэс, не дае паслядоўнага вырашэння гэтай праблемы. Ён падкрэслівае, што «грамадзянскасць — гэта арганічная састаўная частка партыйнасці»². А партыйнасць мастацтва, па Г. Куніцыну, — гэта «ідэйная перакананасць, сацыяльна-палітычная вызначанасць **ў арганічным адзінстве** (выдзелена намі — І. Ж.) з грамадзянскасцю, імкненнем і рашучасцю, уласцівымі мастаку **ў яго** свядомай барацьбе за сцверджанне пэўных класавых інтарэсаў»³.

На самой справе грамадзянскасць, калі можна так сказаць, больш старажытнага ўзросту, чым партыйнасць. Ва ўмовах Расіі палітычная барацьба поўнасцю аформілася як партыйная барацьба на трэцім этапе вызваленчага руху. У сувязі з гэтым У. І. Ленінзначаў, што «строгаю партыйнасць заўсёды адстойвала і адстойвае толькі сацыял-дэмакратыя, партыя свядомага пралетарыята»⁴. Разам з тым неаспрэчным застаецца той факт, што літаратура, да гэтага часу не будучы строга партыйнай, вызначалася выразнай грамадзянскай палкасцю. Значыць, грамадзянскасць параўнальна немалая катэгорыя, і ў гістарычным плане яе больш правамерна разглядаць у сувязі з тэндэнцыйнасцю — правам пісьменніка ясна і пэўна выказаць свае погляды ў мастацкай творчасці. Тэндэнцыйнасць, валодаючы актыўным ацэначным момантам рэчаіснасці, заўсёды была характэрнай рысай літаратуры. Энгельс у пісьме да М. Кауцкайзначаў, што «бацька трагедыі Эсхіл і бацька камедыі Арыстафан былі абодва ярка выражанымі тэндэнцыйнымі паэтамі, гэтак жа сама, як і Дантэ і Сервантэс... Сучасныя рускія і нарвежскія пісьменнікі, якія пішуць цудоўныя раманы, усе тэндэнцыйныя»⁵. Іншая справа, наколькі ацэначны момант глыбока, праўдзiва і сумленна рэалізуецца пісьменнікам у яго творах. Тэндэнцыйнасць — гэта адкрытасць думкі, грамадзянскасць жа выяўляе голас сэрца і выступае ў адносінах да тэндэнцыйнасці як якасны паказчык — ступень праяўлення сумлення мастака, — і адначасова характарызуе ступень яе прагрэсіўнай развітасці. Зрэшты, прагрэсіўная накіраванасць, агульнадэмакратычны характар тэндэнцыі, спалучаны з асабістымі якасцямі творцы, і вызначаюць змест катэгорыі грамадзянскай літаратуры крытычнага рэалізму.

Партыйнасць з'яўляецца катэгорыяй аднапарадкавай, роднаснай тэндэнцыйнасці, і грамадзянскасць таксама характарызуе ступень яе развітасці. Але партыйнасць азначае якасна новы крок як у развіцці грамадскіх адносін, так і ў развіцці эстэтычнай думкі. Адпаведна набывае новыя якасці і грамадзянскасць. Развіваючыся як агульнадэмакратычная тэндэнцыя, яна па сваёй накіраванасці ўсё больш і больш пачынае набліжацца да партыйнасці. Аднак гэта зусім не азначае замену адной катэгорыі другой. Партыйнасць і грамадзянскасць у мастацтве сацыялістычнага рэалізму існуюць на правах сузалежнасці і ўзаемадапаўнення, у цэлым характарызуючы грамадзянскую свядомасць з розных бакоў: партыйнасць — больш з боку грамадскай ідэалогіі, грамадзянскасць як эмацыянальна-валявыя адносіны да рэчаіснасці — больш з боку грамадскай псіхалогіі.

Пісьменнік выяўляе сябе ў творчасці перш за ўсё як грамадзянін. Творчая пазіцыя толькі тады з'яўляецца плённай, калі яна аб'ектыўна адпавядае інтарэсам прагрэсіўнага класа. Такая пазіцыя, супадаючы з аб'ектыўным ходам гісторыі, стварае рэальную аснову для выяўлення творчай свабоды пісьменніка, яго грамадзянскага крэда. Чым глыбей і шматгранней разуменне жыццёвых працэсаў, тым шырэй і багацей суб'ектыўныя магчымасці чалавека.

З другога боку, грамадзянскасць не толькі знаходзіць сваё выражэнне праз катэгорыю партыйнасці, але і з'яўляецца яе неад'емнай часткай. «Нават і яснае ўсведамленне інтарэсаў класа, — слухна заўважае А. Дромаў, — калі яму спадарожнічае абыякавасць да барацьбы,

пасіўнасць з-за пачуцця страху ці эгаізму, наўрад ці назавеш партыйнасцю»⁶.

Такім чынам, у літаратуры сацыялістычнага рэалізму грамадзянскасць знаходзіцца ў дыялектычным адзінстве з партыйнасцю. Валодаючы пэўнай самастойнасцю як у гістарычным плане, так (зыходзячы са структуры грамадскай свядомасці) і ў плане сацыяльных функцый, грамадзянскасць прадвызначаецца партыйнасцю, ёю ж накіроўваецца і выражаецца праз яе. Для гэтага ёсць аб'ектыўныя прадпасылкі. Набліжаючыся па зместу да агульначалавечага ў літаратуры, грамадзянскасць, тым самым, супадае па накіраванасці з партыйнасцю і народнасцю. З другога боку, грамадзянскасць характарызуе ступень развітасці партыйнай свядомасці, і ў гэтым сэнсе мы можам назваць камуністычную партыйнасць вышэйшым тыпам сучаснай грамадзянскасці.

¹ Разумный В. О партийности искусства.— М., 1971, с. 96.

² Кунницын Г. Еще раз о партийности литературы.— М., 1979, с. 155.

³ Кунницын Г. Общечеловеческое в литературе.— М., 1980, с. 293.

⁴ Ленин В. И. Творы, т. 10, с. 62.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 36, с. 333.

⁶ Дремов А. Партийность литературы и современность.— М., 1980, с. 55.

Г. М. ПРАНЕВИЧ

СКАРЫНІНСКІ ПРАТАТЫП У ТВОРЧАСЦІ МАКСІМА БАГДАНОВІЧА

Ідэал скарынінскага духу ўяўляўся М. Багдановічу найвышэйшай мастацкай і ідэалагічнай каштоўнасцю. Пошукі Францыскам Скарынам для беларускай літаратуры новых шляхоў, адкрыццё ім роднай мовы, гісторыі і культуры «люду посполитого рускаго языка» і папярэджвалі М. Багдановіча і былі апраўданнем найперш для яго шырокага канцэптуальнага погляду на гістарычнае развіццё свайго народа. Ф. Скарына стаяў для М. Багдановіча не толькі ля вытокаў беларускага друкаванага слова, але наогул ля першакрыніц нацыянальнай культуры і пісьменнасці. Ва ўмовах нарастання нацыянальна-вызваленчага і рэвалюцыйна-дэмакратычнага руху пачатку ХХ ст., калі барацьба за гуманістычныя ідэалы па сутнасці пераўтварылася ў барацьбу за адраджэнне народа, матыў пераемнасці скарынінскай традыцыі надаваў усёй паэзіі М. Багдановіча своеасаблівы, непаўторны пафас.

«...Я, Францишек, Скоринин сын с Полоцька, в лекарских науках доктор, повелел есми Псалтырю тиснути рускими словами а словенским языком напред ко чти и к похвалѣ богу в троици единому и пречистой его матери Марии, и всем небесным чинном и святым божьим, а потом к пожитку посполитого доброго, наболей с тое причины, иже мя милостивый бог с того языка на свет пустил»¹— так звычайна распачынаў свае прадмовы да кніг Бібліі вялікі асветнік. Якраз гэтыя скарынінскія рысы — і рэнесанснае адкрыццё высокай годнасці чалавечай асобы, і ўважлівасць і глыбокая цікаўнасць да яе духоўнага жыцця, і развітое патрыятычнае пачуццё — усе яны сталі прадвызначальнымі і для паэзіі самога М. Багдановіча, і вельмі выразна і рэльефна праяўляюць сябе як у цыкле «Мадонны», так і ў вершах «Жывеш не вечна, чалавек», «Пагоня», «Зразаюць галіны таполі адну за адной...» і інш.

Глыбокая духоўная пераемнасць традыцый Скарыны выявілася і ў сінтэтычным, збіральным характары ўвасаблення самога вобраза асветніка-першадрукара ў паэзіі М. Багдановіча. Так, у цыкле «Старая Беларусь» сінтэтызм вобразнага мыслення М. Багдановіча раскрываецца праз цесную сэнсавую і вобразную ўзаемасувязь усіх вершаў гэтага цыкла. Адзінства ідэйнай задумы выяўляецца тут праз кампазіцыйную пабудову цыкла, дзякуючы якой у вершах паслядоўна прасочваецца

ўсе этапы развіцця нацыянальнай культуры і яе вышэйшы ўзлёт, звязаны з асобай Скарыны. Пра гэтую этапнасць сведчаць нават назвы вершаў: «Летапісец» — «Перапісчык» — «Кніга» — «Слудкія ткачыкі» і, нарэшце, — «Безнадзейнасць», дзе паэт выводзіць вобраз самога Скарыны. Скрызны матыў гэтага цыкла — развіццё і росквіт менавіта культуры пісьменнасці, культуры роднага слова. На наш погляд, вельмі кантрасна і красамоўна Багдановіч абрывае працяг гэтага матыву двума безназоўнымі вершамі, ў якіх пануе ўжо паэтычная стыхія народных прымхаў, павер'яў, абрадаў.

На карысць такой трактоўкі сведчыць і логіка развіцця вобразнага зместу ўсяго цыкла. Шматлікія мастацкія дэталі, сам матэрыял і пафас вершаў аб'ектыўна садзейнічаюць выяўленню вобраза Скарыны-першадрукара, асветніка і патрыёта. Гэтая думка пацвярджаецца асабліва сцямі вобразнай арганізацыі цыкла. Багдановічаўскі вобраз развіваецца значна шырэй, чым таго патрабуе выяўленне канкрэтнай ідэі верша. За кошт гэтага «запасу» паэт і дабіваецца ўзаемадзеяння асацыятыўна блізкіх вобразаў, стварэння своеасаблівага «задняга» вобразнага плана. Таму і канкрэтны асобны вобраз часта аказваўся як бы двунаселеным. Бо сапраўды, калі ўважліва ўчытацца ў змест вершаў «Перапісчык», «Кніга», «Летапісец», то становіцца выразным, як вобраз Скарыны раствараецца ў вобразе Беларусі так званага «залатога веку». Гэтыя два вобразы — Скарыны і Беларусі — тут па сутнасці ўзаемазамышальныя.

Вольналюбівы дух Скарыны — перакладчыка і каментатара Бібліі, рэфарматара і нястомнага шукальніка ідэалу маральна-прыгожага адчуваецца і ў характары вобразнасці праявітых апавяданняў «Апокрыф» і «Апавяданне аб іконніку і залатару...». Як піша С. А. Падокшын: «Скарына пры дапамозе каментарыяў імкнуўся расставіць у ім (Свяшчэнным пісанні — Г. П.) адпаведныя акцэнты, унесці ў біблейскія апавяданні, прытчы, алегорыі новы сэнс, завастрыць увагу на тых грамадскіх і маральна-філасофскіх праблемах, якія ігнараваліся альбо заставаліся па-за ўвагі артадаксальных хрысціянскіх філосафаў і падымаліся на шчыт мысліцелямі эпохі Адраджэння»². Як мастацкі прыём выкарыстоўвае гэтую эпічную традыцыю Скарыны і Багдановіч, вырашаючы на архаічным па сюжэту і форме матэрыяле надзённыя для тагачаснага літаратуранага жыцця пытанні аб прызначэнні мастацтва і яго месцы ў грамадстве, аб эстэтычнай і ідэйнай вартасці твора, аб значэнні мастацкай формы — пытанні, якія шырока дыскутаваліся ў той час на старонках «Нашай нівы». Наследуючы Скарыне — самастойнаму каментатару Бібліі, — Багдановіч зусім у духу Рэфармацыі зліваў аўтарскі вобраз з вобразам Максіма-Кніжніка («Апокрыф») і «кнігалюбца нейкага» («Апавяданне аб іконніку і залатару...») — людзей, свае адносіны да якіх тэолагі выказвалі, называючы іх кніжнікамі і фарысеямі. А сюжэт «Апавядання аб іконніку і залатару...» як бы ўзнаўляў у М. Багдановіча ў вобразе залатара Антона Коржа і іконніка Рамана Якубовіча ідэйную барацьбу паміж іконаборцамі і іконафіламі, якая прадаўжалася і ў XVI ст. Як вядома, афіцыйная пазіцыя хрысціянскай царквы наконт эстэтычнай каштоўнасці антычных статуяў грунтавалася на Бібліі: «Безумствует всякий человек в знанши своем, срамит себя всякий плавильщик истуканом своим, ибо выплавленное им есть ложь, и нет в нем духа» (Библия. Иеремия, гл. 10.). Гэтай жа артадаксальнай пазіцыі прытрымліваецца і іконнік Раман Якубовіч: «Ды яшчэ кажуць, быццам італіец той, аб красе толькі дбаючы, а на збаўленне душы сваёй забыўшыся, паганскіх багоў і шмат чаго іншага малюе, аб чым добраму іконніку лепш нават і не думаць»³. Інакш думае Антон Корж: «Гэтак сама і думку, быццам ікона ўсягды вялікую вартасць ад іншага малявання мае, я за несправядлівую мушу ўважаць. Бо не тое, каго майстра малюе, а толькі тое, як ён гэта робіць, толькі здольнасць і ўлежнасць яго могуць малюнку хвалу і каштоўнасць надаваць» (2, 14). Як бачым, развіццё тэмы ў М. Багдановіча

цалкам падпарадкуецца рэнесанснай тэндэнцыі ў поглядах на мастацтва, той тэндэнцыі, з якой з цягам часу вымушана была лічыцца і хрысціянская царква. Бо, як сведчыць У. Конан, «ігнаруючы культавае значэнне антычных адлюстраванняў язычаскіх багоў, хрысціянская эстэтыка паступова прызнавала эстэтычную каштоўнасць антычнай скульптуры: яна рэабілітуецца спецыяльным артыкулам Кодэкса Юстыніяна, згодна з якім статуі язычаскіх багоў належыць ацэньваць у адпаведнасці з іх мастацкай, а не культавай каштоўнасцю»⁴.

Адштурхоўваючыся ад гістарычнага праўдзівага сюжэта, Багдановіч ізноў, як у цыкле вершаў «Старая Беларусь», нібыта прагне аднавіць сам дух рэнесанснай пары, ідэал якой ён бачыць у буйным росквіце чалавечай асобы. Рэнесансны, скарынінскі тып чалавечай асобы, якой уласцівы пачуццё ўласнай годнасці, шырокая адукаванасць, выразна праглядае ў вобразнай характарыстыцы залатара Антона Коржа, які «на свеце незамала лажыўшы і шмат чаго зведаўшы, людзямі ніколі не пагарджаў, гонару свайго, аднак, ні ў чым не змяншаючы» (2, 13). У палеміцы з іконнікам Раманам Якубовічам герой не толькі выяўляе глыбокае разуменне вострых, супярэчлівых ідэйных праблем свайго часу, але, як некалі сам Скарына, звяртаецца да аўтарытэтаў цара Саламона, Цыцэрона і Арыстоцеля — «людзей мудрых і ў філасофіі дасведчаных». Ідэйны каркас апавяданняў цалкам складваўся пад уплывам філасофскіх поглядаў Скарыны — самастойнага, недагматычнага каментара Бібліі, які ў той жа час прызнаваў «в сей книзе всее прирочное мудрости начало и конець» (62). Гэтакаса і Багдановіцкая стылізацыя твораў пад Біблію і скарынінскія каментарыі да яе павінны былі адлюстраваць не толькі зрух у свядомасці рэнесанснага чалавека, калі боскі прывілей незалежна мысліць, мець адмысловы погляд на свет становіцца і чалавечым («Апавяданне аб іконніку і залатару...»), але і зацвердзіць у якасці апрыорнай першапачатковай асновы-ісціны сам погляд на мастацтва як на абсалютную, універсальную каштоўнасць у жыцці народа і кожнага асобнага чалавека («Апокрыф»).

У апавяданні «Апокрыф», завязка якога ўяўляе сабой трансфармацыю біблейскага міфа («В то время проходил Иисус в субботу засеяными полями; ученики же Его взломали и начали срывать колосья и есть...» Новый завет. От Матфея, гл. XII), М. Багдановіч дасягае выяўлення ідэі шляхам пераймання стылёвых прыёмаў стварэння вобраза ў Бібліі. Шырока ўводзіць ён у тканіну свайго мастацкага твора элемент *прытчавасці*. Праз прытчу аб васільках, у якой адбілася народнае разуменне непарыўнай сувязі мастацтва і працы, іх аднолькавай патрэбнасці ў жыцці, пастуліруе ў паэта сваё боскае слова Хрыстос: «Я ж гавару вам: добра быць коласам; але шчасліў той, каму давялося быць васільком. Бо нашто каласы, калі няма васількоў?» (2, 11). Галоўны ж апакрыфічны элемент апавядання заключаецца ў тым, што Багдановічаў Хрыстос цалкам увасабляе ў твора народны погляд на свет: ён адкрывае ў народным светаразуменні боскае гэтак жа сама, як гуманістычнае, жыццёва карыснае для народнай маралі і этыкі адшукваў у біблейскіх заветах і прытчах Скарына. «Накладванне» вобразаў становіцца відавочным там, дзе апакрыфічны Хрыстос гаворыць: «Штодзённымі клопатамі поўна людское жыццё. Але калі звярнуцца душа чалавека, толькі песня здолее спатоліць яе. Шануйце ж песні свае. Бо спяваюць нават жабы ў багне. А ці ж не лепшымі будзеце вы ад іх?» (2, 10). Так мог бы сказаць і Скарына.

Аднакарэнная — ад Скарыны — ідэйная аснова «Апокрыфа» заўважаецца і ў ацэнцы ўтылітарна-эстэтычнай ролі песні, мастацтва, якую можна ўгледзець у тым павучанні Хрыстоса, дзе ён сцвярджае музыку: «Бо няма праўды ў тым, каторы кажа, што ты — лішні на зямлі. Сапраўды кажу я табе: вось надойдзе да яго гадзіна горычы — і чым ён разважыць смутак свой, апроч песні тваёй? Таксама і ў дзень радасці ён прызавець цябе... Пад песні кладуць чалавека ў калыску і са спевамі ж апускаюць у магілу яго» (2, 9—10). Тая ж думка аб універсаль-

ным прызначэнні песні ў штодзённым чалавечым абыходку рэпрадуцыруецца і ў адказе музыкі Хрыстосу, калі ўжо музыка сцвярджае, што «пяюць на радзінах і хрэсьбінах, пяюць, дзіце калыхаючы, і самі дзеці пяюць, гуляючы; пяюць на ігрышчах і на вечарынках, і на вяселлях, і на хаўтурах, і ў бяседзе, і ў працы, і ў маскалі йдучы, і ўва ўсякай іншай прыгодзе. Так скрозь увесь год пяюць» (2, 10).

Але першаўзор думкі, як і яе стылявога афармлення, належыць зноў-такі Скарыне, які ў прадмове да Псалтыры заўважаў: «...псалмы, якобы сокровище всех всех драгих скарбов, всякий немощи, духовныи и телесныи, уздравляют, душу и смыслы освѣщают, гнев и ярость усмирят, мир и покой чинят, смуток, и печаль отгоняют, чувствие в молитвах дают, людей в приязнь зводят, ласку и милость укрепляют, бесы изгоняют, ангелы на помощь призывают» (10).

Наследаванне ідэйнай асновы і само аднаўленне скарынінскага духу адбывалася ў творах М. Багдановіча праз глыбокае спасціжэнне ўнутранай структуры і знешняй формы біблейнага стылю і генетычна блізкага да яго стылю скарынінскіх каментарыяў да Бібліі — праз узнаўленне заканамернасцей іх стылістычнай і рытміка-інтанацыйнай арганізацыі. І ў Скарыны, і ў Багдановіча архаічная шматступеньчатая пабудова фразы, шматлікія інверсійныя спалучэнні, частыя паўторы злучнікаў і займеннікаў, аднатыпных сінтаксічных структур, у якіх пераважаюць развітыя азначэнні і аднародныя сказы. Яны не толькі надаюць адметнасць рытміка-інтанацыйнаму малюнку вобраза, але як бы раствараюць у сабе яго відавочную матэрыяльную аснову. На першы план выступае ідэальнае, духоўнае, «умозрительное». Таму стылізуемы тэкст пад скарынінскія каментары да Бібліі, М. Багдановіч галоўным чынам прагнуў дастасаваць сам вобраз да больш шырэйшага выяўлення ідэйнага зместу — «умозрительной» філасофскай сутнасці дыялогаў. Але тыя ж самыя, што і ў Скарыны, фармальна-стылявыя элементы: лексічныя паўторы, інверсіі і г. д. выконваюць у М. Багдановіча цалкам новую ролю, раскрываючы і замацоўваючы ўжо сам змест абстрактна-філасофскіх вывадаў: «Водлуг жа таго, што ўмеласць і здольнасць тыя толькі ў выглядзе рэчы, або, як іншыя цяпер кажучь, у форме яе з'явіць можна, прызнаць мы musim, што каштоўнасць вырабаў прыгожых адно толькі праз красу іх форм узрастае і толькі красой форм каштоўнасць тую мераць можна» (2, 15).

Характар рытміка-інтанацыйнага малюнка апавяданняў М. Багдановіча ў многім вызначаюць *дыялогі*. Развіццё думкі ў іх часцей за ўсё працякае ў стройных, лагічных формах тэзіса, антытэзіса і заключэння. Гэта абумоўлівае пэўнае чаргаванне ў тэксце запытальных і сцвярджальных сказаў, стварае магчымасці для ацэначнай сітуацыі. Але калі ў Бібліі дыялогі з'яўляюцца зноў адметнасцю да патрэб маралізавання, выяўлення пастулатаў, догмаў, то Багдановіч, засвойваючы ўнутраную структуру развіцця дыялогаў, імкнуўся толькі да лаканічнага і дакладнага выяўлення думкі, эмацыянальнай насычанасці і кантраснасці вобраза (гл.: «І адказаў яму Ісус: не смуціся ў сэрцы сваім. Ці ж не твае песні спяваюць яны цяпер у часе жніва? Таму не схіляй нізка галавы тваёй і не хавай твар свой ад вачэй людскіх» (2, 9).

Багдановіч шырока карыстаўся такімі лаканічнымі і выразнымі формамі вобразнага выяўлення думкі, як *прытча*, *афарызмы*, *парадоксы*, якія шырока ўжываліся ў Бібліі і ў скарынінскіх каментарыях. Да афарызмычнага вызначання трэба аднесці выраз, дзе Багдановіч замацоўвае сваё разуменне эстэтычнага ў дыялектычнай сувязі з утылітарным, карысным: «...няма красы без спажытку, бо сама краса і ёсць той спажытак для душы» (2, 10). У выглядзе парадокса завастрае паэт думку аб духоўным як аб вышэйшай мэце чалавечага існавання і аб выключнай ролі працы ў выяўленні ў чалавеку яго духоўнай сутнасці: «Бо нашто каласы, калі няма васількоў?» (2, 11).

У «Апавяданні аб іконніку і залатару...» М. Багдановіч, пашыраючы выяўленчыя магчымасці вобраза, узмацняў некаторыя тэндэнцыі

стылістыкі і гукавога складу скарынінскіх каментарыяў. Размяшчаючы дзейнік і выказнік у пачатку і на канцы сэнсава завершаных рытмізаваных сказаў, Багдановіч імкнуўся не толькі выдзельці іх інтанацыйна, але і акцэнтаваць на іх увагу як на словах, якія нясуць асноўную сэнсавую нагрукку: «Але майстры тыя на гэта не ўважаюць, а таму і іконапісь прыстойная і да старасвецкіх звычайў прыхільная ў Полацку падупала, праклятым недаверкам на радасць, а ўсім добрым людзям на жаль і гора вялікае» (2, 13).

Гэты ж прыём задоўга да Багдановіча выкарыстоўваў і Скарына: «Пророци приидущее доброе добрым, а злое злым проповѣдуютъ», «Притчи пак и приповѣсти премудрых учителей добрых обычаев младых и старых наставляють» (9, 10).

Характэрна, што і сэнс выказвання, і эмацыянальны тон, сама рытміка сказаў карэкціруюцца за кошт гукапісу. Яго зачаткі можна ўгледзець ужо ў Скарыны, але ажно да стварэння своеасаблівага ўнутранага рытму, сэнсавага і эмацыянальнага ўзбагачэння вобраза ўзрастае роля гукапісу ў Багдановіча. «У яго, — як заўважыў А. Лойка, — кожны гук на месцы, кожны гук «разумны», бо эффект яго гучання ўжо наперад улічваўся паэтам пры напісанні радка»⁵. Свядомы падыход Багдановіча да арганізацыі гукавой фактуры вобраза бачыцца і ў тым, як пры дапамозе гукапісу ён вылучае інфармацыйна-сэнсавы субстракт сказа («іконапісь прыстойная... прыхільная ў Полацку падупала...»).

Гэтак жа сама за кошт інтанацыйнага націску на словы «майстры тыя» і агульнай грубай зычнасці ўсяго гукавога малюнка, якая дасягаецца пры дапамозе збегу зычных «ст», «пр», «зв», як і гукапісу асобнымі гукамі «с», «т», «р», «п», якія патрабуюць напружанай, «пагрозлівай» артыкуляцыі, паэт выдатна перадае эмацыянальны настрой іконіка Рамана Якубовіча, які незадаволены паводзінамі рэнесансных мастакоў, якія старыну ў маляванні рухаюць (тут у значэнні «разбураюць» — Г. П.), а навіны ўводзяць (2, 13).

Творча наследуючы і ў паэзіі, і ў праявітых апавяданнях традыцыі Ф. Скарыны, пранікаючы і ў драбніцы стылю, і ў глыбіню і веліч духу славутага гуманіста, Максім Багдановіч і адкрываў адзін з самых старажытных і велічных вытокаў класічных асноў новай беларускай літаратуры.

¹ Скарына Францыск. Прадмовы і пасляслоўі.— Мінск, 1969, с. 11. Далей у тэксце ў дужках даюцца спасылкі на старонкі дадзенага выдання.

² Подокшин С. А. Франциск Скорина.— М., 1981, с. 13.

³ Багдановіч Максім. Збор твораў. У 2-х тамах.— Мінск, 1968, т. 2, с. 13. Далей у тэксце ў дужках даюцца спасылкі на том і старонкі дадзенага выдання.

⁴ Конон В. М. От ренессанса к классицизму.— Мінск, 1978, с. 39.

⁵ Лойка А. А. Максім Багдановіч.— Мінск, 1966, с. 160.

Л. У. КАРПАВА

СТАНАЎЛЕННЕ ГЕРАІЧНАЙ АСОБЫ Ў ТВОРЧАСЦІ КУЗЬМЫ ЧОРНАГА ПЕРЫЯДУ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

У час Вялікай Айчыннай вайны Кузьма Чорны стварыў шэраг апавяданняў і навел, страсных публіцыстычных артыкулаў і нарысаў, такіх шэдэўры, як раманы «Пошукі будучыні», «Млечны шлях», а таксама задумаў і пачаў літаральна дзесяткі новых раманаў і апавесцей. Натуральна, у цэнтры кожнага твора была праблема — чалавек і вайна. Як ён, прасты чалавек, паводзіць сябе ў гадзіны цяжкіх для яго і радзімы выпрабаванняў? Якія няшчасці і беды перажывае, як гартуецца мужнасць і мацнее яго ўпэўненасць у непераможнасці свайго народа? І кожны раз пісьменнік прыходзіць да вываду: чалавек, калі ён змагаецца за незалежнасць радзімы, за сваю свабоду і гонар, мае права ісці і ідзе праз агонь, смерць, мае права быць бязлітасным з ворагамі,

якія наважылі зрабіць яго і ягоны народ нявольнікамі. Відаць, усё гэта жыўла нястомную працаздольнасць К. Чорнага і той творчы ўздым, які перажываў ён, будучы невылечна хворым і доўгі час адзінокім. Гаворачы ў ваенных творах пра лёс савецкага народа і чалавечтва, шукаючы найбольш дзейсных уплывовых форм для выяўлення сваіх ідэй, мастак-філосаф прыйшоў да філасофскага рамана. І калі раман «Пошукі будучыні» з'явіўся своеасаблівай пераходнай формай да філасофскага рамана і, па сутнасці, пошукамі шляхоў далейшага развіцця ўсёй беларускай літаратуры, «Млечны шлях» — першым сапраўдным узорам «чыста» філасофскага рамана, дык раманам «Вялікі дзень» і аповесцю «Скіп'ёўскі лес», напісанымі ў строга рэалістычнай манеры, пісьменнік як бы вяртаецца да ўласцівага яму раней жанра бытавога, сацыяльна-псіхалагічнага рамана. Натуральна, зыходным пунктам пры гэтым стаў раман «Трэцяе пакаленне». Нават складваецца ўражанне, што пісьменнік свядома вярнуўся да праблем і тэм гэтага твора, каб пераасэнсаваць іх у святле наступных гістарычных падзей — падзей Вялікай Айчыннай вайны. Гэта пацвярджаецца хоць бы тым, што тут К. Чорны зноў прасочвае лёс трох пакаленняў, што для твора ён выбірае герояў, блізкіх па сацыяльным становішчы і характарах да дзеючых асоб «Трэцяга пакалення», тым, што падбірае падобныя ў прынцепах сітуацыі і карыстаецца выпрабаванымі ўжо ў трыццатых гадах спосабамі тыпізацыі. У той жа час суд над чалавекам-уласнікам у рамане «Вялікі дзень» становіцца адначасова і судом над нямецкім і польска-панскім экспансіянізмам, па віне якога Беларусь за жыццё аднаго пакалення тройчы абязлюджвала і гарэла.

І можа ніколі дасюль Кузьма Чорны так пераканальна мастацкімі сродкамі і з такой выключнай сілай не выкрываў звырыную сутнасць чалавека-уласніка і класавую антычалавечую сутнасць імперыялістычных войнаў, як у рамане «Вялікі дзень». Не было яшчэ ў творчасці Кузьмы Чорнага і такога паслядоўнага і мастацкага ўслаўлення творчай прыроды чалавека-працаўніка. Працуючы над «Пошукамі будучыні» і «Млечным шляхам», пісьменнік сталеў і яшчэ больш узбагачаўся ідэйна, і «Вялікі дзень», «Скіп'ёўскі лес» ужо ўвабралі ў сябе лепшыя дасягненні К. Чорнага, здабытыя ім як пры стварэнні сацыяльна-псіхалагічных, з крэнам да бытавізму раманаў, так і філасофскіх твораў.

Плённае вырашэнне станоўчага героя ў мастацкім творы залежыць ад многага. І перш-наперш ад таго, каб герой з'явіўся ў жыцці, каб пісьменнік адчуў, убачыў яго і знайшоў у сабе патрэбу, рашучасць і ўменне ўвасобіць адчутае або ўбачанае ў мастацкі вобраз. Максім Горкі, можа быць, і мог бы да таго, як была створана Ленінская партыя, напісаць сваю «Песню пра Буравесніка», але стварыць вобраз Паўла Уласава ён не мог. Наўрад ці мог з'явіцца ў мастацкай літаратуры паўнакроўны, вялікай абагульняючай сілы вобраз героя Вялікай Айчыннай вайны да Сталінградскай бітвы або пакуль не сталі вядомы эпапея Брэсцкай крэпасці, неўміручы подзвіг панфілаўцаў ля Дубасекава, гераізм падпольшчыкаў Мінска ці ўдзельнікаў славутай «рэйкавай вайны» у Беларусі. Усё гэта, па-мойму, трэба мець на ўвазе, каб зразумець, як і чаму з'явіўся ў К. Чорнага такі герой часу, як Кастусь Прыбыткоўскі («Скіп'ёўскі лес»).

Кастусь Прыбыткоўскі ў некаторых адносінах — ахвяра вайны, як і героі іншых антываенных твораў выдатнага беларускага празаіка, бо вялікі злодзей таксама адабраў ад Кастуся магчымасць шчасліва кахаць і любіць, як хацела і была здатна душа. Але на гэтым падабенства яго са сваімі папярэднікамі бадай-што канчаецца. Рос ён у невялікім селішчы, што ўзнікла на голым месцы адразу пасля рэвалюцыі і было ўзнята беззямельцамі і бясхатнікамі, у працавітай, гаспадарлівай сям'і, дзе панавалі згода, дастатак, замілаванасць да дзяцей і роднага неба. З малых год Кастуся вызначала роўнасць натуре. І яшчэ тое, што пры багатай душы «думка стала першай адзнакай усяго яго аблічча». Тутэйшую мясцовасць ён ведаў далёка наўкол. У памяці яго

назапашваліся і карціны мінуўшчыны, і падзеі сучаснасці... І вось «прыўшоў час,— абагульняе К. Чорны,— і тады некаторыя моманты з таго, што ведаў і трымаў у сваім уяўленні і памяці Кастусь Прыбыткоўскі, сталі мець дачыненне да яго душы і дзейнасці і пэўным чынам спляліся з яго лёсам». Баявое хрышчэнне, якое Кастусь прыняў камандзірам гарматы, сведчыць, што гэта зусім новы для К. Чорнага характар. Нават Уладзіміра Вялічку («Вялікі дзень») нельга ставіць у рад з ім. Ён, як відаць, сам мусіў пачынаць галерэю па-горкаўску актыўных, мэтанакіраваных, гераічных натур.

Героі чорнаўскага зборніка апавяданняў «Вялікае сэрца» дзейнічалі ў адзіночку, у стане афекту, узрушаныя нашэсцем, кіравалі імі звычайна гнеў і імкненне адпомсціць ворагу. Героі раманаў «Пошукі будучыні» і «Млечны шлях» толькі падводзіліся да вырашальных падзей, іх схваткі з ворагам, будучы эпічнымі, адно ўспаміналіся. Прыблізна, збоку падаваў К. Чорны першыя баі з гітлераўцамі і ўдзел атарапелага Уладзіміра Вялічкі ў іх, а вось паказ бою ў «Скіп'ёўскім лесе» — гэта ўжо выдатная, цэласная ў сваёй архітэктоніцы карціна, дзе ў цэнтры, буйным планам — калектывіст Прыбыткоўскі, які дыхае боем, сталее ў ім і мужнасць, рашучасць якога жывяць не столькі нянавісць, як любоў. Калі батарэйцы пачалі завіхацца каля гармат, якія вырыгали агонь, К. Чорны заўважыў: «Гэта была вялікая работа. Людзі працавалі моўчкі». Забіла наводчыка, і ахоплены ўтрапеннем Прыбыткоўскі стаў на яго месца, як і раней падаючы каманды. Потым давялося замяніць забітага камбата. Гэта яшчэ больш зблізіла яго з байцамі. Захацелася расказаць каму-небудзь з іх аб сёстрах і маўклівым бацьку. Адначасова ў душы Прыбыткоўскага няспынна ішла вялікая работа — трэба было ацаніць тое, што адбывалася. З'явілася думка, што пасля гэтага ўсё з'іначыцца, што сапраўдны змест жыцця не падобен да яснай паэзіі колішніх дзён і што нядаўняму шчасцю паклаў канец нязваны прышэлец. Як электрычным токам страсянула думка: што б тут ні адбывалася — усё ляжыць на яго клопаце, і ўсе зараз будуць глядзець на яго як на таго, хто пакіруе імі. І адчуваючы, як пахаладзела пад сэрцам, ён распарадзіўся сабраць усе гранаты і працаваць каля гармат з аўтаматамі на плячы. «Цяпер кожны,— у другі раз адзначыў К. Чорны,— з радасцю браў на сябе працу, роўную пакуце. Усе зноў працавалі». Прыбыткоўскі выраўняўся душой. Трэці або чацвёрты танк акамянеў на месцы, і ўсіх апанавала прага біць, рваць, страляць. У ход пайшлі гранаты, і Прыбыткоўскі ўпершыню блізка ўбачыў немца. Але калі ён шпурнуў апошнюю гранату, штосьці рванула яго цела і востры боль у грудзях ператварыўся ў адчуванне вялікага цяжару.

Як акампанемент яму гучыць скарга ячменнага поля, якое распасціраецца паблізу. Ад пругкіх хваль паветра ячмень то хіліцца, то гоідаецца. Яго ўмінаюць у раскоўзаную зямлю ногі байцоў, колы гарматы, яго дратуюць гусеніцы танкаў. Калі Прыбыткоўскі траціць прытомнасць, К. Чорны піша: «Яму ўжо было ўсё роўна, што далей рабілася на гэтым пакалечаным ячменным полі, дзе ячменнае калоссе, яшчэ зялёнае, плазам ляжала, патаптанае і прыплясканае да зямлі». Але ачуўшыся, ранены, кантужаны Кастусь знаходзіць у сабе сілы, каб пайсці шукаць ратунку, таварышаў.

Пальміра Тальяці ў рэцэнзіі на «Волоколамское шоссе» А. Бека ўжывае надзвычай дакладныя словы пра выхаваўчую ролю бою, дзе прага жыць у чалавека сутыкаецца з неабходнасцю рызыкаваць сабой, з усведамленнем, што захаваць сябе і другіх можна толькі забіваючы ворага. Гаворачы пра герояў-панфілаўцаў, Тальяці адзначае, што ў іх з'явілася новая глыбіня — «бо яны здолелі зразумець і падпарадкаваць сябе ходу падзей, па-новаму разгарнуць сваю чалавечую сутнасць, упэўнена сустрэць сілы разбурэння і смерці, каб даць ім адпор». Вось гэтая новая глыбіня з'явілася і ў Кастуся Прыбыткоўскага, і яе ўбачыў К. Чорны, думаючы пра воінскі абавязак байца. Каб яшчэ раз і ў

новым аспекце асэнсаваць гэтую глыбіню, праяік малое наступныя, можа, нават большыя пакуты, якія мусіў перажыць і пераадолець Прыбыткоўскі, калі, апрытомнеўшы, ён адчувае прагу ўбачыць маці і турботу аб таварышах, калі з болем у вушах, сашчаміўшы зубы, пляецца да шашы, калі едзе на калёсах са сваёй выратавальніцай, а потым кідаецца ў пасцелі, апанаваны кашмарамі. І нарэшце, калі, апрытомнеўшы, другі раз бачыць у акне неба, ружовую паласу на ім і радасна замірае ад гэтага вечнага хараства. «Ён перасіліў боль і свой неспакой і пачаў думаць пра тое, як ён ачуняе і рушыць у вялікую дарогу, туды, дзе барацьба і смерць і нараджэнне новага жыцця».

На гэтым аповесць абрываецца, і Кастусь Прыбыткоўскі паспявае зрабіць толькі першыя крокі. Але куды імкнуліся задумы К. Чорнага і як склаўся лёс героя, падказвае план «Скіп'ёўскага лесу», які захаваўся ў архіве пісьменніка, і тое, што вядома пра яго. З плана можна даведацца, што К. Чорны збіраўся ўвесці ў аповесць прадстаўніка ЦК, у якога «павінна быць біяграфія і душа». Дзея аповесці павінна была адбывацца ў партызанскім лесе і ў «нямецкім котлішчы», у Лошаўскім Перавозе і ў «рэзідэнцыі заходняга тыпу», на Мінскай дарозе. Ёсць заўвага і пра тое, што Кастусь Прыбыткоўскі, прабіраючыся ў родныя мясціны (аб гэтым гаворыць сам аўтар ды і маршрут Прыбыткоўскага), заначаваў у нейкай «семяжоўкі» і пачуў там, што днямі ў лесе нехта страляў у нямецкую машыну. «Гэта быў зародак партызанскага руху», — каменціруе К. Чорны. І гадаючы, хто мог страляць, схіляецца да думкі — мусіць, Себастыян Рамашка або хто-небудзь з Ярмаціцкіх, якіх ўвасабляюць у сабе, як сказана ў плане, «каталіцка-этнаграфічнае-простае» беларускае.

З гэтага можна зрабіць некаторыя вывады. Усе падзеі і «тэрытарыяльныя пункты», названыя ў плане, знаёмы Кастусю Прыбыткоўскаму: Скіп'ёўскі лес — поруч з яго роднай вёскай, у Лошаўскім Перавозе — яго сястра, каля Мінскай дарогі адбываўся памятны бой, і толькі Кастусь Прыбыткоўскі мог звязаць іх у адно. Тое ж можна сказаць і пра дзейных асоб, якіх К. Чорны ў плане называе «тыпамі». З «заходнім тыпам» Кастусь бачыўся і размаўляў, Себастыян Рамашка яму — сват, Ярмаціцкія — аднавяскоўцы яго любай, Волькі Уздышкевічавай. Значыць, ніхто іншы, як Кастусь Прыбыткоўскі, павінен быў стаяць у цэнтры і наступных падзей. А значыць, маючы пэўныя дачыненні ад астатніх персанажаў, ён сам павінен быў падваргацца іх уплыву, нешта браць ад іх.

Безумоўна, вельмі важнымі тут былі далейшыя сустрэчы Прыбыткоўскага з «заходнім тыпам». З вядомага нам, «заходні тып» меў нейкія адносіны да лячэння раненага Кастуся, як і да ўсяго, што адбывалася ў наваколлі, захопленым гітлераўцамі. Нейкія яго распараджэнні выконвае і жанчына, якая выратавала Прыбыткоўскага. Праўда, размова паміж ім і Прыбыткоўскім была кароткай, але надзвычайна характэрнай, і, мяркуючы па ёй, «заходні тып» быў інтэлектуалам, чалавекам, які многа бачыў і чые думкі вельмі глыбокія і дакладныя («На героях трымаецца жыццё народа», «На вялікі жаль, чалавецтва яшчэ на такім стане свайго развіцця, што лепшым людзям трэба ісці на ахвяру сваім жыццём за агульнае шчасце»). Адчуваецца ў ім і прадбачлівы палітык («Прыйдзе час, што з'яўленне Гітлера будзе немагчымым»). Ён вопытны прапагандыст, мае сваю рэзідэнцыю і хутчэй за ўсё з тых прафесіянальных рэвалюцыянераў, якія дзейнічалі да падзей 1939 года ў камуністычным падполлі былой Заходняй Беларусі. І няма сумнення, што ўсё гэта неяк вызначыла б кірунак развіцця Кастуся Прыбыткоўскага. Недарэмна ў слаўтым чорнаўскім «спісе тышаў» «заходні тып» стаіць другім — услед за Прыбыткоўскім.

Ну а як жа быць з «нямецкім котлішчам»? Туды Кастусь Прыбыткоўскі мог трапіць або пайшоўшы ў разведку, або штурмуючы яго, або прыведзены туды на допыт і справу. Трагічны напал канфліктаў і самога развіцця падзей ў аповесці, пафас воінскага подзвігу, якім ды-

хае яна, эстэтычная пазіцыя аўтара выключаюць і першае і другое. Ды і словы «заходняга тыпу» пра ролю лепшых у поступу чалавецтва наперад сказаны не дарэмна. Значыць — апошняе.

Смерць дасюль у творах К. Чорнага была часцей за ўсё няслаўнай. Перакрэсліваючы жыццё героя, яна тым самым развенчала і перакрэслівала яго памылковыя і варожыя жыццю ідэі, носьбітамі якіх ён быў. Так загінулі стары Нявада, Люцыян Акаловіч («Пошукі будучыні»), таўсматы палкоўнік («Млечны шлях»)… Да непазбежнай гібелі ішлі Блецкі, Клебер («Вялікі дзень»). І наадварот, героі, якія ўступалі на шлях барацьбы за высокія ідэалы, заставаліся жыць, хоць і хадзілі за крок ад смерці. І ўсё-такі іншае было наканавана Кастусю Прыбыткоўскаму, бо вайна раскрывала перад К. Чорным свае новыя грані — важнейшыя ў вызваленчай вайне. Бо гэта было неабходна праўдзе, жыццю і К. Чорнаму, каб можна сустрэць недалёкую ўласную смерць. Бо ён хацеў, каб вялікая любоў да людзей кіравала чалавекам ва ўсім.

«Скіп'ёўскі лес» — героіка-трагічная аповесць, дзе подзвіг, таму што ён падказаны любоўю, абавязкам перад другімі, перамагае трагізм смерці. Тут К. Чорнага цікавіць не толькі «дыялектыка душы» свайго героя. Ён раскрывае і сувязь яго пачуццяў з дзеяннямі, устанаўлівае грамадскую вартасць яго дзеянняў і такім чынам пая хвалу свайму герою як актыўнай народнай натуре, якая прымае, бласлаўляе справядлівую барацьбу. «І пачуццё,— піша К. Чорны пра адчуванні Прыбыткоўскага ў баі,— блізкае да шчаслівага задавальнення, нарадзілася і пачало вырастаць у душы». Эмацыянальна, па-талстоўску перададзена праяікам і тая хвіліна, калі гасне свядомасць у героя, калі боль у яго пачынае «шпарка ператварацца ў адчуванне вялікага цяжару». Яго бяспамятства суправаджае маўклівая цішыня ў прыродзе. «Над змятым, па-корпаным разрывамі і закурадымленым полем ужо вісела поўная цішыня», і ўсё, што адбываецца наўкол пасля, адбываецца, нібыта пад вадой — марудна, без гукаў, як на запаволеных кіназдымках. Потым на душу Прыбыткоўскага пала «трывожная турбота», пачало адчувацца вяртанне болю, холаду, навакольнага, з'явіліся думкі аб родным Скіп'ёўскім Перабродзі, прага ўбачыць маці…

У аповесці «Скіп'ёўскі лес» майстэрства Чорнага ўзбагацілася новымі рысамі. Больш дынамічным, сіслым стала апавяданне. Разнастайнейшымі сталі прыёмы, якія ўжывае празаік, разгортваючы дзею. Вырасла вага аўтарскага слова, якое часта набывае характар шырокага абагульнення і пашырае рамкі таго, пра што раскажваецца. Вялікае значэнне набываюць п'сьмы герояў, іх расказы, што даюць магчымасць лёгка пераносіць дзею з аднаго месца ў другое. Уведзены своеасаблівы каментатар — дасціпны чалавек-рагатун, чые словы надаюць адметны каларыт падзеям. Часцейшымі сталі псіхалагічныя адкрыцці, яшчэ глыбейшым псіхалагічны аналіз. Нават сам бясконца патрабавальны да сябе і другіх К. Чорны наконт намалёваных ім батальных сцэн запісаў 9 ліпеня 1944 года ў дзёніку: «Чытаў М. Лявонава ў «Правде» «Взятіе Великошумска», і паняверка мая, што «Скіп'ёўскі лес» пішацца вельмі дрэнна, зменшылася».

Кузьма Чорны робіць акцэнт на гераічным, яно становіцца цэнтрам увагі п'сьменніка.

Л. Н. МУЩИНИНА

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ПОЭЗИИ ГИППОНАКТА

Отсутствие документальных сведений о жизни и творчестве древних авторов часто побуждает исследователей устанавливать некую историческую связь между жизнью древнего поэта или драматурга и произведением, в которых повествование ведется от первого лица. Такого рода утверждениям не следует доверять. Их несостоятельность для би-

ографий авторов V века до н. э. (Еврипид, Аристофан, Пиндар) доказана М. Лефковиц¹. Несостоятельность названной точки зрения для авторов периода архаики убедительно обоснована в другой работе М. Лефковиц, посвященной новонайденному папирусному фрагменту Архилоха, ямбографа VII века до н. э.²

Исследователи творчества Гиппонакта, холмиямбографа, жившего в VI веке до н. э., обычно отождествляют автора с героем его поэзии. Это привело к тому, что содержание творчества поэта стали понимать как адекватное отражение его биографии. Так понимал Гиппонакта в XIX веке немецкий филолог Г. Герхард, который впервые назвал его «proletarische Dichter», «бедняком, недовольным и злым»³. Позднее этот же взгляд отразился в диссертации В. Гебхарда, посвященной фармакам: «...поэт Гиппонакт, с его ограниченным кругозором и пристрастием к грубым народным суевериям»⁴. С другой стороны, О. Крузиус считал стихи Гиппонакта своего рода «фантастической поэзией», полной популярных поучений⁵. Это вполне согласуется с поучением тому, кто небрежно относится к своему наследству (Гипп., фр. 26)⁶, с фр. 67: «Безумны выпившие несмешанное вино». Однако вряд ли можно считать Гиппонакта демократическим поэтом-моралистом. Вопрос о его мировоззрении, о характере отражения современной ему действительности весьма сложен⁷.

Различные взгляды на поэзию Гиппонакта объединяет мнение о том, что «Я» ранней греческой лирики является авторским. Однако авторское «Я» Гиппонакта не всегда совпадает с личностью самого поэта. «Сам поэт еще не стал лирическим поэтом в современном смысле, он только продолжает песенную мусическую традицию»⁸. Ранняя поэзия, к которой принадлежит Гиппонакт, выражает интересы определенного коллектива. Она еще сохраняет черты обряда, его атрибуты и маски. При этом героем лирической поэзии часто выступает не сам поэт, а персонажи, которые являются субъектами и объектами обрядового действия или праздника.

Фрагментарность поэзии Гиппонакта не позволяет в полной мере раскрыть этот очевидный тезис. Однако фрагменты, которые принято считать автобиографичными, показывают, что их герой — не Гиппонакт. В некоторых из них речь идет о нищенстве и попрошайничестве героя. Он обращается к Гермесу с просьбой дать теплую одежду и обувь: «Гермес, милый Гермес, сын Майи и Зевса, Киллсенец, /я умоляю тебя, ибо я очень замерз /и стучу зубами.../ Дай Гиппонакту теплый плащ и туничку, /сандалики, башмачки и денег 60 /статеров... (фр.32). В другом фрагменте, который, возможно связан с предыдущим единством замысла, герой сообщает о том, что кто-то неизвестный (возможно бы) не дал ему вещей, которые он, вероятно, просил: «Ты же не дал мне ни шерстяного /плаща, средства от холода зимой, /не накрыл ноги шерстяными башмаками, /чтобы у меня не лопнули волдыри, полученные от мороза» (фр. 34). Герой упрекает слепого бога богатства Плутоса за то, что тот не пришел в дом к Гиппонакту и не сказал: «Гиппонакт, я даю тебе 30 мин серебра и еще многое другое» (фр. 36. 2—4). Герой обращается с упреками к Зевсу за то, что тот не дал ему золота: «Что же ты не дал мне золота, владыка серебра?» (фр. 32). Наконец, герой грозит: «Я отдам порокам многостонущую душу, /если ты как можно скорее не пришлешь мне /медими ячменя, чтобы я смог сделать из ячменной муки и воды смесь /и пить ее как лекарство от злобы» (фр. 39).

Попрошайничество Гиппонакта, говорящего здесь от первого лица или называющего свое имя, расценивалось многими учеными как свидетельство в пользу того, что сам поэт Гиппонакт в действительности испытывал нужду и, разгневанный из-за своего бедственного положения, сочинял такие стихи⁹. Но мы полагаем, что на основную тему этих фрагментов — мотив попрошайничества — оказала влияние фольклорная традиция. У греков во время весенних праздников был обы-

чай, который заключался в том, что люди собирались группами и ходили из дома в дом просить подаяние «вороне». С собой они носили чучело птицы. Подобный обычай распространен в фольклоре других народов, например, славян, у которых он приурочивается к зимнему циклу аграрных праздников (колядки, щедривки). Грамматик III века Афиней по поводу этого обряда греков сообщает, что коронистами назывались те, кто собирал подаяние вороне... исполняемые ими песни называются коронисмы (от греческого слова «κορονῆ» — «ворона» (VII. 360 в). В качестве примера такой коронисмы Афиней приводит «Песню вороны» Феникса Колофонского, поэта холиямбографа, жившего в III веке до н. э. (V. 359 е). Мы приведем несколько отрывков из этого стихотворения. Ст. 1—6: «Дорогие, подайте вороне, Аполлонову ребенку, / горсть ячменя или блюдо пшеницы, / или хлеба, или пол-обола, или кто чего хочет. / Дайте, люди добрые, из того, чем вы богаты, / вороне. Она возьмет и крупинку соли, / ибо она очень любит ею угощаться». Исполняющий песню добавляет в конце от первого лица (ст.15—17, 18—20): «Я же, куда бы меня ни понесли ноги, воздаю Музам, исполняя песни у дверей / и желаю много богатства и дающему, и тому, кто не дает. / Дай, хозяин, подай и ты, молодая хозяйка. / Когда ворона просит, есть обычай ей дать горсть».

Афиней сообщает также о древнем фольклорном обычае жителей э. Родос собирать падающие, который назывался «chelidonizein» — «петь песню ласточки» (VIII. 360 в). Афиней приводит пример такой «песни ласточки»: «Прилетела, прилетела ласточка, / принесшая красивое время года, красивый год; / со стороны спины она черная, а на животе белая. / Ты неси сушеные фиги из богатого дома, / чашу вина и головку сыра. / Ласточка не откажется и от пирога из бобов и пшеницы. / Нам уйти или взять самим? / Дашь ли ты что-либо? Если нет, то мы не уступим и унесем или дверь, или преддверие...» Если сравнить данные приведенной фольклорной традиции и фрагмент Феникса, подражавшего этой традиции, с цитированными выше фрагментами Гиппонакта, то можно сделать вывод о влиянии на него фольклорного мотива попрошайничества. Другая группа фрагментов, в которых герой выступает от первого лица или назван Гиппонактом, содержит мотив избиения. Например, в одном случае Гиппонакта забрасывают камнями: «Он приказал схватить и побить камнями Гиппонакта» (фр. 37). Гиппонакт, в свою очередь, грозит выбить глаз своему противнику Бупалу. Эта угроза содержится во фр. 120—121: «Возьмите мой плащ, я выбью глаз Бупалу. / Ведь я ловок на обе руки и бью без промаха». Во фр. 20 кого-то бьют палкой: «Полагая, что он того побил палкой».

Субъектом и объектом упомянутых фрагментов может быть Гиппонакт, но представший в маске некоего типического персонажа. Так, в аналогичной ситуации оказывается Одиссей, когда он вступает в ссору с нищим Иром. В этом конфликте участвует не эпический герой Одиссей, а Одиссей, оказавшийся в негероической ситуации, принявший облик нищего старца и с успехом сыгравший эту роль. Пониманию того, чью маску может носить герой рассмотренных выше и других фрагментов Гиппонакта, способствуют фр. 6—10, связанные с ритуалом изгнания фармака, который имел место в Ионии на первом весеннем празднике урожая, на Таргелиях (май—июнь месяцы). Эти фрагменты цитируются только в «Хилиадах» Иоанна Цеца (V. 726—736) для объяснения греческого слова «жертва». Стихи Гиппонакта, цитируемые Цецом, возможно, взяты из разных произведений поэта. Связного изложения обряда фармаков они не дают, однако сам Цец описал этот ритуал довольно подробно: «В старину было следующее очистительное средство: / если город подвергнулся несчастью из-за гнева богов — / то ли голоду, то ли чуме, то ли какому-то другому бедствию, / то приводили того, кто был безобразнее всех, как бы для жертвоприношения / с целью очищения и излечения данного болеющего города. / Жертву (фармака) ставили в соответствующее место, дав в руку сыр,

ячменный хлеб и фиги / и, ударив его в пах семь раз морским луком, / дикими фигами и прочими дикорастущими растениями, / в конце-концов они сжигали фармака на костре, а золу разведали по морю / для очищения города, как я сказал, болеющего. / Лучше всего говорит об этом обычае Гиппонакт...» Далее приводится пять цитат из Гиппонакта. Обряд жертвоприношения фармака, вероятно, был известен Цецу не только по произведениям Гиппонакта, но и по другим источникам. Он связывает эту церемонию с экстремальными случаями в жизни людей: голодом, эпидемией и другими бедствиями. Церемония фармака описывается также у Каллимаха (Aet. fr. 90 Pf.): «В городе / Абдере раб, купленный на рынке, / использовался для очищения города. / Его ставили на грудь серого камня, сытно кормили и поили. / Сытый до отвала, / он затем выводился к воротам... / Затем его вели вокруг городских стен, / очищая им город, / а потом басилевс и другие кидали в него камнями, / пока он не скрывался за пределами города».

Используя фрагменты Гиппонакта, свидетельства Цеца, Каллимаха и данные других источников, попытаемся представить себе такого фармака, а также восстановить и объяснить некоторые подробности церемонии его изгнания. По свидетельству Цеца, фармак был «очень безобразен» (Хил. V. 729). Страбон отмечает, что фармаками могли быть приговоренные к смертной казни преступники (X. 452). Перед началом церемонии фармака, по-видимому, морили голодом: «Пусть он сделается от голода высохшим» (фр. 10.1). Затем его обводили вокруг городской стены, чтобы он принял на себя все грехи, болезни и беды граждан города. Процесс обведения вокруг стены, символизирующий очищение города от грехов и отвращение зла, упоминается у Каллимаха (Aet. fr. 90 Pf.). Как сообщает историк Гелладий, «по обычаю в Афинах выводили двух фармаков: один — жертва за мужчин, а другой — за женщин. У обоих на шею висели связки сухих фиг. У того, кто приносился в жертву за мужчин — черные, за женщин — белые». Затем фармакам в изобилии давали ритуальную пищу: «сушеные фиги, лепешку из ячменя и сыр» (фр. 8.1—2). После обведения фармака вокруг городской стены процессия направлялась за пределы города, «в определенное место», как сообщает Цец (Хил. 731). Здесь фармака подвергали определенным ритуальным действиям: его били в пах ветвями смоковницы и морским луком ритуальное число раз: «фармак... был 7 раз побит...» (фр. 10.2). О действиях, происходящих в этом заранее отведенном месте, сообщается во фр. 6: «Забрасывая и ударяя ветвями фиги и морским луком, как фармака». Растения, которыми били фармака, обладали апотропическими свойствами. Их применяли в обрядах в качестве очистительных средств. То, что фармака били в пах, должно было означать не только изгнание нечистых сил, но и стимулирование производительных сил природы и человека, способствовать обновлению и новому урожаю. Церемония избивания фармака происходила под аккомпанемент флейты, а песня носила название «ном смоковничной ветви» (фр. 153). Гезихий объясняет это выражение следующим образом: «Когда выгоняют фармаков, избивая их смоковничными ветвями и листьями, под флейту исполняют какой-то ном». Конец церемонии неясен: одни сообщают, что фармаков до смерти забивали камнями (Istr. fr. 33), а другие — что их не убивали, а лишь выгоняли за пределы города (Call. fr. 90 Pf., Lys. VI. 53). Во всяком случае, ни у Гиппонакта, ни у других авторов нет описания той расправы над фармаками, о которой говорит Цец (Хил. 729—753).

Таким образом, фармак воплощал в себе два начала: он был жертвой, приносимой для очищения, и на него переносили скверну, болезни и бедствия города. Оба эти значения («козел отпущения» и ругательно-презрительное «скверна») представлены в литературной традиции: у Лисия (VI. 53), у историка Истра (фр. 33), а также у Каллимаха (Aet. fr. 90). Геродиан, греческий грамматик II века н. э., объясняет слово «pharmakos» однозначно: «фармак — по отношению к жертве, приносимой для

очищения города» (I. P. 150). «Pharmakos» означало характер человека: «скверна», «мерзость», т. е. употреблялось в бранном смысле, что может свидетельствовать в пользу того, что древние относились к фармакам с презрением. Последнее значение широко представлено в комедиях Аристофана (Ran. 729—733, Eq. 1402—1405, fr. 634 Edm.). Употребление этого слова со значением, близким к ругательству, встречается у Демосфена (Orat. 25. 80): «Теперь он лишит его жизни, он, фармак, зараза...» Бранный смысл появился в этом слове из-за олицетворения фармаком скверны города.

Кроме фр. 6—10, у Гиппонакта слово «pharmakos» встречается еще в двух папирусных фрагментах: фр. 92 и фр. 104, 47—49. Рассмотрим эти фрагменты. Фр. 92 связного рассказа не содержит, так как текст неполон и плохо сохранился: из 18 строк читаются только 14, причем правый край папирусного фрагмента испорчен. Общее содержание фрагмента ясно: речь идет о возвращении некоему персонажу его утраченной мужественности. Какая-то женщина бьет его смоковничными ветвями, точно так же, как поступали с фармаками. Этот фрагмент близок к гл. 138 «Сатирикона» Петрония, где изображена аналогичная ситуация¹⁰. Герой от первого лица говорит: «...она отхлестала ветками смоковницы как будто по фармаку» (фр. 92.4). Содержание другого фрагмента восстановить невозможно, хотя по объему он самый большой из сохранившихся: включает 52 стиха, причем только ст. 47—49 восстановлены полностью благодаря Афинию (370A), который их цитирует, рассуждая по поводу того, что капуста считалась у древних священным растением: «Он, извращиваясь, молит Семилистную Капусту, которой Пандора посвящает на Таргелии пресный пирог вместо фармака». Древние считали капусту священным растением, наделенным магической силой. Известен обычай клясться капустой (Anap. fr. 3 West). В приведенном фрагменте Гиппонакта приносят в жертву вместо фармака пирог, который, видимо, понимается как небольшая бескровная жертва в праздник Таргелий от одного частного лица¹¹.

Тема ритуала фармака встречается не только в тех фрагментах, где прямо названо его имя. Взглянув на фрагменты 20, 32, 34, 37, 38, 39, 120, 121 сквозь призму ритуала фармака на Таргелиях, мы можем более ясно представить их героя фармаком, которого бьют и забрасывают камнями (фр. 20, 37, 120, 121). Становится понятным также объяснение Гезихия к фр. 152, состоящему из одного слова «крадисит» — «фармак, заброшенный смоковничными ветвями». Возможно, что нищий герой у Гиппонакта (фр. 32, 34, 38, 39) — это тот же фармак, иссушенный голодом.

Отсюда можно сделать вывод о недопустимости извлечения сведений о жизни Гиппонакта из его поэзии, поскольку воспроизведение им действительности обусловлено особенностью раннего поэтического творчества, связанного с фольклором и обрядами.

¹ См.: Lefkowitz M. R. The Poet as Hero: Fifth Century Autobiography and Subsequent Biographical Fiction.— The Classical Quarterly, 1978, 28.2, p. 459—469.

² См.: Eadem. Fictions in Literary Biography: the New Poem and the Archilochus Legend.— Arethusa, 1976, 9.2, p. 181—189.

³ Gerchard G. A. Hipponax: Pauly-Wissowa Realencyclopädie für Altertumswissenschaft. Stuttgart 1913, v. 8, 2Hbd., col. 1899—1900.

⁴ Gebhard V. Die Pharmakoi in Ionien und die Sybakchoi in Athen. Diss.— Amberg, 1962, S. 5.

⁵ Crusius O. Zur Charakteristik der antiken Iambographen.— Sitzungsberichte der bayerischer Akademie der Wissenschaften. München, 1906, S. 379—380.

⁶ Нумерация фрагментов Гиппонакта дается по изданию: Iambi et Elegi Gracci ante Alexandrum cantati, Ed. West M. L. Oxonii, 1971, v. 1.

⁷ Masson O. Les fragments du poete Hipponax.— Paris, 1962, p. 20—21.

⁸ Фрейденберг О. М. Происхождение греческой лирики.— Вопросы литературы. М., 1973, № 11, с. 105.

⁹ Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur.— München, 1959, v. I, S. 399.

¹⁰ См.: Latte K. Hipponactum.— Hermes, 1929, 64, p. 385.

¹¹ См.: Nilsson M. P. Griechische Feste.— Leipzig, 1906, S. 107.

Мовазнаўства

Л. М. ШАКУН

СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫ СТАТУС ЗАПАЗЫЧАННЯЎ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Лексічныя запазычанні — істотная і неад’емная частка выяўленчых сродкаў любой мовы. Беларуская мова на працягу свайго развіцця назапасіла даволі вялікую колькасць слоў іншамоўнага паходжання, якія трывала замацаваліся ў ёй і выконваюць важныя намінацыйныя і экспрэсіўна-ацэначныя функцыі. Асабліва многа слоў запазычваецца беларускай мовай у наш час. Кожнае іншамоўнае слова, пранікаючы ў запазычваючую мову, павінна пэўным чынам прыстасавацца да асаблівасцей яе сістэмы. У працэсе яго фармальнай адаптацыі (графічнай, арфаграфічнай, фанетыка-арфаэпічнай, марфалагічнай і г. д.) сціраюцца многія ўласцівыя яму адметныя рысы. І ўсё ж слова іншамоўнага паходжання не заўсёды страчвае поўнаасцю сваю адметнасць у запазычваючай мове. Некаторыя яго структурныя рысы не «ўкладваюцца» ў сістэму запазычваючай мовы. Гэта акалічнасць часта выклікае неабходнасць спецыфічнага падыходу да характарыстыкі граматычнай структуры запазычанняў. Такі падыход патрабуецца, у прыватнасці, да вызначэння словаўтваральнага статусу запазычаных слоў.

Звычайна запазычваючая мова на тым ці іншым этапе свайго развіцця ў якасці галоўнай крыніцы запазычання «выбірае» адну якую-небудзь мову, найчасцей — суседняга народа, блізкую ў структурных адносінах. Гэта мова пад уздзеяннем пэўных сацыяльна-гістарычных і інтралінгвістычных фактараў становіцца на нейкі час для запазычваючай мовы як бы «пастаўшчыком» гатовага лексічнага матэрыялу. Для беларускай мовы галоўнай крыніцай запазычання лексікі даўно ўжо стала руская. З рускай мовы запазычваюцца словы, што ўзніклі на ўласна рускай моўнай базе, а таксама і такія словы, якія ў гатовым або перапрацаваным выглядзе былі ў сваю чаргу запазычаны рускай мовай з іншых моў.

Як вядома, лексіка запазычваецца найперш для мэт намінацый. Навя рэаліі і паняцці, што ўзнікаюць і пашыраюцца ў нашым жыцці, часцей за ўсё спачатку атрымліваюць намінацыю ў рускай мове ў сувязі з той роляй, якую яна выконвае ў сацыялістычным грамадстве як сродак міжнацыянальных зносін. Па гэтай прычыне руская мова і стала галоўнай крыніцай лексічнага запазычання не толькі для беларускай, але і для моў усіх народаў СССР. З рускай мовы запазычваюцца словы таксама і для мэт эмацыянальна-вобразнага выказвання. І ў тым і ў другім выпадку беларуская мова запазычвае словы, ужо правераныя моўнай практыкай. Пра гэта так сказаў народны пісьменнік БССР Кандрат Крапіва: «Іншамоўныя словы ў нас не з’яўляюцца праблемай, бо цяпер яны прыходзяць да нас амаль выключна праз рускую мову, такім чынам у значнай меры апрабаванымі»¹. У гісторыі беларускай мовы перыяд «непераборлівага», механічнага запазычання

лексікі закончыўся па сутнасці ўжо ў першыя дзесяцігоддзі савецкай улады, калі пачалося ўпарадкаванне лексічных сродкаў і разгарнулася мэтанакіраваная работа па стварэнню нацыянальнай тэрміналогіі. Паступова вырацаваліся строгія правілы запазычання лексікі — у адносінах крыніц адбору лексічнага матэрыялу, мэтазгоднасці засваення канкрэтна тых ці іншых слоў, прыцыпаў семантычнага і фармальнага прыстасавання іх да асаблівасцей сістэмы беларускай мовы. Лексічнае запазычанне зараз рэгулюецца не толькі мэтазгоднасцю ўзбагачэння лексіка-семантычных і стылістычных сродкаў беларускай мовы за кошт іншамовных крыніц, але ў значнай меры і тым, наколькі яе сістэма здатна фармальна асвоіць іншамовнае слова. Асвойванне запазычанняў на словаўтваральным узроўні дае яркія прыклады для пацвярджэння гэтага.

Сярод запазычанняў з рускай мовы ў беларускай мове значны пласт складаюць утварэнні на ўласна рускім моўным матэрыяле. Дзякуючы структурнай блізкасці беларускай і рускай моў многія з такіх слоў (тыпу *грань*, *кулак* 'багаты селянін-уласнік, эксплуатаатар чужой працы', *пушка*) запазычваюцца ў нязменным выглядзе або толькі змяніўшы некаторыя свае правапісна-графічныя і фанетыка-арфаэпічныя рысы (тыпу *савет*, *саюз*, *абязлічка*). З пункту гледжання марфемнай будовы гэта словы як каранёвыя, непадзельныя на словаўтваральныя афіксы (напрыклад, *грань*, *кулак*, *савет*, *саюз*), так і словы з выразнай марфемнай чляннасцю (тыпу *мічурынец*, *вячэрнік*, *вяшчаць* 'перадаваць па радыё'). Аднак марфемы, якія ўваходзяць у склад гэтых слоў, тоесныя і па значэнню і па функцыях у адной і другой мовах; гэта словы з агульнай матэрыяльнай базай. Наяўнасць такой агульнай матэрыяльнай базы стварае ўмовы для перанясення з рускай мовы ў беларускую не толькі асобных слоў, але і іх дэрыватаў, інакш кажучы — цэлых словаўтваральных гнёздаў (тыпу *кулак* — *кулацкі* — *раскулачваць* і г. д., *вяшчаць* — *вяшчанне* — *вяшчальнік* і г. д.). Пры гэтым марфемная будова рускіх слоў не змяняецца ў працэсе іх запазычання: перайшоўшы ў беларускую мову, нечляннае слова застаецца ў ёй нечлянным, чляннае — члянным. Выпадкі апрошчання марфемнай будовы запазычанага рускага слова ў беларускай мове назіраюцца вельмі рэдка; параўн., напрыклад, руск. *по-втор* і бел. *паўтор*, руск. *реб-ят(а)* і бел. *рабят(ы)*, руск. *со-иск-а-ни(е)* і бел. *саіск-а-ни(е)*, руск. *страж-ник* і бел. *страж-нік*. Гэтыя выпадкі адлюстроўваюць магчымасць страты той ці іншай марфемай сваіх першапачатковых словаўтваральных сувязей у новых умовах функцыянавання.

Такім чынам, запазычанні адзначанай групы фактычна не ствараюцца ў беларускай мове, яны пераносяцца на яе глебу ў гатовым, закончаным выглядзе. Адбываецца толькі як бы «прыцірка» іх словаўтваральных элементаў да словаўтваральнай сістэмы беларускай мовы. Але менавіта гэта акалічнасць якраз і дае падставы разглядаць такія запазычанні ў сувязі з агульнымі заканамернасцямі беларускага словаўтварэння, а адсюль і кваліфікаваць кожнае запазычанне як вытворнае або невытворнае ўжо непасрэдна ў сістэме беларускай мовы. Выразнасць марфалагічнай будовы гэтых запазычанняў на фоне словаўтваральных сувязей сучаснай беларускай мовы спрыяе без асаблівых цяжкасцей вызначаць іх словаўтваральны статус з сінхроннага пункту гледжання. Яшчэ яскравей выяўляецца словаўтваральны статус тых слоў, якія поўнасцю або часткова перакладаюцца (калькуюцца) з рускіх адпаведнікаў (тыпу *Кастрычнік*, *спадарожнік*, *неядомы*). Працэс калькавання адбываецца пры ўмове немагчымасці перанясення на глебу запазычваючай мовы іншамовнага слова ў гатовым выглядзе, без трансфармацыі марфемнай будовы, паколькі яго значэнне можна перадаць у запазычваючай мове толькі шляхам спалучэння і іншых марфем, фармальна не тоесных марфемам мовы-крыніцы. Калькаванне — выключна прадуктыўны спосаб запазычання рускай лексікі ў сучаснай беларускай мове. Даследчыкі адзначаюць, што гэта агульная з'ява для ўсіх

моў народаў СССР². Яна адлюстроўвае пашыраную тэндэнцыю ўхіляцца ад уключэння ў лексічную сістэму той ці іншай мовы слоў з чужымі фармальнымі прыметамі. Гэтым і тлумачыцца той факт, што сярод вялікай колькасці запазычаных з рускай мовы слоў у сучаснай беларускай мове нязменныя (г. зн. нетрансфармаваныя) запазычаныя рускага паходжання займаюць параўнальна нязначнае месца.

Калькаванне непасрэдна звязана з працэсамі словаўтварэння і стаюча ўплывае на развіццё і ўдасканаленне словаўтваральнай сістэмы запазычваючай мовы. Запазычваючая мова імкнецца адшукаць найбольш адэкватныя словаўтваральныя сродкі перадачы значэння іншамоўнага слова, яна надзвычай чуйна рэагуе на неадпаведнасць словаўтваральнай структуры запазычання прынятым нормам словаўтварэння. З гэтага боку матэрыял, які запазычваецца, вельмі строга «прасейваецца»; можна адзначыць нямаючых такіх выпадкаў, калі запазычанае з рускай мовы слова ўсё ж не замацоўвалася ў беларускай мове, хоць і ўжывалася ў ёй даволі доўгі час, бо ўрэшце выяўлялася неадпаведнасць яго словаўтваральнай структуры прынятым нормам словаўтварэння. У словаўтваральных адносінах калькі не складаюць якой-небудзь спецыфічнай групы ў лексіцы сучаснай беларускай мовы. Даследчыкамі заўважана, што наогул «нярэдка становіцца цяжкім правесці якую-небудзь мяжу (зыходзячы са знешняй формы) паміж калькамі і ўласна беларускімі новаўтварэннямі. Такія калькі цалкам могуць разглядацца і як беларускія словы, якія ўтварыліся па законах і на матэрыяле беларускай мовы. Уплыў рускай лексікі тут можа разглядацца як чыста актыўны сродак, як своеасаблівы каталізатар, які павышае дзейнасць словаўтваральных тэндэнцый беларускай мовы»³.

Намного складаней з тымі запазычаннямі, якія руская мова сама запазычыла з іншых моў у выглядзе гатовых лексічных адзінак і не трансфармавала іх шляхам выкарыстання ўласных словаўтваральных элементаў (тыпу *адміністратар, бульдозер, метрапалітэн*). Словы гэтай групы пры запазычванні іх беларускай мовай патрабуюць найменшай фармальнай «перапрацоўкі» — іх пераход у беларускую мову адбываецца ў той форме, у якой яны ўжываюцца ў рускай мове. Тут мы маем справу як бы з механічнай транспазіцыяй слоў, за выключэннем хіба таго, што назіраюцца розныя правапісна-графічныя і фанетыка-арфаэпічныя субстытуцыі, непазбежныя ўвогуле ў такім разе (накшталт акання і якання, дзекання і цекання, паслядоўнай цвёрдасці шыпячых і *p* і *g*. д.). Некаторыя даследчыкі лічаць, што словы гэтай катэгорыі складаюць у сучаснай беларускай мове большасць запазычанняў з рускай мовы⁴. Наколькі гэта так, устанавіць цяжка, таму што дакладных падлікаў такіх слоў не зроблена. Трэба, аднак, мець на ўвазе, што патэнцыяльна любое слова гэтай катэгорыі пры неабходнасці можа быць перанесена з рускай мовы ў беларускую. Калі яно пабудавана цалкам на іншамоўнай словаўтваральнай базе, то яго марфемны склад так і захаваецца паслядоўна ў беларускай мове; да калькавання (поўнага або частковага) такога слова не звяртаюцца, поўнасцю давярваючыся рускай мове, дзе яно першапачаткова праходзіць апрацацыю (відаць, менавіта гэта ўлічваў Кандрат Крапіва, калі гаварыў пра ўрэгуляванасць працэсаў лексічнага запазычання на сучасным этапе развіцця беларускай мовы).

Прадуктыўнасць адзначанага спосабу запазычання абумоўліваецца тым, што фармальна-сэнсавая структура слоў, узнікшых на нярускай моўнай базе, аказваецца для носьбітаў беларускай мовы не такой прызрыстай у параўнанні са словамі, якія ўзніклі на ўласна рускай моўнай базе. Іншая справа, калі ў склад запазычання разам з кампанентам нярускага паходжання ўваходзіць кампанент уласна рускі (параўн., напрыклад, *атомшык, адміралтейство, амаральны*). Апошні паводле агульных правіл запазычання абавязкова павінен будзе «прайсці праверку» на адпаведнасць словаўтваральнай сістэме беларускай мовы. Тут можа атрымацца і так, што гэты кампанент прыдзецца перакладаць

(калькаваць) на беларускую мову. Так, напрыклад, рускаму слову *телевізор* у беларускай мове адпавядае слова той жа марфемнай будовы *тэлевізар*, але рускае слова *телевидение* прыйшло ў беларускую мову праз стадыю калькавання кампанента — *видение* у выніку чаго атрымалася слова *тэлебачанне* (у польскай мове, напрыклад, адно і другое слова мае агульную словаўтваральную базу: *telewizor* — *telewizja*). Усё ж такія выпадкі намнога радзейшыя ў параўнанні з выпадкамі, так сказаць, «чыстага» запазычання слоў нярускага паходжання, з захаваннем іх марфемнай будовы; прыток «чыстых» запазычанняў у беларускую мову, як сцвярджаюць даследчыкі, у савецкі перыяд увесь час павялічваецца⁵.

Значыць, і тут запазычваюцца словы, створаныя па-за межамі беларускай мовы, якія прыходзяць у яе ўжо гатовымі, канчаткова аформленымі з пункту гледжання марфемнай будовы. Але словы гэтай групы (сярод іх многа тэрмінаў інтэрнацыянальнага ўжытку) у адрозненне ад тых слоў, што ўзніклі на ўласна рускай моўнай базе і ў нязменнай форме ўліліся ў беларускую мову, складаюцца з марфем іншамоўнага паходжання, такіх марфем, якія нярэдка з’яўляюцца незвычайнымі, нетыповымі для беларускай мовы, а то і наогул унікальнымі ў ёй і з цяжкасцю ідэнтыфікуюцца яе носбітамі (накшталт кораня *альтру-* ў словах *альтруізм* і *альтруіст*, суфікса *-ыліј-* у слове *флатылія*). Марфемная будова многіх слоў гэтай групы даволі невыразная; невыпадкова ў спецыяльнай літаратуры выказваюцца думкі, што члянмасць запазычаных слоў варта разглядаць асобна ад слоў генуінных, уласных⁶. Узнікаюць розныя цяжкасці пры вызначэнні словаўтваральнага статусу запазычанняў гэтай групы. Напрыклад, у некаторых выпадках вельмі складана дакладна акрэсліць аб’ём словаўтваральнай парадигмы запазычанага слова (параўн., напрыклад, такія словы, як *юрысдыкцыя*, *юрыспрудэнцыя*, *юрыст*, *юстыцыя* або *наркаман*, *наркоз*, *наркоцік*), словаўтваральную накіраванасць у ёй (напрыклад, у такой групе слоў, як *камбайн*, *камбінат*, *камбінацыя*, *камбінезон*). Вялікая колькасць запазычаных асноў функцыяніруе толькі ў звязаным выглядзе, гэта значыць, такія асновы не ўжываюцца як самастойныя словы і выразна не вычляняюцца (напрыклад, *энтузіј* — у словах *энтузіязм* і *энтузіяст*, *эп* у словах *эпас*, *эпік*, *эпіка*), часта яны моцна відазмяняюцца ў выніку розных марфанетычных чаргаванняў, адбываецца іх нарашчэнне або, наадварот, усячэнне (параўн., напрыклад, *дыягназ* — *дыягност* або *рэдактар* — *рэдакцыя* — *рэдагаваць*). Не ўсе словаўтваральныя элементы запазычаных слоў дакладна размяжоўваюцца на каранёвыя і афіксальныя і г. д.

Можа стварыцца ўражанне, што гэтыя запазычаныя наогул функцыяніруюць па-за сістэмай беларускага словаўтварэння. Аднак іх нельга адасабляць ад агульных словаўтваральных сувязей, што склаліся на сучасны момант у беларускай мове, бо арганічна знітаваны з імі, не ізалююцца ад іх, а выкарыстоўваюцца як база для стварэння новых слоў паводле агульнапрынятых правіл. Такі погляд на словаўтваральны статус запазычанняў адзначанай групы пашырае паняцце словаўтваральнай сістэмы сучаснай беларускай мовы, але ён не супярэчыць агульным прынцыпам сінхроннага словаўтварэння.

Такім чынам, запазычаныя з рускай мовы ў шырокіх маштабах няспынна ўліваюцца ў беларускую мову, і іх словаўтваральная адаптацыя працякае найбольш рознабакова. Непасрэдныя запазычаныя ў беларускай мове з іншых моў, напрыклад, польскай, — вынік міжмоўных кантактаў пераважна мінулых эпох. З-за даўнасці часу гэтыя запазычаныя поўнаася сіміляваліся беларускай мовай і па сутнасці перасталі вылучацца ў ёй адметнасцю свайго словаўтварэння.

¹ Кандрат Крапіва. Збор твораў у трох тамах. — Мінск, 1956, т. II, с. 510.

² Іжакевіч Г. П. Характэрыстыка спільнага лексічнага фонду мов народаў СРСР. — Мовознаўства, 1973, № 6, с. 9.

³ Крукоўскі Н. І. Рускі лексічны ўплыў на сучасную беларускую літаратурную мову.— Мінск, 1958, с. 162.

⁴ Там жа, с. 90.

⁵ Баханькоў А. Я. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд: Сацыялінгвістычны нарыс.— Мінск, 1982, с. 191—194.

⁶ Гл.: Вопросы языкознания, 1971, № 4, с. 115.

А. І. НАРКЕВІЧ

СЛОВАЗЛУЧЭННІ І ЧЛЕНЫ СКАЗА

Пытанні структурнага члянення сказа, вызначэння сувязей і ўзаемаадносін паміж канструктыўнымі элементамі ці яго часткамі заўсёды былі і застаюцца дыскусійнымі. Спрэчкі разгортваюцца, перш за ўсё, вакол пытання аб тым, ці правамерным з'яўляецца выдзяленне побач са словазлучэннямі катэгорый членаў сказа? Апошнія, на думку многіх даследчыкаў (Ф. Ф. Фартунатава, М. М. Петэрсона, А. М. Пяшкоўскага, В. А. Багародзіцкага і інш.), з'яўляюцца вынікам неграматычнага члянення сказа па тыпу лагічнага ці псіхалагічнага суджэння і як бы «паўтараюць» вучэнне аб словазлучэнні. Немалаважнае значэнне ва ўсталяванні такога погляду на члены сказа мела няпэўнасць і хісткасць саміх крытэрыяў іх вылучэння і прыняцця класіфікацыі, паколькі нярэдка адны і тыя ж словаформы «па сінтаксічнаму ўжыванню» (спосабу выражэння сувязі) і «па значэнню» (характару семантычных узаемаадносін) маглі быць аднесены да розных членаў. Таму не выпадкова вучэнне аб членах сказа, якое ўзнікла ў XIX стагоддзі (працы А. Х. Вастокава, М. М. Грэча, Ф. І. Буслаева і інш.), то ўключалася ў адпаведныя раздзелы граматык, то апускалася.

У савецкі перыяд вучэнне аб членах сказа было ўведзена ў школьны падручнікі толькі к канцу 30-х гадоў і, нягледзячы на крытыку яго з боку аўтараў многіх граматык, яно развівалася і распрацоўвалася незалежна ад словазлучэнняў. Пазней, у 50—70-я гады, гэта вучэнне то сумяшчалася з вывучэннем словазлучэнняў, то выцяснялася імі, як, напрыклад, у «Граматыке современного русского литературного языка» (М., 1970).

У сувязі з абмежаванасцю тэорыі членаў сказа ў апошні час набыў шырокае распаўсюджванне метада аналізу сказа па яго непасрэдна састаўляючых, сутнасць якога заключаецца ў вылучэнні структурных адзінак (частак) выказвання на ўзроўні сказаў (прэдыкатыўных спалучэнняў), канструктаў выказвання (дэтэрмінаваных галоўных членаў), непасрэдна састаўляючых саміх канструктаў (кампанентаў выказвання) і састаўляючых словазлучэнні (элементаў бінарных канструкцый).

Тым не менш аналіз структуры сказа па яго непасрэдна састаўляючых мае і свае асобныя задачы і мэты даследавання і не падмяняе сабой разбор сказа па яго членах. Вучэнне аб членах сказа — гэта асобны і спецыфічны аспект сінтаксічнага аналізу мовы, які не мае і не можа мець эквівалентных замен. Пры ўсёй недасканаласці і супярэчлівасці іх тэорыі — гэта рэальныя сінтаксічныя адзінкі, якія ўзнікаюць, фарміруюцца і выдзяляюцца на аснове пэўных сэнсава-граматычных узаемаадносін паміж кампанентамі сказа рознай функцыянальнай значнасці і прызначэння і тых своеасаблівых пазіцый, якія займаюць гэтыя адзінкі ў пэўным сінтаксічным кантэксце. Яны ўзнікаюць і складаюцца на аснове форм слоў і словазлучэнняў і адлюстроўваюць складаны характар узаемаадносін паміж канструктыўнымі элементамі ці часткамі сказа. Як своеасаблівая сэнсава-сінтаксічная ўтварэнні яны ўскрываюцца і выкрысталізуюцца ў мове ў працэсе дыферэнцыяцыі і граматычнага размежавання функцый слоў і словазлучэнняў. Тыя словаформы, якія ўказваюць на ўтваральніка дзеяння (носьбіта прызнака) ці называюць самыя гэтыя дзеянні (прызнакі), займаюць у сказе асноўныя сінтаксічныя пазіцыі і выконваюць у ім ролю галоўных членаў; словаформы ж, якія не маюць непасрэдных адносін да ўтва-

ральніка дзеяння ці самога гэтага дзеяння і служаць, такім чынам, для раскрыцця зместу іншых словаформ, займаюць другарадныя сінтаксічныя пазіцыі і выконваюць адпаведна ролю даданых членаў сказа. Таму любое самастойнае слова ў сказе, з'яўляючыся носьбітам адпаведных лексіка-граматычных і семантычных адзнак, абумоўленых прыналежнасцю гэтага слова да пэўных часцін мовы і сэнсава-сінтаксічнымі сувязямі з іншымі словамі, можа выконваць ролю таго ці іншага паўназначнага члена.

Рэальнасць катэгорый членаў сказа абумоўліваецца, нарэшце, знешняй і ўнутранай прыродай саміх гэтых сінтаксічных адзнак, адметнасцю і спецыфічнасцю іх семантычных, структураўтваральных і функцыянальных адзнак. Яны раскрываюць змястоўную структуру сказа, яго знешнюю форму, будову незалежна ад таго, выразнікамі якіх лагічных ці псіхалагічных катэгорый гэтыя члены з'яўляюцца і які канкрэтны змест перадаюць. Вось чаму поўнае адмаўленне (напрыклад, М. М. Петэрсонам) наяўнасці ў складзе сказа яго членаў як сінтаксічных катэгорый або толькі частковае (як у А. М. Пяшкоўскага) звужае дыяпазон сінтаксічнага вывучэння структурных тыпаў сказа, абмяжоўвае магчымасці ўсебаковага аналізу іх граматычнай будовы, значэнняў і функцый у мове. У членах сказа сінтэзуюцца і абагульняюцца тыя шматлікія і разнастайныя сэнсава-сінтаксічныя адносіны, якія ўзнікаюць паміж знамянальнымі словамі ў складзе сказа ці яго частак. На ўзроўні членаў сказа гэтыя адносіны з рознымі відамі ўскладненняў і сінкрэтызму падводзяцца пад паняцці дапаўненняў, азначэнняў і акалічнасцей; на ўзроўні ж словазлучэнняў семантычныя ўзаемаадносіны паміж словамі зводзяцца да катэгорый уласна характарызуючых, акалічнасных, аб'ектных, суб'ектных і камплетыўных (Н. Ю. Шведава).

Словазлучэнні і члены сказа суадносныя, але не ідэнтычныя катэгорый. Яны хоць і не ўзаемавыключаюцца, але і не супадаюць і не накладваюцца адны на другія. Члены сказа не ахопліваюць усіх магчымых сувязей паміж спалучаемымі словамі і іх формамі, не адлюстроўваюць у поўнай меры ўсёй шматграннасці сінтаксічных адносін паміж кампанентамі словазлучэнняў, усёй сукупнасці выражаемых імі адценняў і толькі прыблізна, у найбольш істотных і характэрных рысах абагульняюць і сінкрэтызуюць іх. Вось чаму аналіз граматычнай і семантычнай структуры членаў сказа не супадае са структурным аналізам састаўных элементаў (частак) словазлучэнняў.

Аднак і граматычныя формы і сродкі моўнага выражэння словазлучэнняў не змяшчаюць у сабе і не ахопліваюць усіх магчымых сувязей і ўзаемаадносін, якія могуць складацца паміж словамі ў сказе. Правілы і заканамернасці арганізацыі словаформ у будове сказа намнога багацейшыя і разнастайнейшыя, чым правілы аб'яднання гэтых словаформ у словазлучэннях. У выніку пры структурным аналізе сказаў узнікае безліч пераходных, сінкрэтызаваных катэгорый і форм, якія рознымі даследчыкамі кваліфікуюцца нярэдка па-рознаму і адносяцца да розных сінтаксічных з'яў. Лініі збліжэнняў і разыходжанняў паміж словазлучэннямі і членамі сказа асабліва рэльефна выступаюць пры параўнальным супастаўленні словазлучэнняў з аднароднымі членамі простага сказа, якімі з'яўляюцца звычайныя рады ці групы аднатыпных словаформ з раўнапраўнымі, структурна незалежнымі сінтаксічнымі адносінамі.

Словазлучэнні і злучальныя спалучэнні аднародных членаў — сумжныя, а таму і супастаўляльныя адзінкі сінтаксічнай сістэмы мовы. Яны заключаюць у сабе рад агульных, блізкіх і адметных, спецыфічных рыс і асаблівасцей. Збліжае і аб'ядноўвае названыя тыпы словазлучэнняў у першую чаргу лексічная знамянальнасць і семантычная паўназначнасць непасрэдна састаўляючых іх кампанентаў. Усе яны незалежна ад граматычнай будовы і структурнага складу ўтвараюцца толькі з самастойных, лексічна паўназначных слоў, якімі могуць абзначацца разнастайныя прадметы, паняцці і з'явы аб'ектыўнай рэчаіс-

насці. Незнамянальныя, ці службовыя, словы, якія могуць мець месца ў злучальных і падпарадкавальных спалучэннях (прыназоўнікі, злучнікі, часціцы), выкарыстоўваюцца звычайна ў якасці сродку іх сінтаксічнай арганізацыі або для надання гэтым спалучэнням пэўных мадальных, сэнсава-экспрэсіўных ці эмацыянальных адценняў.

Словазлучэнні і злучальныя рады аднародных членаў збліжаюцца паміж сабою і той асаблівасцю, што яны выступаюць у сказе як раздзелна аформленыя сінтаксічныя адзінкі. І словазлучэнні, і злучальныя спалучэнні складаюцца па законах і правілах спалучальнасці слоў, якія ўяўляюць сабой своеасаблівыя структура-граматычныя і семантычныя ўтварэнні з уласцівымі ім формамі сэнсава-сінтаксічных сувязей, спосабамі і сродкамі граматычнага аб'яднання кампанентаў. Яны ўзнікаюць і складаюцца ў мове ў выніку лексічнай і лексіка-граматычнай суадпаведнасці (сумяшчальнасці) спалучаемых слоў і ўжываюцца як структура аформленыя і граматычна арганізаваныя сінтаксічныя адзінкі мовы.

Злучальныя спалучэнні, падобна падпарадкавальным словазлучэнням, гэтак ж адыгрываюць важную ролю ў сістэме іменнага, дзеясловага і прыслоўнага словаўтварэння, служачы адначасова базай для ўзнікнення шматлікіх мадэлей складаных назоўнікаў, прыметнікаў, лічэбнікаў, займеннікаў, дзеясловаў (ці іх форм) і прыслоўяў. Таму не выпадкова такія лінгвісты, як І. Рыс, М. М. Петэрсон, А. М. Пяшкоўскі, Л. А. Булахоўскі, З. Клемянсевіч і інш., па-рознаму называючы мадэлі магчымых злучальных спалучэнняў («спалучальныя словазлучэнні», «слабыя групы слоў», «незамкнутыя спалучэнні», «адкрытыя рады» і да т. п.), безагаворачна ўключалі іх у сістэму словазлучэнняў. А між тым, як справядліва падкрэсліваў акад. В. У. Вінаградаў, словазлучэнні і злучальныя спалучэнні слоў — гэта розныя сінтаксічныя ўтварэнні, паколькі паняцце аднароднасці, якое ляжыць у аснове любога злучальнага спалучэння, цесна звязана са структурным складам сказа, яго будовай, значэннем і функцыямі ў мове. Аднародныя члены, як і наогул любыя іншыя члены, у тым ліку неаднародныя, могуць функцыяніраваць толькі ў сказе, у яго складзе і па-за будоваю сказа не існуюць.

Адрозненне злучальных спалучэнняў ад падпарадкавальных яскрава праўляецца і ў самой структуры тых і другіх сінтаксічных адзінак, у характары сэнсава-граматычных адносін паміж іх кампанентамі або часткамі цэльных утварэнняў. Пэралічым найбольш істотныя адзнакі, якімі характарызуюцца названыя тыпы словазлучэнняў.

У падпарадкавальных спалучэннях адно слова выступае ў ролі галоўнага, канструктыўна вядучага, другое — у ролі залежнага, граматычна і па сэнсу падпарадкаванага свайму галоўнаму слову. Злучальныя ж спалучэнні ўтвараюцца на аснове незалежнай, раўнапраўнай сувязі, пры якой словы, што належаць да адной і той жа ці розных часцін мовы, знаходзяцца паміж сабою ў адносінах сінтаксічнай аднароднасці, характарызуюцца аднатыпнасцю значэнняў, агульнасцю форм граматычных сувязей і функцый іх у сказе. Словазлучэнні, такім чынам, з'яўляюцца субардынацыйнымі, заснаванымі на адным з тыпаў падпарадкавальных сінтаксічных сувязей — дапасавання, кіравання ці прымыкання, — канструктыўнымі адзінкамі мовы; злучальныя ж спалучэнні — каардынацыйнымі, ці, інакш, сацыятыўнымі ўтварэннямі, якія з'яўляюцца неад'емнымі структурнымі элементамі сказа.

Злучальныя спалучэнні ў адрозненне ад падпарадкавальных словазлучэнняў не з'яўляюцца «вынікаем пашырэння адных паўназначных слоў другімі» (В. У. Вінаградаў), у іх няма стрыжнявага, канструктыўна вядучага слова, структура арганізуючага сінтаксічнага цэнтра. Яны будуцца па прынцыпу «нанізвання» слоў, без граматычнага ці сэнсавага падпарадкавання аднаго слова другому.

У злучальных спалучэннях, якімі з'яўляюцца адкрытыя ці закрытыя рады аднародных членаў, аб'яднаных агульнасцю значэння і функцый іх у адзіным сінтаксічным радзе, адсутнічае ўказанне на ўзаемасуадне-

сенасць падпарадкоўваючага і падпарадкаванага членаў, што характэрна для двухкампанентных (бінарных) словазлучэнняў, і называюцца толькі самі прадметы ці з'явы рэчаіснасці, лік якіх у такім радзе тэарэтычна можа быць бясконца вялікім. Вось чаму аднародныя рады адна тыпу слоў бліжэй стаяць да намінальных (лексічных), чым да адпаведных канструктыўных структураўтваральных адзінак, якімі з'яўляюцца свабодныя падпарадкавальныя спалучэнні.

Словазлучэнні, якія характарызуюцца наяўнасцю дзвюх сінтаксічна нераўнапраўных састаўных частак — галоўнай (ядзернай) і залежнай (падпарадкаванай, або, па тэрміналогіі Ф. Ф. Фартунатава, «несамастойнай»), утвараюць структурна замкнутыя адзінствы, а злучальныя спалучэнні — адкрытыя, або незамкнутыя («слабыя») рады ці групы аднародных членаў. Таму ў падпарадкавальных словазлучэннях нельга апусціць ні аднаго з кампанентаў, паколькі апусчэнне аднаго з іх прыводзіць урэшце да разбурэння самой гэтай канструкцыі. Тут нельга зрабіць і перастаноўкі частак, не парушыўшы пры гэтым значэння і сэнсу выказвання, самога стылю паведамлення. У злучальных спалучэннях, аб'яднаных па прынцыпу раўнапраўнасці састаўных частак рада, апусчэнне таго ці іншага члена не вядзе да ліквідацыі ўсяго спалучэння, а перастаноўка яго членаў, у сваю чаргу, не парушае сэнсу выказваемай думкі.

Знешнія сувязі словазлучэнняў з іншымі элементамі сказа ажыццяўляюцца праз іх галоўнае (ядзернае) слова, якое пры гэтым падпадае фармальным змяненням, выклікаючы адпаведныя змены і ў сваёй залежнай частцы, калі ў ролі апошняй выступаюць тыя ці іншыя адэктыўныя ўтварэнні (прыметнікі, парадкавыя лічэбнікі, абагульнена-якасныя займеннікі, дзеепрыметнікі). У злучальных спалучэннях сувязі састаўных частак рада з іншымі кампанентамі сказа знаходзяць сваё выражэнне ў форме кожнага з яго членаў. Фармальным пераўтварэнням тут падпадаюць у роўнай меры ўсе члены сінтаксічнага рада, знаходзячыся паміж сабою і іншымі звязанымі з імі па сэнсу словамі ў адносінах сінтаксічнай аднароднасці і раўнапраўя.

Для выражэння падпарадкавальных сувязей у словазлучэннях і спалучальных сувязей у злучальных спалучэннях выкарыстоўваецца свая асобная сістэма знешнеструктуральных і ўнутрыграматычных сродкаў: у падпарадкавальных словазлучэннях у гэтых мэтах выкарыстоўваюцца канчаткі марфалагічна зменных часцін мовы, прыназоўнікі, парадак слоў і інтанацыя падпарадкавання; у злучальных спалучэннях выкарыстоўваюцца адпаведна — адна тыпу граматычныя формы марфалагічна зменных і нязменных слоў, злучнікі, часціцы і розныя тыпы злучальнай інтанацыі — спалучальнай, супастаўляльнай, проціпастаўляльнай, пералічальнай, пералічальна-размеркавальнай і далучальнай. Дыферэнцыяльнымі сродкамі ўнутрысемантычных сувязей, акрамя гэтага, могуць быць: у словазлучэннях — значэнні каранёвых марфем канструктыўна арганізуючых слоў, катэгарыяльныя (лексіка-граматычныя) значэнні, уласцівыя слову як пэўнай часціне мовы, лексічная і сінтаксічная валентнасці спалучаемых словаформ; у злучальных спалучэннях — ужыванне лексічна адна тыпу, ці адназначных слоў, прыём паўтарэння тоесных ці блізкіх па семантыцы лексем, выкарыстанне антанімічных назваў, усемагчымых алітэрацый, сугучных слоў.

Такім чынам, словазлучэнні і злучальныя спалучэнні слоў — гэта хоць і суадносныя, але не адэкватныя сінтаксічныя адзінкі мовы. Супадаючы ў радзе сваіх граматычных і лексіка-семантычных характарыстык, яны ў той жа час рэзка дыферэнцыруюцца паміж сабой па моўных значэннях і функцыях і не могуць атаясамлівацца, змешвацца ці падмяняцца адны другімі. Кожная з гэтых адзінак характарызуецца сукупнасцю адметных дыферэнцыяльных прымет і ўласцівасцей, якія складаюць асобныя аб'екты сінтаксічнага вивучэння мовы. У сэнсава-сінтаксічных збліжэннях і адрозненнях падпарадкавальных словазлучэнняў і злучальных радоў спалучаемых слоў яскрава праяўляецца тая

істотная розніца, якая існуе паміж словазлучэннямі як лексіка-спалучальнымі ўтварэннямі, з аднаго боку, і членамі простага сказа як граматычнымі катэгорыямі структуральнага плана, з другога.

І. Р. ШКРАБА

АСАБЛІВАСЦІ ВЫРАЖЭННЯ КАТЭГОРЫІ ЛІКУ НАЗОЎНІКАЎ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Усю сукупнасць назоўнікаў паводле характару апазіцыі лікавых значэнняў, які зводзіцца да семантычнага проціпастаўлення «адзін прадмет — мноства прадметаў» або не зводзіцца да яго і марфалагічна выражаецца парадыгмай склоназмянення, можна размеркаваць у некалькі груп.

Самую шматлікую групу складаюць назоўнікі тыпу: *вясна — вёсны, возера — азёры, песня — песні, мара — мары* і інш. Такія граматычныя суадносіны форм ліку з'яўляюцца стандартнымі, а апазіцыя іх значэнняў выражаецца проціпастаўленнем «адзін прадмет — больш аднаго прадмета».

Некаторыя назоўнікі не маюць суадносных форм ліку. Яны могуць быць толькі адзіночлікавыя або толькі множлікавыя, параўн.: *арэлі, дрыжыкі, каноплі, прымы, шаты, мліва, рэдкалессе, садавіна, зрэб'е, шыво* і інш. Форма ліку існуе, але немагчымасць семантычнага проціпастаўлення абазначае адсутнасць катэгорыі ліку.

Да трэцяй групы адносяцца назоўнікі ў форме адзіночнага і множнага ліку, граматычнае супастаўленне якіх не ўтварае рэальнай карэляцыі, як у першай групе, з прычыны семантычнай нятоеснасці ў сінхранічным плане. Узятая адасоблена ад кантэксту, такія назоўнікі могуць успрымацца як суадносныя паводле ліку, аднак сітуацыя ўскладняецца тым, што формы множнага ліку выступаюць як полісемантычныя, і іх адпаведнасць формам адзіночнага ліку не бяспрэчная, а альтэрнатыўная, параўн.: семантычна апраўданая лікавая карэляцыя: *адносіна — адносіны* ('дзелавая(ыя) папера(ы) з запытаннем ці паведамленнем аб чым-н. '), *выбар — выбары* ('магчымасць(і) выбраць'), *абойма — абоймы* ('металічная(ыя) рамка(і) для патронаў, якая(ія) устаўляецца(юцца) у магазінную каробку агнястрэльнай зброі'), *лічальнік — лічальнікі* ('апарат(ы) для аўтаматычнага ўліку, падліку'). Семантычна неапраўданая карэляцыя ўзнікае ў тых абставінах, калі назоўнікі ў форме множнага ліку выступаюць з іншай семантыкай: *адносіны* — 'характар паводзін, абыходжанія каго-н. з кім-н.', *выбары* — 'выбранне шляхам галасавання', *абоймы* — 'абрамленне, акружэнне', *лічальнікі* — 'прылада ў выглядзе чатырохвугольнай рамы з нанізанымі на папярочныя металічныя пруткі рухомымі костачкамі'. З такімі формамі ўласна граматычнае значэнне множнасці не звязваецца, таму што на першы план выступаюць лексічныя разыходжанні. Такім чынам, характар апазіцыі значэнняў ліку ў дадзеным выпадку можна высветліць толькі абапіраючыся на кантэкст. Гэта істотнае адрозненне назоўнікаў першай і трэцяй груп. У тэрміналогіі даследчыкаў такія назоўнікі атрымалі назву «дэрывацыйна-карэліруючыя»¹. Парушэнне семантычных адносін форм ліку прыводзіць да таго, што кожная форма (адз. і множн. ліку) замацоўваецца як лексікалізаваная, гэта пацвярджае і прыныц іх падачы ў лексікаграфічных выданнях. Да гэтай групы прымыкаюць таксама назоўнікі, апазіцыя лікавых значэнняў якіх з цягам часу ўвогуле разбурылася, параўн.: *кола — калёсы*, дзе «калёсы» — 'конная чатырохколая гаспадарчая павозка'.

Стандартныя граматычныя суадносіны форм ліку парушаюцца і тады, калі адбываюцца зрухі ў іх семантыцы. У прыватнасці, могуць супастаўляцца якасць і прадметы, што валодаюць гэтай якасцю (*ёмкасць — ёмкасі, складанасць — складанасці*), дзеянне і яго вынік

(вадохрышча (ад хрысціць вадой) — *вадохрышчы, высадка* (ад высаджваць) — *высадкі, выцінанка* (ад выцінаць) — *выцінанкі*), рэчыва і яго разнавіднасці (*глазур — глазуры, маргарын — маргарыны, масла — маслы, эфір — эфіры*).

У асобную групу трэба вылучыць варыянты форм ліку. Слоўнік граматычных варыянтаў рускай мовы² адзначае ўжыванне форм адзіночнага ліку канкрэтных назоўнікаў замест множнага, падкрэсліваючы пры гэтым узнікшыя стылістычныя або функцыянальныя адрозненні (гутарковая або прастамоўная афарбоўка, сфера прафесійнага выкарыстання і інш.). Пры ўзаемазамяняльнасці форм адзіночнага і множнага ліку адцягненых назоўнікаў са значэннем адпрадмечаных паняццяў можа, як адзначалася, парушацца іх семантычная раўнавага. Значыць, варыянтныя адносіны ў гэтым выпадку магчымы толькі пры ўмове набыцця формамі адзіночнага ліку таго ж прадметна-канкрэтнага значэння, якое маюць формы множнага ліку. Гэта сцверджанне справядліва і для назоўнікаў з адцягненым значэннем, якія абазначаюць якасць, стан або дзеянне. У цяперашні час працэс канкрэтызацыі адцягненых назоўнікаў даволі прадуктыўны, ён шырока адлюстраваны на старонках беларускага друку: Сесія абласнога Савета амеркавала пытанне: «Аб павышэнні ролі Саветаў народных дэпутатаў вобласці ў барацьбе з *краздзяжамі* сацыялістычнай уласнасці («Звезда»). Аснашчэнне трактараў пнеўмасістэмай, змяненне знешніх *форм* рэзка павысілі канкурэнтныя *здольнасці* нашых машын на сусветным рынку («Вячэрні Мінск»). Значэнне множнасці гэтых назоўнікаў нейтралізавана. Можна прадоўжыць іх рад: *узбраенні, рознагалоссі, заахвочванні, ініцыятывы, магутнасці* і інш. «Утварэнне суадносных форм адзіночнага і множнага ліку для гэтай групы назоўнікаў настолькі рэгулярнае і ўжывальнае, што традыцыйнае правіла аб адсутнасці форм множнага ліку ў адцягненых назоўнікаў гучыць для іх глыбачайшым анахранізмам»³.

У актыўны ўжытак сучаснай мовы ўваходзіць шэраг назоўнікаў, формы ліку якіх належаць да зоны моцнай варыянтнасці, гэта значыць яны не маркіраваны ні ў семантычных, ні ў функцыянальных адносінах: *маністы — маніста, нарты — нарта, парэнчы — парэнча, панажы — понаж, поручні — поручань* і інш. Кантэкст дазваляе ўзаемазамену форм адзіночнага і множнага ліку без скажэння сэнсавага і стылістычнага зместу: Ледзь толькі мінулі бярэзнічак за мястэчкам, насеў *поцемак*. (І. Мел е ж. Подых навальніцы). Покуль падышоў да Вадавіч, насунуліся *поцемкі* (І. Мел е ж. Людзі на балоце).— Во і не забілася,— сказала некаторая з дзяўчат, зноў націскаючы на *понаж* і слінячы кудзелю (В. Д а м ч ы к. Чужая бацькаўшчына). А *панажы* вистругаваў кляновыя, Навой, як трэба, зарубіў (Я. К у п а л а. Яна і Я). Пераспелыя кісткі ўсюды — дзе ні паглянь, Каляровым *маністам* упрыгожаны стан (М. Х в е д а р о в і ч. Лістапад). І вось ішлі. Цэлая гурма. *Маністы*, хвалі сукенак (У. К а р а т к е в і ч. Зямля пад белымі крыламі).

ТСБМ не праводзіць больш-менш задавальняючай дыферэнцыяцыі суадносных паводле ліку і варыянтных адзінак. Прынцып падачы і слоўнікавыя паметы такіх, напрыклад, лікавых форм, як *пантофлі — пантофель, мараканцы — мараканец, нарты — нарта*, аднолькавыя, нягледзячы на тое, што семантычная аснова іх супастаўлення розная: множны лік тут паслядоўна выражае парнасць прадметаў (пантофлі), няпэўнае мноства як сукупнасць, цэлае з вызначальнымі якаснымі, а не колькаснымі характарыстыкамі (мараканцы) і ўвогуле нейтралізаваны (нарты — тое самае, што і нарта). У ТСБМ лікавыя формы назоўнікаў падаюцца наступнымі спосабамі: форма множнага ліку падаецца як загаловачная ў адным артыкуле з формай адзіночнага ліку (*аглоблі*, адз. *аглобля*, і. ж.), форма множнага ліку спасылаецца да артыкула з формай адзіночнага ліку (*аблокі* гл. *воблака*, *абады* гл. *вобад*), форма множнага ліку спасылаецца да формы адзіночнага ліку з указаннем на іх тоеснасць (*поцемкі*. Тое, што і *поцемак*). Ubачыць тут якую-небудзь

сістэму цяжка. А між тым, «матэрыял слоўнікаў і прынцыпы яго падачы дыкуюць неабходнасць тэарэтычнага і практычнага рашэння гэтай праблемы» (варыянтнасці — І. Ш.)⁴.

ТСБМ (Т. I—IV) змяшчае больш 300 назоўнікаў у загаловачнай форме множнага ліку побач з функцыянальна раўнацэннымі формамі адзіночнага ліку. Гэта вымагаецца тым, што «лексічныя разыходжанні форм ліку, абумоўленыя самой катэгорыяй граматычнага ліку, вядуць да неабходнасці ў асобных выпадках выходзіць за межы апісання форм адз. ліку і ў якасці самастойнага лексікаграфічнага аб'екта вылучаць формы мн. ліку»⁵. Калі размеркаваць усе назоўнікі паводле лексіка-семантычных прымет, то аказваецца, што пераважную большасць (42% ад агульнай колькасці) складаюць назоўнікі са значэннем групы людзей неакрэсленага мноства, аб'яднаных на аснове нацыянальнай, этнічнай, племянной, тэрытарыяльнай, расавай і іншай агульнасці: *абхазы, адыгейцы, асірыйцы, берберы, гілякі, гольды, гуралі, крымчакі, македонцы, мешчаракі, негрытосы, печанегі, папуасы, партугальцы, парфяне, полаўцы* і г. д. Своеасаблівасць семантычных адносін форм адз. і мн. ліку ў такіх назоўніках выяўляецца ў тым, што мн. лік заключае ў сабе ідэю абагульнення адзінкавых індывідуумаў у больш шырокае аднароднае паняцце нацыі, народнасці, племені, этнічнай групы.

Назоўнікі, што абазначаюць канкрэтныя парныя рэаліі, разнастайныя па лексічнаму значэнню. Самыя значныя ў колькасных адносінах называюць абутак (*апоркі, балеткі, бахілы, бацінкі, боты, крагі, макасіны, пантофлі, пасталы, паўбоцікі, пімы, пінеткі* і інш.), парныя органы адушаўлёных істот (*біўні, бранхіёлы, бронхі, вачніцы, вейкі, вушы, гланды, жабры, ланіты, надкрыллі, наднырачнікі* і інш). Асобныя назоўнікі называюць бытавыя рэаліі, музычныя інструменты, віды адзення, прадметы вузкаспецыяльнага прызначэння. Традыцыя падачы гэтых назваў у слоўніках як множналікавых заснавана на асацыятыўнай цэласнасці прадмета (аб'екта прыроды), абумоўленай менавіта парнасцю яго існавання ў рэчаіснасці.

На аснове агульнай уласцівасці абазначаць адцягнення паняцці аб'ядноўваюцца назоўнікі *выбрыкі, выверты, выдаткі, дастаткі, звесткі, каардынаты, контрмеры, лёсткі, мроі, наборы* і інш. Множны лік тут сумяшчае ў сабе і значэнне намінатыўнасці, і значэнне неадзінкавасці паняцця.

Спецыфіка значэння назоўнікаў *панажы, нарты, поручні, парэнчы, тронкі, драбіны, пастронкі* і да т. п. выяўляецца ў аб'яднанні элементаў, дэталей або прадметаў у адным неадушаўлёным цэлым з выражанай унутранай структурнай расчлянёнасцю. Семантычныя суадносіны лікавых форм такіх назоўнікаў не звязваюцца з паняццем адзінкавасці — множнасць. У апошні час назоўнікі са значэннем складаных састаўных прадметаў сталі часцей ужывацца ў форме адз. ліку: Цяпер касу недзе прыціснула на плячах *пастронкам* (І. П та ш н і к а ў. Месціжы). Накрытыя радзюжкамі коні грызлі жоўтымі зубамі сухую *парэнчу* (В. А д а м ч ы к. Чужая бацькаўшчына). Прысеўшы на чурбак, яна чысціла бульбу ножыкам, абгорнутым на месцы *тронка* анучкай (І. М е л е ж. Мінскі напрамак). Неўзабаве меў ужо добрую *маністу* грыбоў (С. Ш у ш к е в і ч. Трывожны след). Ён памяўся... потым працягнуў руку да *лічыльніка*, адкінуў на адным дроціку тры кружэчкі, на другім — шэсць (М. Л о б а н. Гарадок Устронь). Відавочна, немалаважную ролю тут адыграла традыцыя ўжывання гэтых форм у гаворках, блізкіх пісьменнікам.

Форма мн. ліку служыць загаловачнай у слоўнікавым артыкуле для назоўнікаў — намінацый раслін: *агаткі, багаткі, брусніцы, ворлікі, журавіны, касцяніцы, наготкі, парэчкі* і інш. Множны лік тут адлюстроўвае традыцыю ўжывання назваў і проціпастаўляецца адзіночнаму як малаўжывальнаму. Прычыну такой перавагі адных форм над другімі, на нашу думку, трэба бачыць ва ўсведамленні носьбітамі мовы паняц-

ця як шматкампанентнага рэчыўнага цэлага. Менавіта гэтай асаблівасцю тлумачыцца існаванне некаторых назваў раслін толькі ў множналікавай форме (параўн.: *буякі, дурніцы, каноплі*). У паслядоўна аднастайнай падачы гэтых назоўнікаў у слоўніку робіцца выключэнне толькі для назвы *маліны*, якая прадстаўлена двума слоўнікавымі артыкуламі з паасобным апісаннем форм адз. і мн. ліку.

Зразумела, што ў межах аднаго артыкула немагчыма нават коратка апісаць усе лексіка-семантычныя групы, якія складаюць назоўнікі з суадноснымі загаловачнымі формамі ліку. Кожная з іх характарызуецца спецыфічнымі ўласна намінатыўнымі асаблівасцямі (рэчыўнасць, зборнасць, абагуленасць, сукупнасць і г. д.). Матэрыял ТСБМ сведчыць, што аб'ектам лексікаграфіі становяцца назоўнікі, якія характарызуюцца пераважным ужываннем множналікавай формы пры наяўнасці суадноснай адзіночналікавай. Пры выражанай раўнавазе ўжывання форм загаловачнай па традыцыі выступае адзіночналікавая. Рэальнай асновай, якая падтрымлівае паралельнае існаванне форм адз. і мн. ліку назоўнікаў у намінатыўнай функцыі, як правіла, з'яўляецца адсутнасць іх традыцыйнага проціпастаўлення як паказчыкаў адзінкавасці і множнасці, інакш кажучы, змяненне сутнасці семантычнай сувязі. Працэс лексікалізацыі лікавых форм прыводзіць да ўзнікнення варыянтнасці.

¹ Сумкина А. И. Деривационные корреляции существительных в формах множественного числа.— У кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 222.

² Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи.— М., 1976, с. 112.

³ Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка.— М., 1980, с. 174.

⁴ Чельцова Л. К. Лексикографические варианты форм числа.— У кн.: Литературная норма и вариантность. М., 1981, с. 115.

⁵ Чельцова Л. К. Форма мн. числа имен существительных как исходная форма в лексикографии на материале толковых словарей современного русского литературного языка.— У кн.: Грамматика и норма. М., 1977, с. 108.

І. М. КУЧУК

ДЭРЫВАЦЫЙНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ПРЫМЕТНІКАЎ З СУФІКСАМ *-лів-* У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРНАЙ МОВЕ

З вывучэннем функцыянальнага выкарыстання суфікса *-лів-* звязаны два не вырашаныя ў беларускім мовазнаўстве пытанні: адно з іх датычыцца заканамернасцей яго спалучальнасці з утваральнымі асновамі, а другое — словаўтваральнага значэння, якое ў «Граматыцы беларускай мовы»¹ не ўпамінаецца, а яго семантычныя адценні разглядаюцца як словаўтваральныя значэнні. На аснове аналізу фактычнага матэрыялу па тэме можна выявіць заканамернасці, якія рэгулююць утварэнне і ўжыванне не толькі рознакарэнных, але і аднакарэнных прыметнікаў з суфіксам *-лів-, -н-, -іст-* у выпадку ідэнтычнасці іх лексічнага значэння.

Асноўнае ядро прыметнікаў з суфіксам *-лів-* складаюць ад'ектыўныя ўтварэнні, матываваныя дзеясловамі. Лексічнае значэнне некаторых прыметнікаў гэтай падгрупы складаецца са значэння суфікса і ўтваральнай асновы. Каб выявіць значэнне суфікса ў такіх прыметніках, патрэбна выключыць з іх семантыкі лексічнае значэнне ўтваральнай асновы, а ўсё тое, што застаецца пасля выключэння, выражае суфікс: пацець 'пакрывацца потам' (ТСБМ, т. 4, с. 134)² — *патлівы* 'які больш, чым звычайна, або больш, чым хто-небудзь, пакрываецца потам' = 'які моцна і часта пацее' (4, 102); паддацца 'уступіць знешняму ўздзеянню, націску, напору і пад.' (3, 525) — *падатлівы* 'які больш, чым звычайна, уступае знешняму ўздзеянню, націску, напору' = 'які лёгка пад-

даецца апрацоўцы, змяняе сваю форму' (3, 510) і г. д. У лексічнай структуры разглядаемых прыметнікаў суфіксу *-лів-* адпавядае семантычны кампанент 'які больш, чым звычайна...' ці, інакш кажучы, значэнне збыткоўнасці дзеяння, стану, выражанага ўтваральнай асновай. Гэта значэнне з'яўляецца словаўтваральным. Зусім відавочна, што спалучальныя магчымасці суфікса *-лів-* у такім значэнні абмежаваны: уступае ў словаўтваральныя адносіны з асновамі дзеясловаў, якія выражаюць працяглае мнагакратнае дзеянне, стан суб'екта: бадаць — **бадлівы** (-ая) карова (1, 325); блукаць — **блуклівы** (-ыя) хмаркі (1, 388); брыкаць — **брыклівы**, разм. (-ым) канём (1, 411); брынкаць — **брынклівы**, разм. (-ым) голасам (1, 411) і інш.

З асновамі дзеясловаў, якія выражаюць працяглае дзеянне або стан, спалучаецца не толькі суфікс *-лів-*, але і суфіксы *-н-*, *-к-*; прычым аднакарэнныя прыметнікі з названым суфіксам могуць супадаць або збліжацца паводле значэння. У асобных выпадках сустракаюцца аднакарэнныя прыметнікі, якія характарызуюцца тым, што іх утваральныя асновы лексічна выражаюць інтэнсіўнасць дзеяння і ў сувязі з гэтым нівеліруюць розніцу паміж значэннямі суфіксаў *-лів-*, *-н-* у адпаведных ад'ектыўных утварэннях: **дакучлівы** (-ыя) дажджы (2, 124) і **дакучны** звон (2, 124); **кемлівы** (-ая) дзяўчынка (2, 679) і **кемны** (-ая) Наташа (2, 679) і іншыя. Заслугоўвае ўвагі тое, што ўжыванне прыметнікаў з суфіксам *-н-* у значэнні збыткоўнасці дзеяння абмяжоўваецца ў большасці выпадкаў размоўным стылем літаратурнай мовы: **задумны** (-ая) Альбіна (2, 311); **зіхотны**, разм. (-ае) сонца (2, 475) і іншыя. Некаторыя аднакарэнныя прыметнікі з суфіксамі *-н-*, *-лів-*, *-к-*, матываваныя дзеясловамі, ужываюцца ў мове літаратурна-мастацкіх твораў, відаць, па традыцыі як адназначныя і ў ТСБМ не суправаджаюцца адпаведнымі стылявымі паметамі: **гаварлівы** шафёр 'тое, што і «гаваркі»' (2, 8) і **гаваркі** яфрэйтар 'схільны да размоў, ахвочы пагаварыць; проціл. «маўклівы» і іншыя.

Больш складанымі з'яўляюцца суадносіны суфікса *-лів-* з назоўнікавымі ўтваральнымі асновамі. Гэта тлумачыцца тым, што назоўнікі абазначаюць прадметы, а суфікс *-лів-* — пэўныя адносіны да дзеяння, стану. Аднак вядома, што некаторыя назоўнікі могуць выражаць гэтыя паняцці лексічным значэннем у цэлым або асобным яго кампанентам (пот — 'празрыстая вадкасць, якая **выдзяляецца** асобнымі падскурнымі залозамі') і іншыя. У гэтым назоўніку дзеянне схавана ў форме слова, не выяўляецца знешне. Сярод разглядаемых утварэнняў выдзяляюцца прыметнікі, якія суадносяцца: а) з дзеясловамі і назоўнікамі (візгатаць, **візгат** — **візгатлівы**; грукатаць, **грукат** — **грукатлівы**; зайздросціць, **зайздрасць** — **зайздрослівы**); б) толькі з назоўнікамі (дождж — **дажджлівы**; жаласць — **жаласлівы**; злосць — **зласлівы**).

Найбольш шырока прадстаўлены ў беларускай літаратурнай мове прыметнікі, якія суадносяцца з назоўнікамі і дзеясловамі. Гэтыя прыметнікі дзеляцца ў залежнасці ад характару лексічнага значэння ўтваральнай асновы перш за ўсё на дзве групы слоў, у якіх аснова прадметна абазначае: а) дзеянне: «...разнесці корм гэтым **неспакойным вісклівым** каровам...» (Місько); «...цанілі **крыклівага** старшыну...» (Быкаў); б) розныя пачуцці, адчуванні: «...**зайздрослівыя** суседзі аб гэтым ім калі-нікалі **напаміналі**...» (Бядуля); «...па **жаллівых** вачах яе **разумеў**...» (Ме-леж).

Было б памылкова думаць, што ў беларускай літаратурнай мове бесперашкодна рэалізуюцца прыметнікі з суфіксам *-лів-*, утвораныя ад асноў назоўнікаў названых тыпаў: утварэнне гэтых прыметнікаў ад значнай колькасці аддзеяслоўных назоўнікаў са значэннем дзеяння, адчування з'яўляецца немагчымым або стрымліваецца нормай: кліч, агляд, адклад, загад, напамін, заклік і іншыя. З прыкладаў вынікае, што суфікс *-лів-* утварае прыметнікі ад разглядаемых утваральных слоў з пэўным лексічным зместам. Гэтыя прыметнікі ўтвараюцца ад асновы такіх назоўнікаў, у лексічнай структуры якіх адзін або некалькі кампанентаў заключаюць павышанае праўленне дзеяння, стану з негатыўнай афар-

боўкай у большасці выпадкаў, інтэнсіўнасць дзеяння, яго паўтараемасць: дакука, разм.—**дакучлівы** (-ыя) суседзі (2, 317); пагроза — **пагрозлівы** позірк (3, 498); абман — **абманлівы** (-ае) уражанне (1, 61); блуд — **блудлівы** погляд (1, 388) і іншыя.

Значэнне суфікса *-лів-* у прыведзеных прыметніках суадносіцца з дзеяслоўным кампанентам у лексічнай структуры ўтваральных назоўнікаў: бразгат 'гук, які **ўтвараецца** металічным прадметам пры ўдары адзін аб другі або аб што-небудзь цвёрдае' (1, 398) — 'бразгатлівы' які ўтварае многа бразгату' (1, 398); пуд 'страх, перапуд' (4, 515) — пудлівы 'які лёгка і скоро пужаецца...' (4, 516) і іншыя.

Па меры затухання ў разглядаемых утваральных асновах інтэнсіўнасці працякання дзеяння знікае неабходная сумяшчальнасць значэнняў суфіксаў і ўтваральных асноў, звужаюцца межы рэалізацыі прыметнікаў, утвораных ад асновы такіх назоўнікаў пры дапамозе суфікса *-лів-*. У асобных выпадках унутраны і знешні кантэкст так збліжае значэнні суфіксаў *-лів-*, *-н-*, што іх цяжка размежаваць, але гэта не азначае, што ў мове значэнні названых суфіксаў супадаюць, з'яўляюцца ідэнтычнымі. Утворым эксперыментальна магчымыя прыметнікі або дзеяпрыметнікі ад асновы некаторых аддзяслоўных назоўнікаў са значэннем дзеяння, стану пры дапамозе суфіксаў *-н-*, *-лів-*, *-іст-*: заўвага — заўважаны; адклад — адкладны; віск — вісклівы; візгат — візгатлівы; павага — паважны; разлука — разлучны і іншыя. З прыведзеных матэрыялаў відаць, што ў беларускай літаратурнай мове звычайна не рэалізуюцца прыметнікі з суфіксам *-лів-*, утвораныя ад асновы аддзяслоўных назоўнікаў, якія: а) з'яўляюцца, за выключэннем адзінкавых назоўнікаў, прэфіксальнымі ўтварэннямі; б) у спалучэнні з суфіксам *-лів-* утвараюць словы, якія могуць уступаць у аманімічныя адносіны з другімі ў мове словамі, рэалізаванымі або патэнцыяльнымі (рогат — не ўжыв. прыметнік «рагатлівы»); в) абазначаюць дадатныя рысы чалавека (павага — паважны, заслуга — заслужны). Суфікс *-лів-* свабодна спалучаецца з асновамі назоўнікаў на зычны, якія абазначаюць асобу паводле адмоўных яе прымет: дзівак — **дзівалівы** (-ая) думка (1, 173); задзіра — **задзірлівы** хлопец (2, 308) і іншыя. Семантыкай утваральных слоў абумоўлена тое, што ўжыванне большасці такіх прыметнікаў абмежавана размоўным стылем.

Ужыванне ў беларускай літаратурнай мове прыметнікаў з суфіксам *-лів-*, утвораных ад асновы назоўнікаў, якія ў сінхронным аспекце не ўступаюць у словаўтваральныя адносіны з дзеясловамі, вычэрпваецца асобнымі выпадкамі. Гэта тлумачыцца перш за ўсё семантычнымі абмежаваннямі ўтварэння прыметнікаў пры дапамозе суфікса *-лів-* ад асновы назоўнікаў з прадметным лексічным значэннем. Аднак ёсць назоўнікі, якія фармальна не ўступаюць у сувязь з дзеясловамі, але ў лексічнай структуры заключаюць значэнне дзеяння, стану: памяць — 'здольнасць **захоўваць, аднаўляць** у свядомасці ранейшыя ўражанні' (3, 658). З дзеяслоўным кампанентам лексічнай структуры такіх утваральных слоў кантактуе значэнне суфікса *-лів-*, і ў выніку атрымліваецца, што ў агульным лексічным значэнні адпаведных вытворных прыметнікаў прадстаўлены значэнні суфікса і названых кампанентаў лексічнай структуры ўтваральнай асновы назоўніка: дым — 'сукупнасць дробных цвёрдых часцінак і газападобных прадуктаў, якія **вылучаюцца** ў паветра пры згаранні чаго-небудзь' (2, 218) — дымлівы (-ыя) комін(ы) 'які дыміцца, дыміць, **вылучае** многа дыму' (2, 219) і іншыя. Паводле характару структуры ўтваральных асновы прыметнікаў разглядаемай падгрупы не з'яўляюцца аднароднымі: адны з іх утвараюцца ад асновы назоўнікаў пры дапамозе суфікса *-осць* (зло — злосць — **зласлівы**, жуда — жудасць — **жудаслівы**), а другія ўспрымаюцца ў сучаснай беларускай літаратурнай мове як невытворныя (дождж — **дажджлівы**, сірата³ — **сіратлівы**, плесень⁴ — **пляснівы**).

З пункту гледжання ўтварэння прыметнікаў выклікае цікавасць тое, што абстрактныя назоўнікі на *-осць*, *-от(а)*, *-об(а)* збліжаюцца

паводле значэння з адпаведнымі назоўнікамі без гэтых суфіксаў, утвараюць з імі сінанімічныя рады (сум — сумота, жаль — жаласць, жаль — жалоба). У якасці словаўтваральных асноў прыметнікаў выступаюць назоўнікі розных названых тыпаў, але суфікс *-лів-* утварае прыметнікі звычайна ад асноў назоўнікаў на *-осць*, і гэта назіраецца тады, калі ўтварэнне прыметнікаў пры дапамозе суфікса *-лів-* ад адпаведных асноў назоўнікаў без суфікса *-осць* стрымліваецца літаратурнымі нормамі або з'яўляецца немагчымым: *жаль* — жаллівы (разм.) Алёша (2, 249), жаласлівы (-ая) цётка (2, 248); *зло* — злівы (не ўжыв.), зласлівы (-ая) Ліза (2, 478); *дур* (разм.) — дурлівы (не ўжыв.), дураслівы (ая) Аўгіння (2, 210) і інш.

З прыкладаў відаць, што суфікс *-лів-* уступае ў словаўтваральныя адносіны з тымі абстрактнымі назоўнікамі на *-осць*, якія выражаюць лексічнае значэнне звычайна з негатыўным зместам (злосць, дурасць). Некаторыя асновы адпаведных безафіксных назоўнікаў (сум, бяда) не спалучаюцца з суфіксам *-осць*. У такім выпадку рэалізацыя атрыбутыўнага паняцця збыткованасці пачуцця на аснове разглядаемых абстрактных назоўнікаў становіцца больш складанай: у словаўтваральны працэс уключаюцца архаічныя, вузкадыялектныя або нават патэнцыяльныя тыпы асноў, разыходзяцца значэнні некаторых аднакарэнных слоў, выкарыстоўваюцца блізкія паводле значэння суфіксы ў адной і той жа функцыі, узнікаюць дублетныя ўтварэнні. Гэта можна заўважыць, калі эксперыментальна ўтварыць прыметнікі ад розных тыпаў асноў абстрактных назоўнікаў пры дапамозе суфікса *-лів-*, *-н-*: бяда — бядлівы (не ўжыв.); гора — гарлівы (не ўжыв.), горны (разм.), горасць (дыял.) — гараслівы (не ўжыв.), горасны (стрымліваецца літаратурнай нормай, параўн. руск. «горестный»); гарота — гаротлівы (стрымліваецца літаратурнай нормай), гаротны (ужыв.); жаль — жаллівы (разм.), жальны (не ўжыв.); жаласць — жаласлівы (ужыв.), жаласны (ужыв.); жалоба — жалоблівы (ужыв.), жалобны (ужыв.); журба — журблівы (не ўжыв.), журбны (не ўжыв.); журбота — журботлівы (стрымліваецца літаратурнай нормай), журботны (ужыв.); сум — сумлівы (стрымліваецца літаратурнай нормай), сумны (ужыв.); сумота — сумотлівы (не ўжыв.), сумотны (ужыв.) і інш.

З прыкладаў відаць, што: а) ужыванне прыметнікаў з суфіксам *-лів-*, утвораных ад асновы безафіксных абстрактных назоўнікаў, якія суадносяцца з адпаведнымі ўтварэннямі на *-осць*, абмяжоўваецца размоўным стылем літаратурнай мовы або з'яўляецца немагчымым: жаль — жаллівы (разм.), гора — гарлівы (не ўжыв.); б) ад асновы абстрактных назоўнікаў на *-от(а)* утвараюцца прыметнікі звычайна пры дапамозе суфікса *-н-*: гарота — гаротны, сумота — сумотны, бядота — бядотны; в) у сферы выражэння збыткованасці дзеяння, стану або пачуцця выкарыстоўваецца суфікс *-н-* у выпадку немагчымасці спалучэння суфікса *-лів-* з безафікснымі аднаскладовымі асновамі абстрактных назоўнікаў, а таксама з асновамі на *-от(а)*: гора — гарлівы (не ўжыв.), горны (разм.); гарота — гаротлівы (стрымліваецца літаратурнай нормай), гаротны (ужыв.).

У працэсе развіцця беларускай літаратурнай мовы, выкліканага патрэбамі ўдасканалення словаўтваральнай сістэмы, выразна выяўляецца тэндэнцыя да функцыянальнага размежавання суфіксаў *-лів-*, *-н-*, *-іст-*, *-к-*, з якіх першы спецыялізуецца ў сферы выражэння збыткованасці дзеяння або стану і ў адпаведнасці са сваім значэннем спалучаецца з асновамі дзеясловаў або назоўнікаў, у лексічнай структуры якіх заключачаецца дзеянне або стан. Магчымасць утварэння прыметнікаў з суфіксам *-лів-* ад названых утваральных асноў звязана з іх семантыкай і структурай: прыметнікі, суадносныя з дзеясловамі і назоўнікамі, утвараюцца звычайна ад беспрэфіксальных асноў, якія абазначаюць дзеянне, што складаецца з некалькіх аднародных актаў, з'яўляецца працяглым (віск — вісклівы); прыметнікі, матываваныя толькі назоўнікамі, — няўстойлівы разрад слоў, за выключэннем ад'ектыўных дэрыватаў, утвора-

ных ад асновы абстрактных назоўнікаў з суфіксам *-осць*, якія выражаюць пачуцці, стан з адмоўнай у большасці выпадкаў афарбоўкай (злосць — зласлівы).

¹ Граматыка беларускай мовы.— Мінск, 1962, т. 1, с. 201—203.

² Далейшыя спасылкі на ТСБМ даюцца ў тэксце (у дужках): першая лічба — том, другая — старонка.

³ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка.— М., 1971, с. 490.

⁴ Там жа, с. 342.

З. М. КУДРЭЙКА

НЯПОЎНЫЯ СКАЗЫ У БАЙКАХ КАНДРАТА КРАПІВЫ

Як вядома, асноўнай камунікатыўнай адзінкай мовы з'яўляецца сказ. Паводле наяўнасці галоўных і даданных членаў простыя сказы дзеляцца на поўныя і няпоўныя. «Няпоўнымі прынята называць такія сказы, у якіх фармальна адсутнічае адзін або некалькі членаў сказа, што падказваецца абставінамі размовы, кантэкстам ці ўласнымі лексіка-граматычнымі сродкамі сказа»¹. Па значэнню гэтыя сказы заўсёды павінны быць яснымі і зразумелымі, інакш мова не выконвала б сваёй асноўнай функцыі — камунікатыўнай. Сфера распаўсюджвання няпоўных сказаў — гутарковая мова.

Непаўната сказа — паняцце граматычнае. Адсутнасць аднаго ці некалькіх членаў сказа ў большасці выпадкаў з'яўляецца сінтаксічнай нормай; гэта адсутнасць абумоўлена ці тым, што няпоўны сказ уваходзіць як частка ў склад больш складанай канструкцыі, прычым члены, якія ў ім адсутнічаюць, ёсць у другой частцы гэтай канструкцыі, ці тым, што адсутнасць пэўнага члена — структурная асаблівасць гэтага сказа. Няпоўныя сказы сустракаюцца пераважна ў дыялогу, што абумоўлена цеснай сэнсавай сувяззю паміж яго рэплікамі. На матэрыяле дыялога больш свабодна могуць быць прааналізаваны ўмовы пропуску розных членаў сказа — як галоўных, так і даданных, як аднаго члена сказа, так і некалькіх. Прапушчаныя члены часам устанаўліваюцца з кантэксту, а часам кантэкст падказвае толькі іх агульнае значэнне, дзякуючы чаму няпоўныя сказы могуць не мець той канкрэтнасці значэння, якая ёсць у поўным сказе. У тым выпадку, калі няпоўны сказ у дыялогу будзе незразумелым, суб'яднік заўсёды можа ўдакладніць яго значэнне, задаючы пытанні і выслухоўваючы адказы на іх. Значыць, іх ужыванне вызначаецца сітуацыяй моўных зносін.

Сапраўдным майстрам дыялогу можна назваць Кандрата Крапіву. Як сатырык і гумарыст, ён размаўляе з чытачом на вельмі зразумелай і блізкай яму мове. Жывое гутарковае слова з'яўляецца той жыватворнай крыніцай, без якой немагчыма сабе ўявіць творчасць Кандрата Крапівы.

Яркай асаблівасцю баек К. Крапівы з'яўляецца частае ўжыванне сінтаксічных форм вуснай мовы з яе лаканізмам, пропускамi. Найбольш пашыраны ў яго творах няпоўныя сказы з прапушчаным дзейнікам.

Самастойна ўжываюцца няпоўныя сказы, асаблівасцю структуры якіх з'яўляецца адсутнасць выказніка. Гэты тып сказаў таксама характэрны для гутарковай мовы.

— Трэ да ладу прывесці свінні,—

Сказаў раз муж да гаспадыні,—

Карміць пара, але якога?

— Ды ўжо ж няйначай, як Рудога².

Ды ўжо ж няйначай, як Рудога карміць. Няпоўная канструкцыя «Ды ўжо ж няйначай, як Рудога» суадносіцца з поўным безасабовым сказам, на аснове якога ўстанаўліваецца выказнік.

У канструкцыях з незамешчанай пазіцыяй галоўнага члена ці яго часткі асноўны семантычны акцэнт падае на даданы член, у гэтым выпадку на дапаўненне. Імпліцытна можа выступаць частка галоўнага члена ў пэўна-асабовых сказах. Вось дыялог паміж Мурашкай і Жуком у байцы «Мурашка і Жук»:

— Хто не працуе, той не есць.
— Давай, давай! Работа дурняў любіць (273).

Давай, давай працуй! Імпліцытна выражаная частка выказніка «працуй» пры экспліцыраванай частцы «давай» устанаўліваецца з папярэдняй рэплікі дыялога.

Мінімальна поўным аднасастаўным сказам часта выступае канструкцыя, якая складаецца з аднаго галоўнага члена. Яна суадносіцца з няпоўным сказам, у якім галоўны член складаецца з дзвюх частак:

Дык я вось ляжу ды гарую:
Як жа сабраць мне зброю?
— А ты загадай, каб знеслі.
— Ой, гэта доўгія песні!
— Паспявай — не пашкодзіць.
— Загадаў — ніяк не выходзіць (259).

Загадаў знесці — ніяк не выходзіць. У няпоўнай канструкцыі «Загадаў — ніяк не выходзіць» імпліцытна выражаная частка галоўнага члена (выказніка) «знесці» пры экспліцыраванай першай частцы «загадаў» лёгка ўстанаўліваецца з кантэксту. У падобных канструкцыях імпліцытна выступае частка галоўнага члена аднасастаўнага сказа, выражаная інфінітывам пры экспліцыраванай другой яго частцы, выражанай мадальнымі дзеясловамі *магчы, хацець*: «Расказвай, што чуваць. — Браточак, не магу» (157). Рэдуцыраваная частка выказніка падказваецца з кантэксту.

Выказнік можа выступаць імпліцытна і ў няпоўных сказах, у якіх увесь сэнс папярэдняга выказвання сканцэнтраваны ў адмоўі *не*: «Пятроў, ты спіш?» Ён шэпча: «Не» (343). Ва ўсіх прыведзеных прыкладах адсутныя члены сказа апускаюцца, паколькі так ці інакш названы ў папярэднім тэксце і ўзнаўляюцца з кантэксту.

Сустракаюцца няпоўныя двухкампанентныя аднасастаўныя сказы з імпліцыраванай пазіцыяй дапаўнення пры экспліцыраваным галоўным члене. Семантычнае ўзнаўленне рэдуцыраванага кампанента адбываецца сінтагматычна: «За кватэру плаціш жакту? — Не, нікому не плачу» (392).

У дыялогу мова аднаго з персанажаў не залежыць ад мовы другога, але рэплікі дыялога цесна звязаны паміж сабой. Іменна сэнсавая сувязь — галоўная прычына ўжывання ў дыялогу няпоўных сказаў:

Вось раз ідзе прастак з двара.
Касцючык, гальштук, папярска.
— Куды? — пытае пёзка,
— Ды мне пара... (279)

Ды мне пара ісці. Пытанне «Куды?» зразумела і без сувязі з папярэднім сказам. Аднак жа канструкцыю «Ды мне пара...» можна зразумець толькі ў сэнсавым адзінстве з папярэднімі сказамі. У гэтым прыкладзе экспліцытна выражана дапаўненне і частка галоўнага члена (выказніка) пры імпліцыраванай другой частцы выказніка, які лёгка ўзнавіць з папярэдняга кантэксту.

Характэрным для стылю баек Крапівы з'яўляецца і тое, што дыялог шырока выкарыстоўваецца і ў аўтарскай мове па тыпу «пытанне — адказ», што збліжае яе з мовай чытача. І тут дыялог выконвае важную экспрэсіўна-стылістычную функцыю. Няпоўныя сказы ў такім дыялогу нярэдка нагадваюць сабой сказы-адказы, у якіх выразна відаць пазіцыя аўтара.

Як бачым, няпоўныя сказы па сваёй структуры належаць да тых

жа тыпаў сказаў, што і поўныя, але не маюць тых ці іншых членаў сказа, якія характэрны для структуры двухсастаўных ці аднасастаўных сказаў. У некаторых з іх могуць адсутнічаць як галоўныя, так і даданыя члены сказа. Сярод двухкампанентных няпоўных сказаў у байках К. Кранівы распаўсюджаны канструкцыі з імпліцытнай пазіцыяй галоўнага члена ці яго часткі, з імпліцытнай пазіцыяй дапаўнення, з імпліцытнай пазіцыяй акалічнасці. Дыялог — адзін з важных стылістычна-экспрэсіўных сродкаў мовы, якія характэрны для К. Кранівы-байкапісца. Высокая патрабавальнасць вядомага байкапісца да мовы сваіх твораў, яго ўменне будаваць дыялог робяць творы Кандрата Кранівы даступнымі чытачу, вельмі выразнымі паводле ідэі.

¹ Граматыка беларускай мовы: Сінтаксіс.— Мінск, 1966, т. 2, с. 451.

² Кандрат Краніва. Збор твораў.— Мінск, 1974, с. 88. Астатнія спасылкі на гэтае выданне дадзены ў тэксце артыкула (у дужках).

Е. А. ДМИТРИЕВА

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Олицетворение как троп возникло еще в мифологической античной литературе, которая передавала языческое восприятие мира человеком. «В этом естественном родовом отношении человека к природе есть непосредственным образом его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе»¹. По мнению Л. И. Тимофеева, «миф метафоризировал речь»². Вот почему олицетворение так характерно для устного народного творчества. Но и в литературе чем сильнее потребность поэта выразить субъективное отношение к действительности, тем необходимее вернуть речь к ее первичному состоянию.

В русской поэзии эта фигура получает широкое распространение в составе метафоры у романтика В. А. Жуковского. Много олицетворений в лирике Ф. И. Тютчева и А. А. Фета. В начале XX века многие поэты считали человека частицей природы, полагая, что мера растворения в природе определяет его ценность. Подобное восприятие действительности можно объяснить обращением русской интеллигенции к язычеству, ее желанием вырваться из «клетки» канонизированного христианства, сблизиться с народом, приняв его миропонимание, в котором сохранялись еще многие дохристианские представления о природе. На наш взгляд, интерес к олицетворению связан еще и с таким приемом в литературе, который В. Шкловский определил как остранение.

Из-за «тесноты стихового ряда» (Ю. Тынянов) взаимовлияние слов в поэзии сильнее, чем в прозе, следовательно, тропы возникают в ней чаще. Ранняя лирика Б. Пастернака перенасыщена метафорами. Тропы накладываются, пересекаются. В одном из писем поэт признавался, что он «любил схватывать этот стремительно взвихренный мир и передавать его»³. Динамичность — основная черта поэтики Б. Пастернака. Люди, вещи, пейзаж в его стихах никогда не находятся в состоянии покоя.

Несметный мир семенит в месмеризме,
И только ветру связать,
Что ломится в жизнь и ломается в призме,
И радо играть в слезах⁴.

Движение — жизнь. Любой движущийся предмет обладает хотя бы этим свойством живого. Дальнейшее олицетворение — наделение предмета психическими свойствами человека — было естественным и необходимым продолжением такого понимания движения. Олицетворение — фигура, которой Б. Пастернак пользуется охотнее всего.

В языке олицетворение выражается в том, что агенсом становится неодушевленное существительное. Этому неодушевленному существительному приписываются действия, свойственные человеку, т. е. добавляется сема 'обладающий сознанием'. Таким образом существительное начинает функционировать в необычном для себя контексте: *Мимоходом Буря хвалит домоводство* (с. 132). Олицетворение, как и другие разновидности метафоры, может быть общеязыковым (*идет дождь*) и индивидуальным, поэтическим. Часто такое олицетворение достигается «оживлением» стершейся метафоры различными способами. Б. Пастернак пишет о дожде как о добром знакомом, изменив в привычном выражении приставку в глаголе: *Он зайдет и к тебе и, развинчен, Станет свечный натек колупать* (с. 188).

Вряд ли можно безоговорочно согласиться с мнением Е. А. Некрасовой, охарактеризовавшей олицетворение у Б. Пастернака как метафорическое⁵. Из рассмотренного нами материала следует, что олицетворение у поэта может использоваться не только в составе метафоры, в том числе и двойной, но и в контексте сравнения, метаморфозы и как «чистое» олицетворение. В составе двойной метафоры, т. е. метафоры в сочетании со сравнением, предмет одушевляется тем, что ему становится присуще человеческое свойство, которым наделен объект сравнения: *дождь — волна злорадства* (с. 148).

Конкретная лексика метафоризируется легче абстрактной, но и среди отвлеченных существительных есть небольшая группа слов, способных функционировать в метафоре. В книге Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь» таких слов пять: творчество, грусть, горе, жуть, тоска. Эти слова, кроме первого, традиционно употреблялись в контекстах олицетворения. Из античной литературы идет традиция отождествлять творчество с очаровательной Музой. Б. Пастернак одушевляет творчество, не персонифицируя его в каком-либо одном образе: *Разметав отвороты рубашки, Волосато, как торс у Бетховена, Накрывает ладонью, как шашки, Сон, и совесть, и ночь, и любовь оно* (с. 128).

Восприятие мира живым было настолько характерно для поэта, что любой предмет в его стихах одушевляется, взаимодействует с человеком: сочувствует ему, сопротивляется его воле или же выполняет действие вместо лирического героя стихотворения. Метафоризируются наименования бытовой обстановки — частей дома, одежды, тканей: *Окна сцены мне делают. Бесцельно ведь! Рвется дверь с петель, целовав Лед ее локтей* (с. 155); *муслин пугался... жаждал финала* (с. 135). Олицетворение отдельных конкретных реалий приводит к олицетворению более общих — города, селенья...

В мифологии, фольклоре, художественной литературе растения и деревья часто отождествляются с человеком. Разумеется, выбор предмета идентификации важен, особенно если анализировать его в «вертикальном контексте» мировой литературы. Б. Пастернак одушевляет рожь, ковыль, репейник, иву, липу, сосну, шиповник, лебеду, бруснику, люцерну, астры, мак. Свойственное поэту умение в частном находить общее одушевляет и рошу, сад, ельник, чашу. Подобное мировосприятие сродни мифотворчеству: *«Просит роща верить: мир всегда таков. Так задуман чащей, так внушен поляне, Так на нас, на ситцы пролит с облаков* (с. 132).

Рассмотрим способы выражения олицетворения на уровне предложения, определительного словосочетания, сверхфразового единства (СФЕ) и целого текста в книге «Сестра моя — жизнь». Более половины всех примеров олицетворения у Б. Пастернака приходится на предикативный центр предложения. По наблюдениям Н. Д. Арутюновой⁶, любая метафора ориентирована на позицию предиката. По-видимому, это объясняется тем, что метафора нарушает обычные взаимоотношения между предметами и словами, их называющими, относя наименование к другой лексико-семантической группе. Выразитель предикативности — сказуемое. Из 197 примеров олицетворений, выраженных сред-

ствами предикации, только в 9 — неглагольное, именное сказуемое, называющее более постоянный признак подлежащего по сравнению с глагольным сказуемым. О важности для поэта предикации как средства создания олицетворения говорит и то, что образованная таким способом самая обобщенная, мировоззренческая метафора вынесена в заголовок книги. До Б. Пастернака никто не называл жизнь сестрою, хотя существует обращение к близкому человеку: «жизнь моя».

Четвертая часть глагольных сказуемых в книге «Сестра моя — жизнь», по нашим наблюдениям, в контекстах олицетворения называется движением, прежде всего бег, потому что мир стремительно изменяется. Необычно направление движения: зеркало не является неподвижным предметом, отражающим действительность; предметы вбегают в него, или же зеркало спешит к ним: *Из сада, с качелей, с бухты-баракхты Вбегают ветка в трюмо!* (с. 115); *Дорожкой в сад, в бурелом и хаос К качелям бежит трюмо* (с. 114).

Для олицетворения традиционно употребление глаголов сообщения, контактирования, восприятия. Б. Пастернак определял поэзию как «занятие философией». В его стихах олицетворенный субъект обладает умением отражать объективную действительность в представлениях, суждениях, понятиях: *Сентябрь составлял статью В извозничьем хозяйстве* (151). Новаторство поэта в том, что глаголы мышления в его стихах называют конкретное действие.

В олицетворении предикат может быть как дву-, так и многокомпонентным. Установка на разговорность стиха ограничивала возможности использовать синтаксические конструкции, характерные для книжной речи, но изредка Б. Пастернак употребляет деепричастия и деепричастные обороты. Чаще всего это выражения эмоционально насыщенные, их экспрессия близка свободе разговорного стиля речи: *Лжет и кадит, ухмыляясь, комфорт* (с. 149). Для олицетворения имеет значение не только действие предмета, но и настроение, в каком оно выполняется. Одним из компонентов многоместной предикации может быть сравнительный оборот: плачущий сад *Мнет ветку в окне, Как кружевце* (с. 113). Образ только намечен, не раскрыт, названо второе звено ассоциативной цепочки, основание — повод сравнения — пропущено, а сам сравнительный оборот входит в состав олицетворения как самостоятельной фигуры.

Морфологически олицетворяющая сравнительная конструкция выражается формой творительного падежа со значением сравнения. Вслед за В. В. Виноградовым Н. Д. Арутюнова предлагает разграничивать метафору и метаморфозу (конструкция с приглагольным творительным падежом, «который является семантическим привеском к предикату»). Метаморфоза, временно отождествляя разные предметы, не преобразует значения слова, и в этом ее отличие от метафоры. Такое уподобление лишь «демонстрирует образное видение мира»⁷. Но основа у обоих тропов, на наш взгляд, одна: сравнение по сходству. Основанием сравнения служит значение действия, выраженного глаголом. Эта функция глагола опровергает мнение Б. Эйхенбаума, что творительный сказуемый вытесняет глагол из фразы⁸: *Рассвет холодную ехидной вползает в ямы* (с. 112).

В стихах Б. Пастернака у неодушевленных предметов есть руки, лица, губы...: *губы астр и далий Сентябрьские страдали* (с. 151). Поэта упрекали в анимизме и пантеизме, но частый антропоморфизм образов Б. Пастернака нужно рассматривать на фоне метафоризации поэзии начала века.

Олицетворение способом постановки в однородный ряд одушевленных и неодушевленных существительных очень характерный особенно для раннего Б. Пастернака прием: *лишь ворожей да выюги Ступала нога* (с. 84). Но, пожалуй, для того, чтобы использование синтаксической однородности могло олицетворять предмет, необходима установка на восприятие поэтического текста. Олицетворяющие определения близ-

ки одному из самых распространенных и древних тропов — эпитету. В ранних книгах Б. Пастернака этот способ олицетворения встречается редко. Возможно, поэт чувствовал книжность, вторичность приема, а для него поэзия была такой же реальностью, как и окружающий мир.

Необходимость рассматривать олицетворение на более крупных уровнях, чем предложение и словосочетание, обусловлена переплетением тропов в лирике. Олицетворение выступает как самостоятельная фигура. На уровне СФЕ, смысловой единицы текста, состоящей из одного или более предложений, в которых реализуется микротема, проанализируем олицетворение, основанное на отдаленной ассоциации с человеком: *Скорей со сна, чем с крыши; скорей Забывчивый, чем робкий, Топтался дождик у дверей...* (с. 148). Дождь олицетворяется с помощью эпитета, своеобразной предикацией, локализацией действия. Вначале читатель должен предположить, что дождь появился не «с крыши» (контекстуальный синоним «с неба»), а встал «со сна» — возникает ассоциация с человеком, она укрепляется конструкцией синтаксического параллелизма. В стихах Б. Пастернака природа и человек сливаются в единый образ — «пейзаж-портрет» (Ю. Лотман.) «Сплошное» восприятие действительности приводило к переплетению обычных посторонних представлений: явление природы казалось бытовым понятием: *Всё еще нам лес — передней. Лунный жар за елью — печью, Всё, как стиранный передник, Туча сохнет и лепечет* (с. 132).

Часто все стихотворение — это развитие олицетворения. Важным приемом олицетворения на уровне целого поэтического текста являются заголовки и эпиграфы, если они есть. Заголовок может быть подлежащим (Л. Озеров) всего стихотворения («Плачущий сад», «Болезни земли», «Девочка»). Один из исследователей творчества Б. Пастернака сравнил композицию книги «Сестра моя — жизнь» с сонатным аллегро. И действительно, как в сонатной форме, развитие, вариации, недословное повторение контрастных тем в книге уточняют, углубляют представление о предмете. В то же время такое повторение опорных слов становится средством связи стихотворений. Как правило, выраженные ими понятия олицетворены. Олицетворение становится как бы композиционным стержнем книги.

Летом 1917 года все изменялось стремительно, и образ ветра в поэзии становится основным, даже символическим. Конечно, каждый поэт вкладывал в этот символ свой оттенок значения. У Б. Пастернака ветер всегда олицетворен, но это не ветер мятежа, революции, как у А. Блока, например, или позже у Н. Асеева или В. Луговского, а добрый летний ветер.

То ветер смех люцерны вдоль высот,
Как поцелуй воздушный, пронесет,
То, княженкой с топи угощен,
Ползет и губы пачкает хвощом
И треплет речку веткой по щеке,
То киснет и хмелеет в тростнике (с. 147).

Но, сближаясь с блоковским образом, ветер начинает противоборствовать человеку, он противопоставляется саду, наиболее частому образу книги, с которым поэт отождествлял себя (потенциальная сема 'плодоносящий, дарующий жизнь'): *У плетня Меж мокрых веток с ветром бледным Шел спор. Я замер. Про меня!* (с. 136).

С движением неразрывно связан и образ дождя, бури как обновляющего начала. Каждое повторение (в книге 19 случаев олицетворения со словом «дождь») уточняет, индивидуализирует этот образ, знакомство с дождем происходит, как знакомство с человеком — узнавание новых деталей проясняет характер.

Стихи Б. Л. Пастернака — «преображенне вещи» (М. И. Цветаева), точнее — изображение ее одушевленной сути, данное во взаимосвязи со всем миром.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве.— М., 1957, т. 1, с. 247.

² Тимофеев Л. И. Слово в стихе.— М., 1982, с. 39.

³ Пастернак Б. Л. Собр. соч., в 4-х томах, т. 1, с. 14.

⁴ Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы.— М., 1965, с. 114. Дальнейшие ссылки на это издание даны в тексте статьи.

⁵ См.: Некрасова Е. А. Олицетворение как элемент художественного идиостиля.— В сб.: Стилистика художественной литературы.— М., 1982, с. 38.

⁶ См.: Арутюнова Н. Д. Синтаксические функции метафоры.— Известия АН СССР, 1978, № 3. Сер. лит. и языка.

⁷ Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика)—В кн.: Лингвистика и поэтика. М., 1979, с. 156, 157.

⁸ См.: Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова.— В кн.: О поэзии. Л., 1969.

Т. В. СЕНЮТА

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЛОВООБРАЗОВАНИЕМ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Как известно, детское словотворчество не носит целенаправленного и организованного характера, оно представляет собой процесс комбинирования новых сочетаний из уже известных морфем. Дети строят слова стихийно, произвольно, выражая свои впечатления от окружающего их мира. Ребенок, творя свои слова, никогда не выходит за рамки языковой традиции. Почти все детские неологизмы созданы в соответствии с законами русского языка и имеют точные и многочисленные аналогии в кругу канонических слов. В таких словах, как *сахарный* (сладкий), *копатка* (лопата), *перепуталка* (неразбериха) и т. д., дети только реализуют возможности языка, заложенные в его словообразовательной системе. Если при образовании глаголов дети отдают предпочтение таким словообразовательным способам, как префиксация и конфиксация, то новые существительные и прилагательные они образуют чаще всего с помощью суффиксов. Неизменным остается одно: как в первом, так и во втором случае дети используют исключительно продуктивные словообразовательные форманты в их самом распространенном значении.

Как показал эксперимент, в детской речи весьма продуктивным оказался способ образования новых имен существительных с помощью суффиксов *-ин(а)*, *-атин(а)*. В кодифицированном языке «существительные с суффиксом *-ин(а)*, *-атин(а)*, мотивированные качественными прилагательными, немотивированными и с суффиксом *-л-*, называют вещественное или собирательное понятие, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом, обычно с экспрессией неодобрения, отрицательной оценки: *кислятина*, *тухлятина...*»¹ Особенно продуктивен этот тип словообразования в разговорной речи. Дети образуют нужные им существительные с указанным значением, присоединяя эти словообразовательные форманты к основе любого прилагательного: Эти туфли такая *теснятина*; На улице *мокрятин*; Смотри, какой *пузатин*; Я лучше буду *лохматин*. Эти детские неологизмы ассоциируются с каноническими словами *тухлятина*, *кислятина* и т. д. и четко занимают свое место в словообразовательной системе языка, так как их семантика запрограммирована значением составляющих их морфем.

Не менее продуктивными в современном русском языке являются новообразования имен существительных с помощью суффикса *-к(а)*. Существительные с суффиксом *-к(а)*, мотивированные существительными мужского рода, имеют основное модификационное значение лица женского рода (*сосед — соседка*), а также самки животного (птицы) (*голубь — голубка*). Этот тип исключительно продуктивен и в разговорной речи, и в сфере официальных номинаций. Как известно, в русском языке есть ряд существительных мужского рода, от которых не образуются имена существительные со значением женского рода. В основном это названия экзотических животных и птиц. Ребенок же образует от любого существительного мужского рода существительное женского

рода, не признавая никаких исключений, используя при этом только словообразовательный формант *-к(а)*: Вот краб *с крабкой* нарисованы; А это крокодил со своей *крокодилкой* плавает; *Попугайка* наша заболела; *Меченоска* пугает гуппий; — Не режь карпа, возьми лучше *карпку*, — говорит девочка, протягивая матери зеркального карпа.

В процессе познания мира дети усваивают прежде всего конкретные понятия и их связи. Они мыслят образами конкретных предметов, поэтому в детской речи новообразования имен существительных с абстрактным значением немногочисленны. В основном это существительные со значением процессуального признака. И здесь опять убеждаешься в том, что дети в своем словотворчестве используют только высокопродуктивные словообразовательные форманты. В кодифицированном языке существительные с суффиксом *-ость* составляют наиболее продуктивный словообразовательный тип среди существительных с отвлеченным значением признака. В роли мотивирующих выступают качественные прилагательные (*глупый — глупость, новый — новост*). Дети довольно активно строят слова подобного типа: На улице такая *грязность*; Смотри, какая *красивость!*; А ты говоришь *умности?* Детские неологизмы имеют свою, всякий раз по-особому мотивированную неповторимость значения. В них достаточно ясно осознается отклонение от нормы, а это обязательно несет в себе также и эстетическую информацию: Танк разбил машину, понимаешь, какая *страшность!*

В детской речи довольно многочисленны образования имен существительных, мотивированных глаголами. В литературном языке существительные с суффиксом *-к(а)* обозначают предмет или лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим глаголом. Дети очень часто используют этот суффикс при образовании существительных от глагольных основ: Дай мне *копатку* (лопату); Вот твои *накрутки* (бигуди); А это моя *слушка* (фонендоскоп); Это ведь моя *прыгалка* (скакалка). Эти слова с точки зрения нормы русского языка более законны в его лексической системе, чем нормативные *бигуди* и *фонендоскоп*. Для ребенка слово ценно своим содержанием, и если здесь им нарушены нормы словообразования, то только в пользу содержания. Даже слово *копатка* значительно содержательнее слова *лопата*, не говоря уже о *накрутках* и *слушке*.

В современном русском языке существительные с суффиксами *-лк(а)*, *-ачк(а)* совмещают присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака (действия, состояния) со значением существительного как части речи. Этот тип обладает высокой продуктивностью в разговорной речи, что подтверждают и детские новообразования: В садике я была *убирачкой* (дежурила); Мы в садике занимались *раздевачкой* (перечисляет, сколько раз одевались и раздевались); Я сегодня стоял на *подачке* (подавал мяч); Я в этой *перепуталке* ничего не разбираю (в ящике с игрушками беспорядок). Детские новообразования экспрессивны и предельно конкретны. Они точно передают необычность ситуации, которую каноническими словами передать невозможно. Нормативные слова *неразбериха, хаос, путаница* не передадут с такой образностью, точностью то состояние, в котором находятся игрушки, а вот слово *перепуталка* ясно говорит об этом.

Продуктивным словообразовательным формантом в нормированном языке является суффикс *-щик/-чик, -льщик* при образовании существительных со значением лица, производящего действие, названное мотивирующим глаголом. Дети улавливают чрезвычайную продуктивность этой словообразовательной модели и строят свои неологизмы, присоединяя указанный суффикс к любой глагольной основе: Сережа — *разбойщик* (разбил окно); Я хороший *распутчик* (распутал скрепки); Какой ты *разливальщик* (разлил суп); Ты плохой *игральщик* (все время смотришь телевизор).

Высокопродуктивной моделью в словообразовании существительных со значением процессуального признака, мотивированных глаголами, в

современном русском языке является образование слов с суффиксом *-ни(j)* (рисование, наказание). Дети также употребляют этот словообразовательный формант в своем словотворчестве. Нами зафиксированы такие фразы детской речи: Сейчас будет *едение* (обед); Мы пойдем на *грение* (физиолечение); Разве это *паринье*, — укоризненно говорит дочь отцу, который парит ноги, не укрыв их одеялом.

Образования имен существительных путем конфиксации в детской речи незначительны. Нами зафиксировано только одно такое слово, и образовано оно при помощи самых продуктивных формантов этого словообразовательного способа: префикса *под-* и суффикса *-ник*. На вопрос матери, не болят ли у сына ноги, он ответил: — Нет, болят только *подножки*, — и указал на ступни ног.

Почти от всех существительных, обозначающих названия животных, можно образовать относительные прилагательные. Наиболее продуктивным словообразовательным формантом в нормативном языке выступает суффикс *-ин*. Прилагательные, образованные при помощи указанного деривата, имеют общее деривационное значение 'свойственный тому, кто назван мотивирующим словом'. Исключения составляют названия некоторых экзотических животных, от которых нельзя образовать относительные прилагательные подобным образом (слон, жираф и т. д.). Дети, как известно, не признают никаких исключений и образуют относительные прилагательные от любого существительного: Какая *жирафиная* шея (подъемный кран); Это *слоновая* нога (бетонный столб); *Крокодилина* голова (форма облака).

В современном русском языке прилагательные с суффиксом *-н* обозначают признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом: хлебный, водный'. В качестве мотивирующих выступают, как правило, нарицательные существительные. Детские новообразования позволяют говорить о продуктивности этой словообразовательной модели. Как и в литературном языке, в детских неологизмах данного словообразовательного типа наиболее распространенными значениями являются следующие: 'состоящий, сделанный из того, что названо мотивирующим словом': Это *сливное* варенье (сливовое); Дай мне *малинный* сок; *Березного* сока не бывает, у нее же только листья. Некоторые детские неологизмы могут иметь качественное значение 'содержащий то, что названо мотивирующим словом': Чай *не сахарный* (не сладкий); Дай мне что-нибудь *конфетное* покусать (сладкое); Это же *чайная* вода (заварка). Если в нормативном языке слова *конфетный* и *чайный* являются относительными прилагательными, то в детской речи они, как видим, могут выступать в качественном значении. Иногда дети образуют прилагательные и от основ глагола, используя суффикс *-н*: Скрепки какие-то *путные* (запутанные); А бабулин дом уже *видный* (дом показался за поворотом дороги). Здесь опять новое значение известного слова, и образовано оно от глагола *видеть*.

Прилагательные с суффиксом *-ск-* имеют общее значение 'относящийся к тому, что названо мотивирующим словом' (отцовский, морской). В нормативном языке этот словообразовательный тип высокопродуктивен. Детские новообразования подтверждают его продуктивность: У него *девчонская* шапка; Где моя *игрушеская* корзина; Дай мне *диванскую* подушечку.

В литературном языке «суффикс *-уч-* известен как морф отглагольных прилагательных, и прилагательные с этим морфом, мотивированные только существительными, отсутствуют»². Замечено, что дети, в большинстве случаев, образуют прилагательные при помощи суффикса *-уч-* также от глагольных основ: Самолет *нелетучий*; Горох какой-то *неломучий*; Какой *сверкучий* нож.

В современном русском языке значительно активизировалось словообразование имен прилагательных от заимствованных несклоняемых существительных, причем этот процесс происходит одновременно и в просторечии, и в литературном языке. «Тенденции развития современ-

ного словообразования обнаруживают большую и все возрастающую роль интерфиксации»³. Дети также используют прием интерфиксации в своем словотворчестве при образовании имен прилагательных, что не противоречит нормам современного словообразования. В литературном языке от существительного *такси* прилагательное образуется с помощью суффикса *-йн-* — таксийный. Ребенок же, интуитивно чувствуя, что здесь нельзя к основе сразу приклеить суффикс, добавляет свой интерфикс *-с-* и получает прилагательное — *таксисный*: Мы искали такси на *таксисной* остановке. В просторечии наибольшее распространение получил интерфикс *-ш-* при словообразовании прилагательных от основ несклоняемых существительных и наречий (киношный, завтрашний). Дети улавливают продуктивность этой словообразовательной модели и образуют свои прилагательные: Это *правдашнее* зеркало; *Метрошные* машины везут песок (машины «Метростроя» с буквой «М»).

Итак, детские новообразования в структурном отношении напоминают известные словообразовательные модели и с точки зрения системных отношений вполне допустимы. Дети образуют свои слова, только по-новому комбинируя сочетания известных в языке морфем, которые выделяются и отождествляются благодаря парадигматическим ассоциациям. Ненормативность и некодифицированность детских именных образований исчезает благодаря их мотивированным употреблением в речи. Исследование «детских новообразований по аналогии» может помочь в выявлении продуктивных деривационных морфем и словообразовательных моделей.

¹ Русская грамматика.— М., 1980, с. 173. Все деривационные значения в статье даются по этому изданию.

² Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика.— М., 1977, с. 95.

³ Русский язык и советское общество.— М., 1968, с. 41.

Л. В. ЛЕОНОВА

ОБЩАЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ СЕРБСКОХОРВАТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Материалом для общего сопоставительного анализа лексики сербскохорватского и русского языков послужили данные, выбранные из «Сербскохорватско-русского словаря» И. И. Толстого¹. Пятьдесят четыре тысячи слов, зафиксированных в наиболее полном неоднократно переиздававшемся переводном сербскохорватско-русском словаре, представляют лексику сербскохорватского языка, которая дает возможность анализа ее современного состояния и некоторое представление об истории ее формирования.

Сопоставлялись, однако, значения не всей словарной лексики, а выборки в 656 слов (приблизительно 1,2 % всего объема словника), которые отбирались по принципу: каждое последнее слово в конце каждой страницы словаря и его перевод на русский язык.

Основанием для переноса результатов сопоставительного анализа произвольно выбранной части слов на всю представленную в словаре лексику сербскохорватского и русского языков в целом на правах закономерности, проявившейся через случайность, послужил предварительный анализ выбранной лексики по содержанию и по грамматической принадлежности. Выборка сравнивалась со всей зафиксированной в словаре лексикой. Выяснилось, что в числе 656 выбранных слов представлена современная общепотребительная, книжная, а также устаревшая лексика, что соответствует содержанию лексического состава словаря в целом. Распределение выбранной лексики по частям речи таково (в порядке убывания процента представленности): глаголы, существительные, прилагательные, наречия, причастия, предлоги, числительные. В основном эти результаты совпадают с данными анализа на

грамматическую принадлежность всей лексики словаря. Расхождения наблюдаются в процентной представленности в выборке и в словаре существительных и глаголов: в словаре существительных больше. В целом же порядок распределения лексики выборки по частям речи подтверждается данными «Обратного словаря русского языка»², где на первом месте существительные, а далее — глаголы и другие части речи в вышеупомянутой последовательности. На основании проведенного по двум параметрам анализа собранный для сопоставления материал можно считать представительным.

Выбранные слова и их перевод анализировались с точки зрения соотношения их в плане содержания и выражения, т. е. соотношения звучания (формы) и значения слова сербскохорватского языка со звучанием и значением его перевода (переводов) на русский язык. Разнообразие соотношений укладывается в рамки нескольких типов. Каждый из них далее будет условно обозначаться значками типа -/-, o/- или ~/o, левая часть которых (перед разделительной чертой) обозначает степень соответствия звучания (формы) сербскохорватского слова и слова русского перевода: - — полное соответствие, ~ — частичное соответствие, подобие, o — абсолютное несоответствие, а правая часть (за разделительной чертой) — степень соответствия значения слова его переводу, или степень адекватности семантики (значки и характер соответствия те же, что и для плана выражения). Выделено восемь типов соотношений:

1. -/- — а) полное соответствие формы (исключая фонетические и акцентологические особенности языков) сербского слова его русскому аналогу; б) однозначность перевода, или полная семантическая адекватность. Примеры: **алиби** — алиби, **аналогија** — аналогия.

2. ~/- — а) частичное соответствие формы; б) полная семантическая адекватность. Примеры: **лавендла** — лаванда, **безазоран** — беззастенчивый, **закопавати** — 1) закапывать, зарывать; 2) хоронить.

3. o/- — а) несоответствие формы; б) семантическая адекватность. Примеры: **блор** — полоз (вид ужа), **бродиште** — док, **вагати** — взвешивать, **гложјак** — кусты боярышника.

4. -/~ — а) соответствие формы; б) частичная семантическая адекватность. Примеры: **захватити** — 1) захватить, охватить; 2) зачерпнуть; **значка** — 1) значок; 2) марка (фабр.); 3) знак, **кабина** — 1) кабина, каюта; 2) мор. рубка.

5. ~/~ — а) частичное соответствие формы; б) частичная семантическая адекватность. Примеры: **караула** — 1) сторожевая башня; 2) погранпост; 3) караульное помещение.

6. o/~ — а) несоответствие формы; б) многозначность семантики. Примеры: **камилица** — 1) верблюдик; 2) ромашка, **истрчавати** — 1) выбегать, выскакивать; 2) забегать вперед, обгонять, **јато** — 1) стая; 2) обл. уст. община, братство в Черногории.

7. o/o — а) несоответствие формы; б) отсутствие лексического соответствия, связанное с отсутствием соответствующих реалий в русской действительности или с некоторыми грамматическими и словообразовательными особенностями сербскохорватского языка. Примеры: **капама** — тушеная баранина с зеленым луком, **лозовача** — водка (из виноградных выжимок), **ласаст** — похожий на ласку, цвета ласки (животного).

8. -/o — а) совпадение формы; б) несовпадение значения с соответствующим русским словом. Примеры: **верити** — обручить, помолвить, **дан** — день; сутки, **попутни** — путевой, **худоба** — 1) гадость, скверна; 2) скверный, дурной человек, **дубина** — глубина.

Статистические результаты сопоставления слов сербскохорватского языка по соответствию планов выражения и содержания с их переводами на русский язык в соответствии с выделенными типами систематизированы в таблице.

№	Тип соотношений	Количество слов	Количество слов в %
1	o/~	242	37,6
2	~/~	109	16,1
3	o/-	95	14,2
4	-/-	88	13,4
5	~/-	46	7,01
6	-/~	43	6,25
7	o/o	22	3,4
8	-/o	11	1,7

Данные показывают, что доминирующим, 37,6 %, является тип соотношений o/~, для которого характерно полное несовпадение планов выражения (отсутствие соответствующего звукового комплекса-слова в русском литературном языке) и несовпадение семантики, которое отражает неоднозначность перевода. Анализ слов, относящихся к этому типу соответствий, показывает, что среди них приблизительно равно представлены собственно сербские слова и лексика общеславянская, не сохранившаяся в русском литературном языке, а также отсутствующие в русском старославянизмы и заимствованные в сербскохорватский из других языков слова. Значительно менее представлены следующие три типа. Большинство из выбранных слов типа ~/~ (16,1 %) составляют бесприставочные и приставочные глаголы и отглагольные существительные с корнями общеславянского происхождения, претерпевшими сербские (южнославянские) фонетические изменения, различающиеся семантикой за счет развития новых значений у старых корней в одном языке и утраты бывших значений в другом, а также за счет несоответствия значения некоторых словообразовательных элементов. Меньшую часть лексики этого типа составляют существительные, образованные на базе общеславянских корней с помощью словообразовательных элементов, не совпадающих по значению с русскими или отсутствующих (в звучании) в русском языке, а также заимствованные существительные и глаголы, у которых в обоих языках развились новые, но неадекватные значения. Для типа соотношений o/- (14,2 %) характерно то, что в русском языке отсутствует хотя бы отчасти подобно звучащее слово, но переводится сербское слово на русский язык однозначно. Это в основном лексика конкретного значения, собственно сербская (напр., некоторые «свои» названия растений и животных) или старые славянские заимствования из других языков, вытесненные в русском языке собственно русскими образованиями или более поздними заимствованиями из других языков. В типе -/- (13,4 %) совпадают звучание и семантика сербского и русского слов. Среди выбранных слов к этому типу соотношений прежде всего относятся слова из общеславянского лексического фонда, параллельные образования или общие с русскими заимствования из старославянского языка, а также слова, в одно и то же или в разное время заимствованные из других языков. Более чем вдвое меньшим количеством слов представлены (по сравнению с тремя предыдущими типами) следующие два типа соотношений. Слов типа ~/-, для которых характерно приблизительное или частичное совпадение звучания и однозначность перевода, среди выбранных из словаря было всего 7,01 %. Причины расхождения в звучании выбранных слов в основном в том, что, будучи представителями разных групп славянских языков, сербскохорватский и русский языки «оформляли» слова общеславянского лексического фонда посредством специфических комплексов фонетических и словообразовательных особенностей, во-первых,

и, во-вторых, разными способами адаптировались слова, заимствованные в оба языка из других языков, фонетически и словообразовательно, кроме того, некоторые грамматические особенности заимствованных слов связаны с особенностями других языков, через посредство которых слова пришли в сербскохорватский и русский языки. Немногочисленная группа слов типа $-/\sim$, означающего почти абсолютное совпадение сербских слов со словами русского перевода в звучании и несовпадение семантики. В этой группе слов есть общеславянские, сохранившие старые значения, утраченные одинаково звучащими словами русского языка, и не развившие новых, выражаемых соответствующим русским звуковым комплексом. Ряд слов этого типа не совпадает в значении из-за неадекватности значения одинаково звучащих в обоих языках словообразовательных элементов. Остальные неадекватны вследствие развития новых значений, разных в обоих языках, у слов, заимствованных в разное время в оба языка из других языков.

По данным сопоставления, почти половина слов, 44,46 %, является более или менее «общей» по звучанию в обоих языках, но это отнюдь не всегда приводит к полному и правильному пониманию услышанного или прочитанного, т. е. более половины этих слов (24,05 % из 44,46 %) относится к типам \sim/\sim (16,1 %), $-/\sim$ (6,26 %) или $-/о$ (1,7 %), в словах которых семантика оригинала и перевода звучащих точно так же или подобно слов совпадает лишь частично или не совпадает совсем. Систематизированные данные анализа показывают, что однозначно переводится на русский язык, а следовательно, является семантически адекватным значительно меньшее количество слов (229 из 656, или 33,57 %), чем число слов, значение которых раскрывается несколькими словами или словосочетаниями, т. е. не являющихся семантически адекватными полностью. Таких слов 394 из 656, или 60,06 %. С точки зрения семантической эквивалентности и адекватности можно распределить выбранные слова по трем типам: 1. абсолютно эквивалентные, или совпадающие в звучании и переводимые однозначно ($-/-$): 88 слов, или 12,04 %; 2. частично эквивалентные, или семантически неадекватные: частично совпадающие или абсолютно несовпадающие в звучании, но однозначно переводимые ($\sim/-$, $о/-$): 141 слово, или 21,47 %; 3. семантически неадекватные, совпадающие или несовпадающие в звучании, но неоднозначно переводимые ($-/\sim$, \sim/\sim , $о/\sim$): 394 слова, или 60,06 %.

Не учтены соответствия типа $о/о$ и $-/о$, представляющие слова, которые не могут быть переведены на русский язык по причине отсутствия реалий, или слова, которые, совпадая в звучании, имеют совершенно иное значение, и речь о семантической адекватности или эквивалентности идти не может.

Сопоставление планов выражения двух близкородственных языков показывает, что почти половина лексики (44,46 %) звучит одинаково или подобно. Между тем сравнение планов содержания этих слов обнаруживает, что подобие слов двух языков в значительной степени является чисто внешним, так как 297 из 656 выбранных слов, или 43,5 %, звучащих подобно русским словам или одинаково с ними, переводятся однозначно только на 20,4 %, из них 12,4 % — абсолютно адекватны, т. е. совпадают не только в звучании, но и по значению. В понимании же и переводе 23,1 % слов можно легко ошибиться, так как семантика их неоднозначна и совпадает лишь частично (в нашей выборке таких слов 22,35 %) или не совпадает вовсе (1,7 %).

Результаты сопоставления показывают также, что эквивалентность и семантическая адекватность и неадекватность по-разному проявляются у разных частей речи. Соотношение адекватных и неадекватных существительных примерно равное, хотя наиболее представленными среди существительных являются типы соотношений планов выражения и содержания, которым характерно отсутствие в русском языке соответствующего звукового комплекса при однозначности или неоднознач-

ности перевода. К примеру: *губер* — покрывало, одеяло; ковер, *зјало* — 1) глотка, зев, пасть; 2) устье печи; 3) жерло вулкана. 41,3 % выбранных существительных имеют полностью или частично идентичную словам русского языка форму, или звучание. Иное различие в соотношении семантических адекватных и неадекватных единиц у глаголов: только 16 из выбранных слов эквивалентны, 26 глаголов адекватны русскому переводу, остальные же 217 неадекватны. Наиболее распространенным типом соотношения планов выражения и содержания сербскохорватских и русских глаголов является тот, при котором в русском языке отсутствует эквивалентное или подобное звучание, и перевод сербского звукового комплекса на русский язык неоднозначен вследствие семантической неадекватности (*вртарити* — заниматься садоводством; *огородничать*, *жаморити* — 1) журчать; 2) шелестеть, шуршать, шуметь; 3) тихо говорить, бормотать, лепетать, а также частичное сходство плана выражения и семантическая неадекватность (*домешати* — 1) подмешивать; 2) домешивать, вымешивать до конца). В плане выражения глаголы в меньшей степени, чем существительные, эквивалентны или подобны русским глаголам: 61,7 % из 269 выбранных глаголов в плане выражения не совпадают и не подобны. Очень высока, по данным выборки, семантическая адекватность у прилагательных: из 93 попавших в выборку прилагательных 25 полностью эквивалентны русским, 52 адекватны. Абсолютная эквивалентность является наиболее распространенным среди выбранных прилагательных типом соотношений. Это в основном относится к прилагательным конкретного значения (*зелен* — зеленый, *брадат* — бородатый) или образованном на базе одинаковых заимствований в сербскохорватский и русский языки (*азбестни*, *катаралан*, *агресиван*, *комунистички*). Более половины выбранных прилагательных (64,5 %) совпадают в плане выражения с русским переводом, причем большая часть полностью, меньшая — частично.

Проведенный анализ сопоставленной лексики двух языков показал, что наиболее характерным (по количеству представленных в выборке слов) для соотношения лексики сербскохорватского и русского языков является тип соотношений планов выражения и содержания сербского и русского слов, при котором слова не совпадают и не близки в звучании, и звуковой комплекс-слово одного языка переводится на другой язык неоднозначно, что свидетельствует о несовпадении семантики. Этот тип соотношений в большей степени представлен среди глаголов и существительных. Следующим по распространенности является тип соотношений, при котором звуковой комплекс сербского слова также не имеет подобного в русском языке, но переводится на русский язык однозначно, т. е. является семантически адекватным. Этот тип в основном распространен среди заимствованных существительных и прилагательных конкретного значения. Анализ показал также, что среди значительной части лексики, совпадающей в обоих языках полностью или частично, не менее значительная ее часть не совпадает в плане содержания, а некоторые слова имеют совершенно иное или даже противоположное значение (*даћа*-уст. счастливая жизнь, удача, *вредан* — 1) трудолюбивый, прилежный; 2) достойный, стоящий). Неодинаковы результаты сравнения планов выражения и содержания у разных частей речи, в данном случае — наиболее представленных в выборке — существительных, глаголов и прилагательных. Среди слов, представляющих эти части речи, довольно высок процент частичной или полной звуковой эквивалентности: у существительных — 41,3 %, у глаголов — 38,3 %, у прилагательных — значительно более высокий — 64,5 %. Среди выбранных существительных примерно одинаковое количество слов адекватной и неадекватной семантики, среди глаголов преобладает, и значительно, семантическая неадекватность. Прилагательные же с этой точки зрения больше других частей речи близки русским не только по звучанию, но и по семантике. Это относится в основном к прилагательным конкретного значения, которых намного больше. Прилагатель-

ные неконкретного значения в большинстве случаев однозначного перевода не имеют, хотя не менее других прилагательных близки соответствующим русским по звучанию.

¹ Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь.— М., 1970.

² Обратный словарь русского языка.— М., 1974.

СУМАНА КАНЭ

ПРИСУБСТАНТИВНЫЕ И ПРИКОМПАРАТИВНЫЕ НЕРАСЧЛЕНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (в русском языке и языке бамана)

Нам представилось интересным сопоставить присубстантивные и прикомпаративные предложения в русском языке и языке бамана (распространен в некоторых странах Западной Африки), выяснить, совпадают ли правила построения предложений указанного типа в языках, принадлежащих к разным языковым семьям. Объект нашего исследования — присубстантивные и прикомпаративные предложения, относящиеся к присловным предложениям, конструктивным ядром которых является опорное слово, распространяемое придаточной частью¹. Именно по характеру этого опорного слова присловные предложения делятся на присубстантивные и прикомпаративные, с одной стороны, и изъяснительные, с другой. Структура первых двух типов определяется грамматической природой распространяемого слова как части речи или грамматической природой распространяемой формы слова, структура изъяснительных предложений — семантической природой распространяемого слова главной части². Части присубстантивного предложения включают общий субстантивный компонент: придаточная часть содержит анафорическое указание на предмет, названный в главной части опорным словом. Роль союзного средства в таких предложениях выполняют относительные местоимения: *который, какой, чей, когда, где, куда, откуда*, замещающие анафорически в придаточной части опорное слово.

Присубстантивные предложения в соответствии с указанной классификацией делятся в русском языке на два типа: а) определительные и б) повествовательно-распространительные. В определительных предложениях придаточная часть сообщает об отличительном признаке предмета, названного опорным словом, и тем самым сужает, конкретизирует значение этого существительного. В русском языке предложения этого типа строятся по следующим моделям: придаточная часть распространяет сочетание существительного с препозитивным местоимением *тот*, выступающим в роли, близкой к роли выделительной частицы, и присоединяется относительными местоимениями *который, какой, чей, что, где, куда, откуда, когда*. Предложения такого типа называются выделительными. Местоимение *тот* (*та, то, те*) в таких предложениях указывает на то, что следующее за ним существительное обозначает единственный предмет; придаточная часть называет отличительный признак этого предмета, например: Они были заняты надвигавшейся на них разлукой и, не думая об окружающих, пытались смягчить эту разлуку привычными словами *того* мирного времени, *которое* уже три дня как перестало существовать³; И в *том* вагоне, *где* ехал Синцов, и в других вагонах большую часть пассажиров составляли командиры и политработники Особого западного военного округа, срочно возвращавшиеся из отпусков в части⁴; И это так и было, он и сказал *то* единственное, *что* еще могло сейчас порадовать летчика (55); Маша прождала два часа, и как раз в *ту* минуту, *когда* она, решив больше не ждать, перебежала линию, чтобы вскочить в трамвай, из подъехавшей «Эмочки» вылез Полюнин (9).

В языке бамана препозитивному русскому местоимению *тот* соответствует постпозитивное местоимение *in*, которое, по-видимому, является уменьшительной формой местоимения *tin* (*этот*). Местоимение *in* следует непосредственно за опорным словом, распространяемым придаточ-

ной частью с местоимением *min* (который, какой, чей, когда, куда), например: *cè in min ka liburuw jara i ye, a filè* (Вот этот человек, чьи книги тебе понравились); *ne koo, dupankè in min jiginpa aw fè yan kupun, a taaga wa?* (Скажи, уехал ли тот самый иностранец, который к вам приехал вчера?); *liburu in min n'i u'a kalan lokolila kupun, i uábila min?* (Где эта самая книга, которую ты вчера читал в школе?), *sògòma in min ni n'boğa fasola, n'hakili bó la kosobè* (Я хорошо помню то утро, когда покинул Родину). В конструкциях такого типа необходимо наличие постпозитивного местоимения *in*. В приведенных примерах придаточная часть содержит сообщение, которое помогает выделить предмет из ряда других, имеющих то же название. Если же имя существительное, к которому относится придаточная часть, обозначает предмет или лицо, достаточно знакомое говорящему и слушающему, то придаточная часть служит для того, чтобы отделить одно состояние предмета (или лица) от другого или напомнить о нем что-то, например: Через час могилевский военный комендант, тот же самый майор, у которого Синцов был две недели назад, только еще больше обалдевший от бессонницы, подтвердил, что редакция фронтовой газеты уехала два дня назад (57); Немцы били не по штабу, а по той самой деревне, куда полковник приглашал Синцова перекусить (68). Определение такого типа в языке бамана выражается при помощи сочетания существительного с количественным числительным *kelen* (один) + *in*, например: *i ni cè kelen in min tun bè nyògòn fè kupun, mògò fè* (Тот самый человек, с которым ты вчера был, нехороший человек). Числительное *kelen* в языке бамана всегда препозитивно по отношению к местоимению *in*. В предложениях, содержащих числительное *kelen*, слово *in* может не употребляться. Ср: *i ni cè kelen in min tun bè nyògòn fè, a bè min?*; *i ni cè kelen min tun bè nyògòn fè, a bè min?* Союзное слово *что*, употребляемое в данном типе предложений русского языка только в именительном и винительном падеже, вносит в предложение разговорный оттенок. То же мы наблюдаем в языке бамана с соответствующим союзным словом *tun*, ср.: Это та книга, которую ты читал — *i ye liburu in min kalan, a filè*; Это та книга, что ты читал — *i ye liburu in min kalan, a filè*. Союзные слова *который, какой, чей* согласуются в падеже с определяемым существительным главной части, а в единственном числе — и в роде, но имеют независимые от него падежные формы, которые обусловлены их ролью в придаточной части. В языке бамана соответствующее союзное слово *min* согласуется с определяемым существительным главной части только в числе, например: *an kan ji ja, an bè ji min min, an bè fèn min dun, an bè si so min kòpò. ... o bèe ka saniya Sanga ni waati hee* (Нужно, чтобы все было чистым; и вода, которую пьем, и все, что едим, и дом, в котором живем); *i ye liburu minw sanu mòsku, u filè* (Это книги, которые ты купил в Москве); *mògò minw pana kupun, u filè* (Это люди, которые приехали вчера). Тут необходимо отметить два момента: во-первых, когда за распространяемым словом придаточной части следует непосредственно союзное слово, показатель множественного числа (в языке бамана — это элемент *w*, выполняющий функцию флексии) имеет не распространяемое, а союзное слово; во-вторых, распространяемое придаточной частью слово иногда может иметь *w*, хотя за ним непосредственно следует союзное слово. Это бывает в том случае, когда главную часть таких предложений можно считать законченной по смыслу. При этом указательное местоимение при указании на отдельный предмет употребить нельзя, например: *mògò mandì mògò la (a bè dimògò wele), ani sosow (ani nyèna-tafèn saman) minw bè bana lase* (Грязь человеку вредна; где грязно, там есть и мухи, и комары, и другие насекомые, которые вызывают у человека болезни); *mògòsi fè yen tugun, hali lokoliden w minw tun bè lesan taa la* (Никого уже там нет, даже школьников, которые учили свой урок).

Опорное слово имеет показатель множественного числа в том случае, когда между ним и союзным словом стоят другие служебные слова, на-

пример: *nin ye mògòw ye, min tè mògò bonia* (Это люди, которые не уважают человека).

Придаточная часть распространяет сочетания существительного с препозитивным указательным местоимением *такой*, имеющим добавочное значение оценки качества, и присоединяется относительными местоимениями *какой, который*. Такие предложения называются качественно-определятельными, например: И это было такое великое счастье, рядом с которым просто не умещалось маленькое и нестрашное в эту минуту горе (48); Разве можно было слушателей так готовить, как он готовил, — к такой войне, какую мы с вами видим! (43). В языке бамана русскому указательному местоимению *такой* строгого соответствия нет. Однако при передаче содержания предложений этого типа можно использовать слово *do* (*некоторое*), входящее в состав конструкций с существительным, распространяемым придаточной частью. Придаточные части в таких конструкциях присоединяются к главной относительным словом *min*, например: *u ya fo ko lokoliden ka kan ka kalan dòw kè, ...minw bā dege sèpèke cogo nafamaw la* (Они сказали, что учащемуся нужны такие знания, которые смогли бы ему помочь при дальнейшей разработке земли); *mògò dòw ban fè yan, minw t'a dòn halisa politikiki ye tun ye* (Есть у нас такие люди, которые еще не знают, что такое политика).

В целом такие конструкции не получили широкого распространения в языке бамана. Отношения данного типа чаще выражаются при помощи интонации. Отенок степени качества проявляется особенно сильно при добавлении слова *sugu* (*подобный, такой*) к сочетанию существительного с местоимением *dò*, например: *ègizamè labènni la, a ye gèlèya sugu dòw yá nyèna, a tun ma sigi n'o ye* (При подготовке к экзамену он встретился с такими большими трудностями, каких не ожидал).

Придаточные, выражающие повествовательно-распространительные отношения, прикрепляются в русском языке к одному из существительных в главном предложении при помощи относительных местоимений *который, какой, чей* и местоименных наречий *где, куда, откуда*. Такие придаточные части служат не для выделения предмета, а для сообщения о нем новой информации. Поэтому перед существительным, к которому относятся придаточные, не бывает (и нельзя поставить) указательных слов *тот, такой* и др., например: Это была одна из самых мрачных трагедий тех дней — трагедия людей, которые умирали под бомбежками на дорогах и попадали в плен, не добравшись до своих призывных пунктов (25); В ней совершалась большая и тяжелая внутренняя работа, к которой она не могла допустить никого, даже Синцова (6); Он вспоминал свои собственные противоречивые показания, которые он, подавленный и оглушенный, давал в первые дни (25); Он вспоминал свои аэродромы, где половина самолетов оказалась не в боевой готовности (46).

В языке бамана связь между частями сложноподчиненных предложений осуществляется в данном подтипе при помощи относительного местоимения *min*, соответствующего относительным русским местоимениям *который, какой, чей* и местоименным наречиям *где, куда, откуда*, например: *nin bée ye nyininkaliw ye, min bá to kolokani baliku kalan denw be jè, ka u hakili jagabó u ka san osan baaraw kan* (Это все вопросы, которые позволяют взрослым учащимся из Колокани задумываться над своими ежегодными работами); *mòsku ye dugu ye min denmisènw bè hamí tuman o tuman u ka faso ka nyè taga la* (Москва — это город, где молодежь постоянно заботится о развитии своей страны).

Относительное местоимение иногда сопровождается частицей *pi* (*n'*). Это имеет место чаще всего тогда, когда речь идет о двух подлежащих, второе из которых всегда выражается личным местоимением, относящимся к распространяемому придаточной частью слову, например: *li-bugu min pi yá san, o di yan* (Дай мне книгу, которую ты читал). Кроме союзного слова *min*, иногда сопровождающегося частицей *pi*, бывают и случаи, когда придаточные части присоединяются к главным относи-

тельным местоимением *ni* (*n'*), например: *O mògòw, nù minéna fewuruye kalo tile 28 don san 1978 kònò, nú ye mògò 43 ye, olu donna muruti in na kisima dukara, cokoro bagayoko, karim dambele de... ka nyèsiranyè kòsòn.* (Эти люди, которые были арестованы 26 февраля 1978 года и которых было 43 человека, боялись влияния Кисимы Дукары, Чекоро Багаеко, Карима Дамбеле). В предложениях с *ni* придаточные не только распространяют опорное слово главной части, но и определяют его, описывают, уточняют.

Присубстантивные предложения являются более частотными, чем прикомпаративные. К прикомпаративным предложениям в современном русском языке относят сложноподчиненные предложения с придаточными, распространяющими форму прикомпаративной степени наречий, реже прилагательных или слов категории состояния, и присоединяемыми союзами *чем, нежели*, например: Он был гораздо страшнее, чем грохот бомбежки, к которому Синцов уже привык за эти дни (28). В предложениях данного типа в придаточных частях обычно выражается объект сравнения. В языке бамана соответствующие отношения выражаются при помощи союза (*ni*) ... *ye*, иногда с сочетанием *ka tèmè ... kan*, например: *pènè bè bi kòsòbè ka tèmè kunun kan* (Сегодня холоднее, чем вчера); *nin mòbili in bè boli kòsòbè ni nin ye* (Эта машина быстрее, чем та); *mađu ka jaп ni umađu ye* (Маду выше, чем Умар). Способностью участвовать в образовании предложений данного типа обладают и те прилагательные и наречия, которые заключают сравнение в самом своем лексическом значении: *иной, другой, иначе, по-другому, по-иному*, например: Просто капитан в тот день глянул на войну другими глазами, чем Синцов (58).

Присубстантивные нерасчлененные предложения распространены в русском языке гораздо шире, чем прикомпаративные. Среди присубстантивных предложений разнообразием языковых средств и частотностью выделяются определительные предложения. Прикомпаративные предложения — наиболее редкий тип синтаксических единиц (особенно предложения с союзом *нежели*). Интересно, что основные выводы, касающиеся присубстантивных и прикомпаративных нерасчлененных предложений (и шире — всех присловных предложений) в русском языке, во многом совпадают с выводами об аналогичных конструкциях в языке бамана.

¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка.— М., 1970. с. 694.

² См.: Белош апкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис.— М., 1977, с. 226.

³ Сямонов К. Живые и мертвые.— М., 1977, кн. 1, с. 12.

⁴ Там же, кн. 3, с. 13. В дальнейшем в тексте статьи (в скобках) указаны страницы этой книги.

М. А. ЧЕРКАС

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИМЕН КЛАССА NOMINA AGENTIS

Полисемантность некоторых типов производных в немецком языке (как и в других языках) очень велика по объему и дает повод лингвистам вести дискуссии о характере семантики таких единиц. Внутри полисемантического типа различаются с функциональной точки зрения очень разные, притом стабильно узуализовавшиеся в языке, семантические группировки слов. На этом основании во многих работах ставится вопрос: считать ли тип имен с определенным деривационным суффиксом единым, хотя и полисемантическим, или же допускать по функционально-семантическому признаку сосуществование двух или более типов в одной форме?

Всё сказанное целиком относится к большому классу именных слов, традиционно обозначаемому и в немецком языке и в лингвистике вообще как «имена деятеля» — «*nomina agentis*». Показательно, что словарь от-

водит именам деятеля, маркированным в немецком языке преимущественно суффиксом *-er*, 8 страниц¹. Практически в словаре признана омонимичность самого этого суффикса, «обслуживающего» две части речи — существительное и прилагательное, хотя как морфема звуковой отрезок *er* выступает еще и в составе третьей части речи (как префикс глагольного словообразования). Но даже оставляя в стороне такую широкую омонимичность, лишь внутри словообразовательного типа «*nomina agentis*» с этим суффиксом связывается множество значений, от подлинных имен деятеля, например, *Schweißer, Bücherbinder, Putzer* и др., до наименований животных, например, *Rüßler, Bacher*, инструментов (технических устройств), например, *Rechner, Fernseher* и др. В. Флейшер говорит в своей монографии о «большом числе семантических рядов» внутри класса имен деятеля, помещая его по продуктивности на первое место среди производных существительных немецкого языка².

Может ли деривационный суффикс обладать собственным лексическим значением? Большинство лингвистов признают за ним типовое, обобщенное значение, т. е. значение классифицирующее или типизирующее, например, агентивное: суффикс осмысливается как маркер словообразовательного (формального и семантического) типа *nomina agentis*. Но, как было показано, семантические разновидности, маркируемые элементом *-er*, а значит, относящиеся к одному формальному типу, трудно объединить, как, например, «агентивность» и «орудийность». Лингвисты дают этому иногда следующее объяснение: отнесенность к лицу или нелицу обуславливается у имен на *-er* не значением суффикса и даже не значением их производящей основы, а языковым узусом — исторически сложившейся нормой словоупотребления и, в конечном итоге, потребностями номинации в определенный момент жизни общества³. Из такой характеристики рассматриваемого явления следует, что в своем системно-языковом статусе тип на *-er* един, адекватен самому себе, потребности же номинации задают его дериватам два и более разных значений и закрепляют их в сознании носителей языка. Другие считают, что главное в понимании деривата и деривации — «отношение мотивированного слова к мотивирующему», а словообразовательная морфема — лишь «сигнал» этого отношения⁴. Но в действительности оба подхода вполне согласуются друг с другом. Общий тип, отражаемый в структурной модели «основа глагола + суффикс *-er*», складывался и существует в языке преимущественно как тип имен деятеля, агентивное значение находится в центре его семантико-парадигматической структуры. Орудийное значение тоже генетически связано с действием, инструмент или орудие могут ассоциироваться с агентом действия, заменять его, выполнять его функцию. И многие имена на *-er* как раз и выступают в обеих разновидностях: *Fernseher* (телевизор и телезритель), *Jäger* (охотник и самолет-истребитель), *Lenker* (водитель и руль) и т. д.⁵ А закрепление слов только за «агентивностью» или только за «орудийностью» является, несомненно, результатом внутренней семантической дифференциации класса в целях более четкого удовлетворения нужд номинации.

Итак, наиболее типичное имя деятеля в немецком языке — это производное существительное отглагольного происхождения, главным маркером которого служит суффикс *-er*. При этом в понятие деятеля входят как постоянное занятие человека, так и обозначение по виду деятельности в данный момент, т. е. деятельности, связанной с одной определенной ситуацией, контекстом описания.

Возможен и такой подход к именам деятеля, который учитывает их еще более дифференцированный внутренний характер («noch weitere Bedeutungs-differenzen bei den Täterbezeichnungen»), а именно: одноразовая деятельность — «*einmalige Tätigkeit*» (*Störer, Seufzer, Lacher, Beleidiger*); привычная повторяющаяся деятельность — «*gewöhnheitsmäßige (häufige) Tätigkeit*» (*Träumer, Reucher*); профессиональная деятельность — «*berufsmäßige Tätigkeit*» (*Geiger, Sänger, Fahrer*). Могут учитываться далее признаки деятельности, лежащей в основе имени дея-

теля, и по несколько иной шкале, как: «viel», «oft» (Flucher, Zänker); «gelegentlich», «als Hobby» (Angler, Münzensammler) и т. д. Отсюда, например, агентивному имени «der Lehrer» дается под углом зрения этих четырех возможностей передачи признака деятельности следующая интерпретация:

1. «jemand, der **gerade** etwas lehrt» («чистая», т. е. сиюминутная деятельность); 2. «jemand, der **beruflich** lehrt» (профессия); 3. «jemand, der **gelegentlich** lehrt» (повторяющаяся деятельность); 4. «jemand, der **als Hobby** lehrt» (занятие-хобби).

Факты языка, следовательно, позволяют наметить главную семантическую оппозицию внутри имен деятеля, на одном полюсе которой должны помещаться «деятели в самом прямом смысле слова», характеризующиеся признаком сиюминутной, данной, разовой деятельности («**gerade** etwas tun»); на другом полюсе — «деятели по признакам профессии, хобби, привычки, черты характера», т. е. характеризующиеся более или менее устойчивой или постоянной деятельностью. Максимальную степень устойчивости или постоянства составляет, конечно, деятельность как профессия, а хобби, привычка, склонность или интерес к чему-то дают целую шкалу оттенков постоянства деятельности. Варьирование этих оттенков как «живой» процесс может наблюдаться только внутри предложений — высказываний, в текстовой манифестации, т. е. быть существенным компонентом общей структуры текста, развития его семантической канвы, словарная же фиксация отражает статичный материал, за которым, правда, угадываются возможные контексты реализации.

Разработка проблематики рассматриваемого типа слов приводит и к своеобразным концепциям, отличным от вышеизложенного подхода, хотя, бесспорно, с ним совмещающимся. Немецкий лингвист К. Е. Зоммерфельдт⁶, например, пытается исходить из валентности глагола, порождающего имя деятеля. Так, в предложениях типа Er ist Springer (Läufer, Schwimmer) или Er ist ein Springer (ein Läufer, ein Schwimmer) имена являются производными от одноместных глаголов (springen, laufen, schwimmen) и называют иногда профессию, а чаще привычное занятие. В предложениях: Er ist ein Schwätzer (Angeber, Lügner, Gröler, Kraakeeler, Keifer, Heuchler, Nörgler, Prahler) производными обозначаются лица уже не по постоянству занятий, а по их поведению. Лица могут называться по их физическим свойствам: Er ist ein Stotterer (Stammler, Schnarcher, Blinzler, Lispler), по отношению к труду: Er ist ein Wühler или Er ist ein Pfuscher.

Предложения данного типа (т. е. с именами деятеля в составе именного сказуемого) способны выражать отождествление какого-то лица на фоне определенного контекста или же с обязательным употреблением определений при имени деятеля, например: Er ist der Springer (der Springer, von dem in der Unterhaltung die Rede war), или Er ist der beste Springer des Landes. Если имена деятеля мотивированы двухместными или вообще переходными глаголами, то они имеют по несколько лексико-семантических вариантов и участвуют в образовании различных структур предложений. В этой связи в качестве примера используется приведенное ранее производное der Lehrer, проявляющее следующие семантические функции: обозначения профессии — Er ist Lehrer (ein Lehrer); отождествления лица — Er ist der Lehrer meines Sohnes.

Многообразием, дифференцированностью характеризуется функционально-семантический план имен, выступающих не как профессиональные обозначения, а в роли характеристик поведения лица, поскольку они несут в себе оценочность, причем как положительную, так и отрицательную (например: Er ist ein Betrüger, Fälscher, Mörder, Expresser), соотносительную с общей семантико-стилистической тональностью соответствующих контекстов. К. Е. Зоммерфельдт считает, что реализация производных чрезвычайно вариативна, хотя те из них, которые мотивированы переходными глаголами, способны, при всем множестве их конкретных вариантов, быть наименованиями профессий; служить опреде-

лителями (характеризаторами) лиц по их поведению; не быть ни тем, ни другим, а выступать в предложениях с актантами в субстантивных группах со свернутым (компрессированным) содержанием. Последний случай вписывается в широкий диапазон проблемы номинализации, так как субстантивные группы типа: *Er ist Anstifter der Jugendlichen zum Einbruch; Er ist der Helfer des Elektrikers beim Legen der neuen Leitung; Er ist der Überbringer des Befehls an den Kommandeur* и др. представляют собой свернутые предикативные структуры, подобные тем, которые создаются с участием имен действия в немецком языке.

¹ См.: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. / Под ред. Степановой М. Д.— М., 1979, с. 132—140.

² Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache.— Leipzig, 1976, S. 137.

³ Шахрай О. Б. К вопросу о суффиксальной полисемии и омонимии.— Филологические науки, 1969, № 6, с. 132.

⁴ Хохлачева Е. Н. Некоторые вопросы теории словообразования.— Вопросы языкознания, 1973, № 3, с. 101.

⁵ См.: Словарь словообразовательных элементов, с. 137.

⁶ См.: Зомерфельдт К. Е. Семантика и валентность имен существительных — наименований деятеля с суффиксом -er.— Иностранные языки в школе, 1980, № 3, с. 7—10.

Т. Г. ЛУКША

К ВОПРОСУ О ЗНАКОВОМ ХАРАКТЕРЕ ПРОСОДИИ

Проблемы знаковости языка связаны, как известно, с основными философскими проблемами языкознания: онтологией языка и принципами изучения языка. Эта философско-лингвистическая проблема заслуживает особого интереса ввиду того, что «именно на материале языкознания взаимоотношение идеального и материального может быть исследовано с такой степенью точности, какая остается недостижимой в других частнонаучных областях»¹. В лингвистической литературе распространено пиросовское определение знака, согласно которому знак есть «нечто заменяющее для кого-либо что-либо по некоторому свойству или способности». Многочисленные дискуссии и научные труды, посвященные трактовке и указанному определению, и определению языкового знака Ф. Сосюрмом, дали целый ряд определений языкового знака, наиболее удачным из которых мы считаем следующее: «...знак (языковой — Т. Л.) — двусторонняя материально-идеальная единица — носитель социальной информации, идеальная сторона знака есть не что иное как один из видов отображения действительности в сознании человека»². Логично утверждать, что семиотическими, т. е. знаковыми системами можно считать те, единицы которых суть знаки. По мнению В. М. Солнцева, «язык является типичной семиотической и знаковой системой, поскольку звуковые отрезки, являющиеся оболочками морфем и слов, выражают некоторые смыслы (или значения) не в силу своих природных свойств, а в силу того, что им приписано свойство выражать эти смыслы или значения»³.

Человек воспринимает язык в двух его материальных реализациях: звуковой и графической. Каждая из этих реализаций представляет собой определенную структуру знаковых элементов. В приблизительной форме соотношение этих структур представлено в схеме, предложенной А. Г. Волковым (для индоевропейских языков). Несоответствие, столь очевидное при сравнении и сопоставлении отдельных элементов этих структур (например, звук — графема, такт, фраза — предложение), может быть менее значительным при сравнении самих структур.

Функционирование языка в артикуляторно-фонетической и графической формах выявляет отличные друг от друга варианты одной и той же закономерности: в первом случае знак выступает как элемент ди-

намический, а во втором — как статическая структура. Важно выявить, в чем заключается особенность обоих эквивалентов (артикуляционно-фонетического и графического) по отношению к их собственной субстанции — последовательности звуковых волн или световых квантов, т. е. определить, по мнению В. Дорошевского, «что все-таки делает данную материальную субстанцию знаком без предполагаемых догадок о том, что за восприятием данного объекта в качестве знака помимо восприятия существует нечто иное». Это иное может быть вскрыто в самой субстанциональности знака на основе следующего универсального семиотического принципа, сформулированного Н. Винером: «Организм противоположен хаосу, разрушению и смерти, как сигнал противоположен шуму»⁴.

Требования, предъявляемые общей семиотикой и семиотикой лингвистической к знаку, полагают, как известно, общественную закрепленность значения за данной конкретной физической субстанцией. В преломлении к единицам просодического уровня это требование рождает многочисленные дискуссии, которые до настоящего времени не закончились сколь-нибудь определенно. Нам представляется интересной точка зрения фонетистов Минского госпединститута иностранных языков, согласно которой «интеллективно-модальное значение составляет основное (денотативное) значение просодической структуры, не зависящее от контекста»⁵. Это положение подтверждает выводы Л. Цеплитиса, называющего значениями интонации «элементы смысла» предложения, для выражения которых в языке имеются определенные интонационные образования — интономы. По его мнению, интономы могут быть стабильными (их значения не имеют градаций) и динамическими (имеют градации). Как первая, так и вторая группа интоном имеет примерный список значений: интеллектуальные, волюнтаривные, побудительные, эмотивные, изобразительные. Следовательно, просодические единицы, как свидетельствуют факты речевой действительности, имеют значение, которое выражается средствами данного уровня фонетической системы языка.

Соглашаясь с точкой зрения И. Г. Торсуевой, которая прямым знаком называет супраинтоному, т. е. отношение интоном друг к другу, полагаем, что семиотически значимой единицей просодии является просодема фразы, физическая природа которой манифестируется комплексом компонентов, наиболее значимыми из которых можно считать изменение высоты основного тона, интенсивность и длительность. Мы выбрали именно эту единицу просодического уровня, так как те смыслы (завершенность — незавершенность, вопрос — ответ и т. п., эмоционально-экспрессивные и стилевые значения), которыми обладает просодия, реализуются в пределах фразы. Обращение к фразе как знаку на просодическом уровне дает право ставить вопрос о существовании у него четырех аспектов: синтаксического, семантического, сигматического и прагматического.

¹ Мельничук А. С. Философские проблемы языкознания.— Вопросы языкознания, 1975, № 5, с. 17.

² Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание.— М., 1979, с. 119—120.

³ Солицев В. М. Знаковость языка и марксистско-ленинская теория познания.— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1978, с. 212.

⁴ Винер Н. Кибернетика и общество.— М., 1958, с. 103.

⁵ Экспериментальная фонетика и прикладная лингвистика.— Сборник научных трудов Минского гос. пед. ин-та иностр. яз. Минск, 1980, с. 54.

Я. Р. РАДКЕВІЧ

АСАБЛІВАСЦІ ўЗАЕМАДЗЕЙННЯ УСЕСАЮЗНАГА І БЕЛАРУСКАГА РАДЫЁ ў АДЗІНАЙ СІСТЭМЕ

Як кампанент сістэмы савецкага радыёвяшчання, а ў больш шырокім плане і сістэмы сродкаў масавай інфармацыі і прапаганды, што функцыяніруе ў нашым грамадстве, Беларускае радыё нясе на сабе ўсе характэрныя асаблівасці сродка масавай інфармацыі і, натуральна, усе спецыфічныя рысы радыёвяшчальнага органа. Але займаючы ў сістэме сваё месца, вызначае характарам сацыяльна-гістарычнага і нацыянальнага развіцця, яно мае істотныя адрозненні як ад самой сістэмы, так і ад яе асобных кампанентаў. Вельмі важным з'яўляецца пытанне аб тым, як непаўторнае, унікальнае ў радыёвяшчання кожнай савецкай рэспублікі выяўляецца ў агульнасаюзных праграмах, якія прапагандуюць праз усю сістэму культурныя каштоўнасці савецкіх народаў.

Багіраў Э. Г. вылучае чатыры напрамкі даследаванняў у галіне тэлебачання і радыёвяшчання: структурнае, функцыянальнае, гістарычнае і прагнастычнае¹. Трэба адзначыць, што ў гэтай, прынятай большасцю даследчыкаў, метадыцы адсутнічае нацыянальная прыкмета тыпалогіі, што з'яўляецца, відаць, вынікам нераспрацаванасці структурнага напрамку ў вывучэнні тэлебачання і радыёвяшчання. Багіраў Э. Г. абмяжоўвае кола яго праблем спецыфікай тэлебачання і радыёвяшчання ў цэлым, спецыфікай асобных жанраў, відаў, форм праграмы, асаблівасцямі класіфікацыі перадач, планавання і праграмавання вяшчання.

Разглядаючы структуру савецкага радыёвяшчання згодна з гэтым прынцыпам, можна ўявіць своеасаблівую піраміду, вяршыняй якой з'яўляецца Дзяржаўны Камітэт СССР па тэлебачанню і радыёвяшчанню як каардынацыйны орган, які ўздзейнічае на ўсе падраздзяленні сістэмы. Другую ступень у гэтай сістэме займаюць рэспубліканскія (нацыянальныя) камітэты, якія валодаюць такімі ж службовымі функцыямі ў адносінах да ніжэйшых падраздзяленняў, як Усесаюзны Камітэт у адносінах да іх. Наступная ступень — краявое і абласное радыёвяшчанне, дзе ў некаторых выпадках таксама прысутнічае нацыянальная прыкмета (радыё аўтаномных рэспублік, абласцей, нацыянальных акругоў). Раённае радыё знаходзіцца, разам з фабрычна-заводскім, на аснове піраміды. Больш падрабязнае ўяўленне аб структуры савецкага радыё можна атрымаць з кнігі «Телевидение и радиовещание СССР»². Нас жа ў гэтай структуры цікавіць становішча Беларускага радыё, уключанага ў сістэму з адпаведнымі абавязкамі і адначасова з шырокімі магчымасцямі для ажыццяўлення самастойнага вяшчання.

Сістэмныя прыкметы сродкаў масавай інфармацыі і прапаганды такія, як адзінства аўдыторыі і асяроддзя функцыяніравання, грамадскіх функцый і органаў кіраўніцтва, вызначаюць асноўныя напрамкі вяшчання, дыктуюць выбар форм і метадаў работы Беларускага радыё. Пры планаванні рэспубліканскіх радыёпраграм уключанаць у сістэму савецкага радыёвяшчання становіцца рабочым прынцыпам.

Аўтаномнаць рэспубліканскага радыё патрабуе наяўнасці самастойных вяшчальных праграм, адметных ад іншых скіраванасцю на пэўную, «сваю» аўдыторыю, роўную насельніцтву рэспублікі, а таксама мовай і культурнымі традыцыямі, якія вызначаюць самабытнаць форм звароту

да аўдыторыі. Важнае значэнне мае мэтанакіраванае, прадуманае фарміраванне праграмы, «вёрстка» перадач з улікам асаблівасцей усіх катэгорый гледачоў і слухачоў. Пры гэтым неабходна ўлічваць больш высокі ўзровень культуры і духоўных запатрабаванняў савецкіх людзей, правільна каардынаваць цэнтральныя і дапаўняючыя іх мясцовыя праграмы³. Нельга выпускаць з-пад увагі і тую акалічнасць, што каардынацыя адбываецца не толькі ў рамках сістэмы радыёвяшчання. Радыёслухач — ён жа і чытач газеты, і тэлеглядач, сам каардынуе свае інтарэсы сродкаў масавай інфармацыі, што прапаноўваюць яму свае паслугі. І выбіраючы праграму рэспубліканскага радыё, ён зыходзіць з абсалютна пэўных патрэб: зацікаўленасці жыццём рэспублікі, яе культурай, спортам ці музычнымі навінамі, мовай і г. д. Блізкасць рускай і беларускай моў робіць даступнымі для ўсёй аўдыторыі слухачоў перадачы Беларускага радыё, незалежна ад нацыянальнай адзнакі. Акрамя таго, Беларускае радыё рыхтуе арыгінальныя перадачы і на рускай мове, што тлумачыцца, па-першае, распаўсюджанасцю яе ў рэспубліцы, па-другое, тым, што беларусы прызналі мову братняга народа не толькі мовай міжнацыянальных зносін, але і другой роднай. Гэтае палажэнне справядліва ў адносінах да ўсіх падраздзяленняў Беларускага радыё: абласных, раённых, фабрычна-заводскіх.

Творчая самастойнасць рэспубліканскага радыё выяўляецца: у свабодным планаванні вяшчальнага дня; у выбары тэматыкі і спосабаў яе распадоўкі; у нацыянальным характары вяшчання; у выкарыстанні ўсіх форм і тэхнічных сродкаў сучаснай радыёжурналістыкі; у кіраўніцтве структурнымі падраздзяленнямі; у абмене радыёпраграмамі не толькі паміж вяшчальнымі органамі краіны, але і зарубежных краін; у шырокім прадстаўніцтве ва ўсесаюзных і міжнародных прафесійных аб'яднаннях.

Аднак асноўныя — першыя праграмы Цэнтральнага і рэспубліканскага радыё працуюць на адным і тым жа вяшчальным канале, што звязана з выкарыстаннем трансляцыйнай сеткі, якая дазваляе ў большасці выпадкаў прымаць толькі адну праграму. Гэта сітуацыя склалася гістарычна і мяняецца ў наш час з развіццём трохпраграмнай сеткі вяшчання. Першая праграма Цэнтральнага радыё гучыць 20 гадзін у суткі, Беларускага радыё — 10 гадзін. Значыць, палова перадач з Масквы закрываецца рэспубліканскай праграмай, і вяшчальны дзень, такім чынам, у Беларусі складаецца як бы з дзвюх частак: усесаюзнай і рэспубліканскай. Дададзім сюды яшчэ штодзённае ўключэнне абласнога радыё на працягу гадзіны і тры выходы ў тыдзень па пятнаццаці мінут — раённага.

Сетка перадач — гэта спецыфічны для радыёвяшчання і тэлебачання метада вёрсткі праграм, які рэгламентуе від і час вяшчання асноўных перадач, абавязковых для прыёму па ўсёй тэрыторыі Савецкага Саюза. Гэта свайго роду каркас вяшчальнай сістэмы радыё і тэлебачання, які будзецца з улікам патрэб насельніцтва краіны ў апэратыўнай унутранай і міжнароднай інфармацыі, у задавальненні культурна-эстэтычных пачуццяў і інтэлектуальных запатрабаванняў. Сетка вяшчання — гэта, да таго ж, дзейсны інструмент каардынацыі ўсёй сістэмы.

Сістэма савецкага радыёвяшчання, будучы сродкам масавай інфармацыі, абавязана перш за ўсё адпавядаць «сваёй мэце — рабіць пастаянны і глыбокі ўплыў на грамадскую думку»⁴. Галоўная задача праграмнай службы заключаецца ў напаўненні радыёдня такім зместам, які задаволіў бы шырокую аўдыторыю. А ступень задаволенасці патрэб канкрэтнай аўдыторыі ў канкрэтнай інфармацыі якраз і вызначае ступень эфектыўнасці радыёпрапаганды. Такім чынам, мы падышлі да другога прынцыпу тыпалогіі сістэмы савецкага радыёвяшчання, у аснове якога ляжыць улік патрэб аўдыторыі па інтарэсах.

Па меры апэратыўнасці і роду функцый можна выдзеліць інфармацыйныя і прапагандысцкія перадачы, роўна як і звернутасць іх да розных узроставых катэгорый. Але ахоп аўдыторыі рознымі відамі вяшчання неаднолькавы, і калі інфармацыйныя выпускі маюць цікавасць для абсалютнай большасці слухачоў, то, напрыклад, перадачы для садаводаў-аматараў адрасуюцца даволі вузкім групам людзей. Значыць, у самым агульным выглядзе можна вылучыць два тыпы перадач: універсальныя і спецыялізаваныя, адрасныя. Да універсальных адносяцца інфармацыйныя, прапагандысцкія, літаратурныя, музычныя. Да спецыялізаваных — дзіцячыя, маладзёжныя, рознага роду звароты да людзей пажылых (узроставая прыкмета), перадачы для жанчын (па прыкметах полу), для працаўнікоў прамысловасці, сельскай гаспадаркі, для воінаў Савецкай Арміі,

маракоў, палярнікаў і г. д. (прафесійная прыкмета). У залежнасці ад скіраванасці на аўдыторыю ў сістэме радыёвяшчання фарміруюцца рэдакцыі, аддзелы, вызначаецца журналісцкая спецыялізацыя.

Асноўным творчым падраздзяленнем савецкага радыёвяшчання, створаным на падставе розных відаў спецыялізацыі, з'яўляецца Галоўная рэдакцыя. На Беларускім радыё іх дзевяць: інфармацыі, народнай гаспадаркі, прапаганды, дзіцячая, маладзёжная, літаратурна-драматычная, музычная, мясцовага вяшчання і вяшчання на зарубежныя краіны.

Вызначаная тут тыпалогія дазваляе, на наш погляд, больш ясна ўявіць складаную, разнастайную сістэму савецкага радыёвяшчання, выявіць яе структуру, і ў ёй — месца рэспубліканскага радыё. Акрамя таго, з дапамогай данай тыпалогіі лягчэй усвядоміць цеснае ўзаемаперапляценне арганізацыйных, структурных фактараў з ідэалагічнымі, змястоўнымі. Гэтае ўзаемаперапляценне якраз і выяўляецца ў працэсе праграмавання вяшчання, у якім асноўным рабочым «інструментам» з'яўляецца сетка вяшчання, складзеная з перадач цэнтральнага, рэспубліканскага і мясцовага радыё. У цэлым сетка мае універсальны характар.

«Будаўнічым матэрыялам» для яе з'яўляюцца найбольш папулярныя і важныя рубрыкі, цыклы, серыі, блокі перадач. Прынята лічыць, што рубрыка — гэта нейкая сукупнасць перадач, тэматычна аднародных, якія выходзяць у эфір пад адным дэвізам-назвай. Рубрыка ўстойлівая, доўгачасная, аб'ёмная, бо можа ўключаць у сябе і серыі, і цыклы, якія адрозніваюцца, як правіла, жанравай аднароднасцю. У апошні час у практыцы вяшчання ўмацавалася паняцце блока. Блокам называюць і адрасныя перадачы тыпу «радыёстанцыя», «праграма», што ўключаюць у сябе разнародныя па жанрах і па тэме самастойныя творы радыёжурналістыкі, але ў праграмаванні радыёдней больш поўна і дакладна гэта паняцце спалучаецца з вялікімі адрэзкамі праграмы, скажам, з ранішнімі, дзённымі, вячэрнімі.

Стварэнне новай, як і карэкціроўка старой сеткі вяшчання — працэс складаны, працаёмкі, які патрабуе вялікай папярэдняй работы буйных калектываў, высвятлення думак слухачоў, каардынацыі ўсіх службаў. Рэспубліканскае радыё, распрацоўваючы праекты новай сеткі, павінна збалансаваць сваё вяшчанне з цэнтральным і вызначыць час выхаду ў эфір абласных камітэтаў, а таксама раённага радыё.

У чым жа асноўная складанасць праграмавання? У тым, што радыёдзень павінен будавацца з самых разнастайных, неаднародных па характару перадач: па рубрыках, цыклах, серыях, блоках, тэмах, зместу, рытму, тэмпу, настрою, а ў адносінах да рэспубліканскага радыё — і па мове. І, вядома, тут не абыходзіцца без адзіных патрабаванняў да вёрсткі, без адзіных прынцыпаў падыходу, дзялення перадач па іх прызначэнні, адрасу, часе, форме. Дэталёвая навуковая распрацоўка гэтых прынцыпаў яшчэ наперадзе, што датычыцца практыкі, то яна дэманструе пэўныя поспехі. Назапашаны вопыт фарміравання праграм, правераны ходам развіцця савецкага радыёвяшчання.

Звяртаючыся да практыкі складання праграм Беларускага радыё, удакладнім існуючыя прынцыпы падыходу. Гэта — чаргаванне з перадачамі першай праграмы Цэнтральнага радыё; вызначэнне найбольш «слухаемага» часу, гэта значыць тых адрэзкаў дня, калі радыё мае найбольшую аўдыторыю; выбар тэматыкі, якая ўключае актуальныя, важныя пытанні грамадскага жыцця; захаванне неабходных прапорцый у відах вяшчання: інфармацыйных, прапагандысцкіх, культурна-асветніцкіх, забаўных; улік патрабаванняў сэнсавай і жанрава-рытмічнай вёрсткі; стараннае вывучэнне складу і патрэб аўдыторыі.

Звернем увагу на стабільнасць сеткі: нязменны на працягу многіх год час выхаду інфармацыйных выпускаў, дакладны і супадаючы ў розных днях тыдня час асноўных перадач. Гэта дазваляе рэспубліканскаму радыё праводзіць даўгачаснае планаванне ўласнага вяшчання, складаць скаардынаваную сетку перадач для рэспублікі. Праблематыка ж перадач, якія транслююцца з Масквы, сапраўды важная і выклікае цікавасць усіх катэгорый слухачоў па ўсёй тэрыторыі Савецкага Саюза.

Вёрстка праграмы (а на радыё і тэлебачанні вярстаюцца не асобныя дні, а тыдні) патрабуе дэталёвага вывучэння з пункту гледжання найбольшай эфектыўнасці скарыстання кожнага адрэзка дня, бо, як паказваюць даследаванні, няма часу, а адпаведна і перадач, для якіх не знайшлося б слухача. І хача, з другога боку, немагчыма ўявіць чалавека, які

ад пачатку да канца слухаў бы ўсю праграму радыёдня, удумлівы, разумны падыход да планавання, выяўленне найбольш аптымальных варыянтаў яго робіць плённы ўплыў на кожны элемент праграмы. Наяўнасць у ёй слабых перадач, зробленых дзеля таго толькі, каб «адгукнуцца» на важную падзею, — паказчык нізкага ідэйна-мастацкага ўзроўню ўсёй праграмы. Бо слухач у большасці выпадкаў уключаецца ў яе без якога-небудзь папярэдняга пошука і, натыкнуўшыся на нецікавае паведамленне, адразу настройваецца непрыхільна да праграмы, губляе да яе цікавасць.

Статыстыкай даказана, што з кожных ста радыёслухачоў толькі 10—12, не знайшоўшы цікавай для іх перадачы, пераклучаецца ў яе пошука на другую праграму, а ўсе астатнія адразу ж выключаюць радыё-прыёмнік¹. Шматгадовая прывязанасць адных і тых жа перадач да пэўнага часу ў сетцы вяшчання дазваляе слухачу больш свабодна арыентавацца ў праграме радыёдня. Але гэтага ўсё ж недастаткова. На наш погляд, недахопам у практыцы радыёвяшчання з'яўляецца адсутнасць рэкламы лепшых, ударных перадач дня, якія часцяком губляюць аўдыторыю з-за элементарнай недасведчанасці апошняй аб часе выхаду перадачы ў эфір.

Для таго, каб кардынальна вырашыць праблемы арыентацыі слухачоў у тым, што ўтрымлівае ў сабе нябачны эфір, многія радыёслужбы свету пайшлі па шляху спецыялізацыі вяшчальных праграм. У нашай краіне таксама праведзена падобная спецыялізацыя: існуе інфармацыйна-музычная праграма «Маяк», літаратурна-музычная — трэцяя, музычная стэрэафанічная — чацвёртая. І ў Беларусі існуюць падобныя спецыялізаваныя праграмы: другая — інфармацыйна-музычная «Крыніца», трэцяя музычная стэрэафанічная, час гучання іх адпаведна — 8 і 5 гадзін. На працягу адной гадзіны вядзе перадачы на беларускай мове для суайчыннікаў, якія жывуць за межамі нашай краіны, радыёстанцыя «Савецкая Беларусь». Агульны аб'ём Беларускага вяшчання, такім чынам, складае 24 гадзіны.

¹ Гл.: Методологические проблемы изучения телевидения и радиовещания. — М., 1981, с. 174—175.

² Телевидение и радиовещание СССР. — М., 1979.

³ Гл.: Правда, 1976, 29 января.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 546.

⁵ Гл.: Телевидение и радиовещание, 1977, № 12, с. 42.

И. И. БЕЛЕНЬКИЙ

ДИНАМИКА ЖАНРОВ В БЕЛОРУССКОЙ ПЕЧАТИ

Газетные жанры формировались в процессе поиска журналистами наиболее оптимальных форм решения задач, которые ставились перед печатью на различных этапах развития общества. Вначале, как известно, возник наиболее простой жанр — **заметка**. Дальнейшее развитие периодической печати, расширение круга ее проблем и сферы интересов требовало разработки других форм подачи материалов. Творческие работники стремились использовать самые разнообразные приемы с целью достижения наибольшего воздействия на читателя. Особенности, элементы жанров, подчеркивает исследователь теории журналистики М. Черепанов, возникали и определялись постепенно, исторически. И, совершенно естественно, в зависимости от того, в каких идейно-политических целях использовалась литературная форма, в ней возникали, а затем и развивались или отмирали, выдвигались на первый план или «оттирались» те или иные элементы, возможные, заложенные в жанре¹.

По мере нашего движения вперед усложняются задачи прессы. От средств массовой информации и пропаганды ныне требуется усиление идеологического воздействия на читателя, оказание ему помощи в выработке правильной линии поведения. Этому способствует использование и развитие на газетных полосах всего разнообразия жанровой палитры. Не случайно ЦК КПСС, определяя задачи печати в условиях развитого социализма, потребовал от творческих коллективов «разнообразить жанры»². «Естественно, все мы заинтересованы в том, — было сказано с трибуны XXVI съезда КПСС, — чтобы наши средства массовой информации и пропаганды всегда были подлинной трибуной партийного и общенарод-

ного общественного мнения. Каждую статью в газете или журнале, каждую передачу по телевидению или радио надо рассматривать как серьезный разговор с людьми, которые ждут не только правдивого и оперативного изложения фактов, но и глубокого их анализа, серьезных обобщений»³.

Осуществление задач, поставленных XXVI съездом перед средствами массовой информации и пропаганды, проявилось в дальнейшем углублении и расширении аналитического характера публикаций и, прежде всего, в интенсивном «прорыве» аналитических методов отображения действительности в сферу информационных жанров. Это, по сути, стало определяющей тенденцией и в развитии белорусской печати.

Все чаще на страницах республиканских, областных, объединенных и районных газет появляются заметки, в которых имеются элементы анализа. Практика показывает, что даже краткий анализ фактов коренным образом меняет суть дела. Размер заметки, как справедливо отмечает Б. Стрельцов, если ее сравнить с информационными сообщениями прошлых лет, в которых обычно давалось много фамилий и цифр, не увеличился. Но она стала аналитичной, а значит, приобрела большую силу воздействия на читателя, полнее и убедительнее раскрывает механизм будничных факторов, из которых складывается процесс экономики и всего общества. По примеру центральной печати в белорусских изданиях стали появляться публикации под рубрикой «Факт с комментарием». То, что публикуется под рубрикой «Факт с комментарием», в самостоятельный жанр пока не сформировалось, но и заметкой такие публикации назвать нельзя. Собственно говоря, комментирование факта не является чужеродным, не свойственным заметке. Однако в форме «Факт с комментарием» комментарий отделяется от факта, не слит с ним в одно целое. Характерно, что здесь комментарий чаще всего бывает, с одной стороны, привязан к конкретному сообщению, а с другой — как бы приподнимается над ним и не только поясняет его, но и дает более широкую картину, освещает целое явление⁴.

Вот одна из таких публикаций — «Искусственные легкие». «Эти капуста, морковь, картофель, минувшей осенью увезенные с пригородных плантаций, выглядят так, будто только что с грядки, и вкус они сохранили и аромат. В этом помог силоксановый газопроницаемый материал, созданный во Всесоюзном научно-исследовательском институте синтетического каучука имени С. В. Лебедева»⁵. Вслед за этим сообщением публикуется комментарий заместителя директора института. Всего в четырех небольших абзацах автор комментария рассказывает, как достигается такой эффект. Это помогает читателю лучше понять сам факт, сделать соответствующие выводы. Анализ комментированных сообщений показывает, что в этом направлении белорусские журналисты пока сделали незначительные шаги, однако даже этот опыт убеждает в целесообразности использования такой формы материалов.

Определенные изменения происходят и в жанре **отчета**. За последнее десятилетие, особенно после XXVI съезда КПСС, в жанре отчета произошла дальнейшая «сдвигка» от информативности к аналитичности. Это характерно и для белорусских периодических изданий. Тенденция насыщения отчета аналитическими элементами получила развитие прежде всего в таких видах жанра, как тематический отчет и отчет с углубленным анализом проблемы. Вот тому пример — отчет «Критерии взискательности»⁶. В основе этой публикации лежит фактический материал, полученный журналистом на отчетно-выборной конференции парторганизации Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Автор отказался от подробного освещения конференции в целом. Опираясь на содержание отчетного доклада и выступлений коммунистов, он постарался осмыслить положительный опыт, разобраться в причинах недостатков. По методу разработки темы эта публикация является отчетом. Вместе с тем она приобрела черты, характерные для аналитических жанров. Публикуются на страницах белорусских газет и такие отчеты, в которых сообщение о событии используется лишь как повод для постановки актуальных вопросов. В качестве примера можно привести публикацию «Начиная с себя»⁷. Анализ в этом отчете выходит за рамки события — отчетно-выборного партийного собрания. Автор не только дает оценку событию, но и раскрывает вопросы большого общественного значения.

Активную творческую эволюцию переживает в настоящее время и жанр **интервью**. Журналистами многое сделано для того, чтобы полнее

использовать резервы этого жанра, повысить его ударную силу. Подобные интервью в последние годы все чаще стали появляться в белорусских газетах. В этой связи заслуживает внимания публикация «К своей лучшей песне...» — беседа с заслуженным деятелем искусств БССР композитором Эдуардом Ханком, чьи песни широко известны в нашей стране⁸. Чтение этой публикации создает впечатление, будто слышишь живые голоса двух собеседников — журналиста и композитора. Вопросы и ответы тесно взаимосвязаны. Если изъять из текста хотя бы один вопрос, непременно нарушится логичность беседы, уменьшится ее ударная сила. Подобные публикации позволяют в какой-то степени раскрыть внутренний мир собеседника (компетентного, умного человека), передать его мысли, чаяния. К сожалению, наши журналисты еще недостаточно используют возможности этого жанра. Пока на страницах газет публикуется немало интервью, рыхлых по структуре, скучных по языку и содержанию, слабых по силе воздействия.

Роль жанра интервью в последние годы значительно расширилась. «Его развитие происходит в нескольких направлениях. Во-первых, это движение к углублению аналитического содержания. На этом пути выделился подвид жанра — **диалоги**»⁹. Диалоги — это своеобразные коллективные интервью. Они отличаются тем, что в них журналист как бы не участвует. Беседу между собой ведут специалисты, деятели науки, культуры и другие лица. Впервые диалоги появились на страницах «Литературной газеты» в конце 60-х годов. В белорусской печати первой стала помещать подобные публикации газета «Звезда». Диалоги получили признание у читателя. Заслуживают внимания, например, диалоги о партийности, которые «Звезда» предложила своим читателям в период подготовки к XXVI съезду КПСС. Проанализируем один из таких материалов — «Смотреть на себя глазами Ленина»¹⁰. Публикация посвящена формированию у коммунистов такой важнейшей черты партийности, как активность в труде и общественной жизни, умение вести за собой членов трудовых коллективов. Редакция крупным планом представила участников диалога С. И. Гунько и Р. П. Папевскую: опубликовала их портреты, короткие биографические справки, из которых видно, что собеседники — передовики производства, авторитетные коммунисты. Поэтому читатель сразу проникается уважением к ним, рассчитывает на аргументированные рассуждения. Полемизируя между собой, секретарь парторганизации колхоза «Рассвет» С. И. Гунько и оператор откормочного комплекса совхоза «Мир» Р. П. Папевская высказывают теоретические положения, подкрепляют их конкретными фактами, задают друг другу вопросы, оспаривают доводы, делают выводы. В ходе беседы они обсудили три важнейших вопроса, которые в основном исчерпывают суть темы: «Авангардная роль. Как ее усилить?», «Влияние на беспартийных. Как его углубить?», «Заинтересованность в общих делах. Как ее воспитать?» Примерно так организуются и подаются и другие публикации «Звезды» в форме диалога. Это, как показывает практика, — одна из интересных и весьма эффективных форм коллективного интервью.

Поиск использования резервов жанра интервью продолжается. Ввела рубрику «Интервью с комментарием» и «Советская Белоруссия». Разумеется, публикации под рубрикой «Интервью с комментарием» — не самостоятельный жанр, а своеобразная форма интервью-беседы. Введение в них комментариев усиливает аналитический характер материалов. Это весьма существенно.

Газетная практика последних лет внесла некоторые новшества и в жанр **репортажа**. Теперь все реже появляются на страницах периодических изданий публикации, построенные по принципу: пришел, увидел, написал. «Поверхностная информационность, — справедливо отмечает В. Ученова, — передача события с его внешнеописательной стороны все менее соответствует той содержательной структуре, которая представляет собой современный жанр репортажа в его жизнетворных, творчески убедительных образцах»¹¹. Современный репортаж все больше насыщается элементами анализа. Такая тенденция наблюдается даже в оперативном репортаже. Авторы стараются не только передать свои наблюдения, но и высказать свое отношение к событию, сделать выводы. Глубже по содержанию, эмоциональнее по стилю стал синтезированный репортаж. Пример тому — репортаж «Щедрых даров кладовая»¹². Автор публикации, не отрываясь от информационной основы, насыщает ее аналитическими конструкциями, вводит в нее элементы других жанров — хроникальной замет-

ки, интервью, зарисовки и даже корреспонденции. Благодаря этому глуже осмысливается поставленная проблема.

По силе и значению влияния на читателя выделяются публикации в жанре **зарисовки**. Правда, по поводу этого жанра до сих пор ведутся дискуссии, споры, высказываются различные точки зрения. Среди многих исследователей и журналистов-практиков бытует мнение, что зарисовка — не самостоятельный жанр. В книге «Теория и практика советской периодической печати», например, говорится: «Малую форму очерка представляет собой зарисовка»¹³. Несостоятельность такого утверждения убедительно доказал профессор Б. Стрельцов: «Зарисовка является самостоятельным информационным жанром, в котором событие, явление, эпизод из жизни человека раскрываются через живой рисунок слова»¹⁴.

Подобно другим информационным жанрам зарисовка в белорусских периодических изданиях развивается, насыщается аналитическими конструкциями, образными средствами отражения действительности, наглядно-чувственным изображением фактов. Зарисовки становятся все чаще комментирующими, все более аналитичными, в них встречаются элементы очерка. Особенно типично это для такого вида зарисовки, как портретная, которая нередко, как и очерк, обращается к духовному миру человека. Примером тому могут служить публикации белорусских газет под рубриками «Штрихи к портрету», «Наш современник», «Правофланговые соревнования». Вот портретная зарисовка «Инспектор уголовного розыска»¹⁵. Автор публикации эмоционально, образно раскрывает одну из черт характера инспектора уголовного розыска Виктора Дьячкова: его смелость, решительность, верность служебному долгу.

Границы между жанрами, как показывает практика, весьма подвижны. Они сознательно нарушаются журналистами для того, чтобы избавиться от утвердившихся штампов, повысить ударную силу публикуемых материалов — усилить пропагандистскую, агитационную и организаторскую роль газеты. «Доверие читателя к газете возрастает, если они содержательны, точны, несут конструктивные предложения, серьезные обобщения»¹⁶. Этому во многом способствует развитие информационных жанров в последнее время, которое проявляется прежде всего в насыщенности информационных публикаций аналитическими конструкциями, средствами образного, эмоционального отражения фактов, событий, явлений, происходящих в жизни нашего общества.

¹ См.: Черепанов М. С. Жанры публицистики и их особенности. — В кн.: Жанры советской газеты. М., 1972, с. 8.

² О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. — М., 1979, с. 10.

³ Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981, с. 76.

⁴ См.: Стрельцов Б. В. Публицистика. Жанры. Мастерства. — Минск, 1977, с. 86.

⁵ Вечерний Минск, 1980, 13 сентября.

⁶ См.: Советская Белоруссия, 1980, 29 октября.

⁷ См.: Вечерний Минск, 1980, 25 августа.

⁸ См.: Советская Белоруссия, 1982, 29 июня.

⁹ Вестник Московского университета, 1976, № 4, с. 21.

¹⁰ См.: Звезда, 1980, 1 ноября.

¹¹ Вестник Московского университета, 1976, № 4, с. 18.

¹² См.: Советская Белоруссия, 1979, 4 декабря.

¹³ Теория и практика советской периодической печати. — М., 1980, с. 338.

¹⁴ Стрельцов Б. В. Публицистика. Жанры. Мастерства, с. 130.

¹⁵ См.: Советская Белоруссия, 1982, 10 октября.

¹⁶ Правда, 1982, 16 октября.

С. С. РУДЕНКОВА

КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

28 июня 1941 года ЦК ЛКСМБ в постановлении «О задачах комсомольских организаций Белоруссии в связи с военной обстановкой» записал: «Считать комсомол Белоруссии мобилизованным на Отечественную войну против банд фашистских гитлеровских варваров»¹. Комсомольские организации Белоруссии в эти дни использовали все возможности агита-

ционно-массовой и политической работы среди молодежи, центральное место среди которых занимала печать.

В первый же день войны ЦК КП(б)Б обязал отдел пропаганды и агитации перестроить средства массовой информации с учетом задач военного времени. Журналисты и писатели республики были мобилизованы на подготовку и выпуск листовок, плакатов, лозунгов и другой агитационно-пропагандистской литературы. Эти меры Коммунистической партии были крайне необходимы еще и потому, что гитлеровские оккупанты наряду с жестокими репрессиями с первых дней войны пустили в ход все виды лживой пропаганды. Особенно большое внимание оккупанты уделяли выпуску журналов, газет, плакатов, листовок, приказов и распоряжений не только на немецком, но и на национальных языках. Только для Белоруссии выпускалось 57 различных газет и журналов². Вся фашистская стражня была рассчитана на то, чтобы нанести удар по дружбе народов СССР, вызвать среди них разлад, подорвать тем самым экономическую, политическую и военную мощь СССР. Исключительно большое внимание фашисты уделяли идеологической обработке советской молодежи.

В оккупированных районах лживым фашистским изданиям Коммунистическая партия и комсомол противопоставили подпольную печать. Центральный Комитет и Минский обком ЛКСМБ наряду с изданием газеты «Чырвоная змена» с сентября 1943 года наладили выпуск республиканской газеты «Сталинская молодежь». Выпускались областные комсомольско-молодежные газеты «Молодой мститель» (Барановичская область), «Молодой партизан» (Белостокская область), «Молодежная правда» (Вилейская область) и молодежные районные газеты «Партизан-комсомолец» (Заславский район), «Сталинское племя» (Борисовский район), «Разгром» (Червенский район)³. Подпольные комсомольские издания выходили три-четыре раза в месяц тиражом от 300 до 1500 экземпляров и форматом $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{4}$ листа. Они оказывали огромное идейное воздействие на молодежь. Партизанские комсомольско-молодежные газеты печатали сводки Совинформбюро, приказы Верховного Главнокомандующего, статьи и обращения руководителей подпольных партийных и комсомольских органов, командиров и комиссаров партизанских бригад и отрядов, а также материалы, рассказывающие о ходе военных действий на фронте, о героизме и мужестве солдат и партизан различных национальностей, о срыве мероприятий оккупантов.

Печатная пропаганда в годы войны мобилизовывала молодежь на борьбу с оккупантами, воспитывала советских людей в духе принципов братской взаимопомощи и пролетарского интернационализма, разжигала ненависть к врагу. «Молодые белорусы! — писала газета «Чырвоная змена» 7 марта 1943 года. — Ни один из вас не может стоять в стороне от священной войны, которую ведет советский народ за свою честь, свободу и независимость... Где бы вы ни сражались с врагом, защищая свою республику, вы защищаете весь Союз ССР. Вооружайтесь и идите в партизанские отряды... Уничтожайте оккупантов!»

О массовом уходе в партизаны молодежи Гресского района Минской области сообщала «Чырвоная змена» 28 марта 1943 года. Газета «Молодой мститель» 1 февраля 1944 года рассказала о подвиге комсомольца Василия Силютина, который со своими боевыми товарищами пустил под откос 14 вражеских эшелонов. Зарисовки и заметки о подвигах комсомольцев, молодых партизан и партизанок, их умелых действиях, удачных партизанских операциях являлись самой действенной агитацией и пропагандой. Они учили молодых патриотов смелости и отваге, героизму и мужеству, проявлению смекалки и находчивости, творчества и инициативы. Пример самоотверженной борьбы с врагом показывали комсомольские вожаки. Александр Исаченко в годы войны являлся одновременно членом ЦК ЛКСМБ, секретарем гомельских подпольных обкома и горкома комсомола. Он был одним из первых организаторов партизанских отрядов и подпольных организаций в Гомельском, Лоевском, Чечерском районах, первым начал осуществлять диверсии, взрывая эшелоны на железной дороге. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. О его героической жизни «Чырвоная змена» рассказала 21 февраля 1943 года.

На разных фронтах, во всех родах войск сражались молодые сыны и дочери белорусского народа. В августе 1943 года в подпольной печати было опубликовано письмо-обращение воинов-белорусов к партизанам и партизанкам, ко всему белорусскому народу усилить борьбу против захватчиков, 15 августа 1943 года «Чырвоная змена» посвятила этому об-

ращению почти весь номер. «С русскими и украинскими братьями, с сынами Грузии, Армении и Азербайджана, со всеми сынами свободолюбивых народов Советского Союза мы, белорусы, громили врага, гнали вспять его полчища от родной Москвы, от стен города Ленина, устилали вражьими костями предгорья Кавказа, сотни тысяч врагов положили у твердынь Сталинграда», — писали воины-белорусы. Слова этого письма-обращения нашли живой отклик в сердцах партизан, которые обещали землякам еще сильнее громить врага.

Секретарь Минского подпольного обкома комсомола Сергей Игнатьевич Пармон в газете «Чырвоная змена» за 14 марта 1943 года рассказал о подвиге восемнадцати молодых патриотов из бригады имени К. Е. Ворошилова Минской области. Все они героически погибли, до конца выполнив свой долг перед Родиной. Позже на месте боя партизаны нашли зарытый в снегу пулемет. В его стволе была обнаружена записка: «Погибаем за Родину, но врага не пропустим! Просим всех нас считать комсомольцами».

Постоянно подпольные комсомольско-молодежные газеты публиковали сводки Совинформбюро. По мере того, как нарастали боевые успехи Красной Армии, а гитлеровские оккупанты терпели одно поражение за другим, эти сообщения звучали все более мобилизующе. Газеты зачастую дополняли их материалами передовых статей, давали обобщенный материал о боевых действиях Красной Армии за более длительный период времени — от одного месяца до полугода. Как правило, статьи заканчивались призывами: «Молодежь Белоруссии! Не пожалеем ни сил, ни жизни для освобождения Советской Родины от гитлеровских бандитов!», «Поможем всеми силами, всеми средствами наступающей Красной Армии!» Эти короткие, лаконичные сообщения являлись той нитью, которая связывала партизан, подпольщиков, всех советских людей, находящихся на оккупированной территории, с Большой землей, способствовали их сплочению вокруг Коммунистической партии. Ряды народных мстителей пополнялись новыми патриотами. Более двух третей армии партизан и подпольщиков Белоруссии в годы Великой Отечественной войны составляла молодежь.

¹ Комсомол — нашей доблестной партии сын. — Минск, 1960, с. 257.

² См.: Кнатько Г. Д. Рукописные издания партизан Белоруссии. — Минск, 1979, с. 5.

³ См.: Слукка О. Г. Слово в комсомольском строю. — Минск, 1980, с. 139; БелСЭ, т. 8, с. 16.

Р. И. ВОДЕЙКО, Г. Е. МАЗО

ВЛИЯНИЕ СОКРАЩЕННОГО ВАРИАНТА АУТОГЕННОЙ ТРЕНИРОВКИ НА НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Интенсификация процесса обучения в вузе, внедрение в него прогрессивных технических средств обучения и, в частности, автоматизированных обучающих систем на базе ЭВМ поставили перед психологами ряд новых актуальных задач, среди которых — изучение влияния психологической саморегуляции на повышение активности трудовой деятельности студентов. Однако длительность курса обучения аутогенной тренировке и отсутствие специальной методики АТ вызывают ряд трудностей в процессе внедрения этого метода в учебную деятельность учащихся высшей школы.

Нами для широкого и ускоренного обучения студентов психологической саморегуляции применялся вариант, состоящий из восьми тренировочных занятий, проводимых под руководством инструктора¹. Экспериментальная группа состояла из 24 студентов в возрасте 17—23 лет. Обучение проводилось групповым методом на занятиях студенческого научного кружка, организованного при кафедре психологии. Кроме участия в еженедельных групповых занятиях под руководством инструктора, каждый из студентов экспериментальной группы занимался аутогенной тренировкой еще и самостоятельно: два раза ежедневно. Критерием овладения методикой АТ являлась способность вызывать релаксацию мышц и как следствие — уменьшение частоты пульса и дыхания. Обследование группы проводилось четыре раза.

Первый раз изучалась эффективность пассивного отдыха студентов, которым прерывались занятия. Психофизиологические параметры (частота дыхания и пульса, точность и продуктивность работы в условиях распределения внимания) измерялись через тридцать минут после начала занятий, затем повторно — после пятнадцати минут пассивного отдыха. Затем, на этом же занятии, проводилась гетеротренировка, во время которой инструктор произносил фразы самовнушения от первого лица, а испытуемые сидели в «позе кучера» с закрытыми глазами и слушали. Таким образом они получали образец для самостоятельных занятий дома и разучивания упражнений «ровное дыхание» и «маска релаксации».

Второй раз психофизиологические параметры у студентов, изучающих методику АТ, измерялись на следующей неделе. Первое обследование (измерение частоты дыхания и пульса, точности и продуктивности работы в условиях распределения внимания с помощью корректурной пробы) проводилось через тридцать минут после прихода студентов в лабораторию. В течение этих тридцати минут мы регистрировали присутствующих, беседовали со студентами по вопросам аутотренинга, отвечали на их вопросы. Затем испытуемые самостоятельно проводили аутотренинг и через пятнадцать минут повторялось аналогичное обследование.

Третий раз регистрация психофизиологических параметров проводилась до и после самостоятельных групповых занятий, на пятой неделе.

Четвертый раз психофизиологическое обследование занимающихся аутогенной тренировкой проводилось на восьмом, т. е. последнем занятии. Обследование проводилось в условиях, аналогичных предыдущим.

До начала обучения студентов навыкам психологической саморегуляции был проведен небольшой анкетный опрос для определения «психоло-

гического комфорта» каждого из желающих заниматься аутотренингом, наличия или отсутствия резких колебаний вегетативных функций, а также нарушений сна (см. анкету).

Анкета

для определения психофизиологического комфорта

1. В последнее время Вы стали уставать больше, чем раньше?
2. Замечаете ли Вы, что у Вас несколько ослабела память?
3. Замечаете ли Вы, что у Вас ослабело внимание, стало трудней сосредоточиться?
4. Отвлекают ли Вас от работы посторонний шум или разговоры, мешают ли они Вам сосредоточиться?
5. Надолго ли выводит Вас из равновесия незаслуженное замечание?
6. Находите ли Вы, что в последнее время стали более вспыльчивы, чем были раньше?
7. Замечаете ли Вы, что стали понимать новый учебный материал хуже, чем раньше?
8. Считаете ли Вы, что в последнее время стали «плаксивым» и у Вас по самому незначительному поводу наворачиваются на глазах слезы?
9. Ухудшился ли у Вас в последнее время аппетит?
10. Бывают ли у Вас временами головные боли?
11. Бывает ли у Вас в результате волнения сильное сердцебиение?
12. Замечаете ли Вы, что после волнения Ваши ладони становятся влажными?
13. Всегда ли Вы краснеете при волнении?
14. Дрожат ли у Вас руки перед ответственным мероприятием?
15. Не замечаете ли Вы, что в последнее время стали плохо засыпать?
16. Не просыпаетесь ли Вы преждевременно, среди ночи, а затем долго не можете уснуть?
17. Часто ли Вы просыпаетесь среди ночи?
18. Часто ли после ночного отдыха Вы чувствуете вялость, сонливость, усталость?
19. Мешают ли Вам уснуть постоянный шум или свет?
20. Часто ли у Вас бывают кошмарные, страшные сновидения?
21. Считаете ли Вы свой сон хорошим?

Ответы на 1—7 вопросы раскрывают психологическое самочувствие испытуемых, ответы на 8—14 вопросы — наличие или отсутствие у них резких колебаний вегетативных функций (эмоциональной лабильности), а ответы на 15—21 вопросы — возможные нарушения сна. Ответы давались односложные: «да» или «нет». Каждое «да» соответствовало отклонению от норм той или иной функции и оценивалось одним баллом. Анкетный опрос повторился через два месяца после того, как студенты прошли полный курс аутогенной тренировки, что позволило определить эффективность данной методики по ответам испытуемых (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика психофизиологического комфорта под влиянием АТ

Время заполнения анкеты	Уровни психофизиологического комфорта																	
	Нормальный (от 0 до 2 баллов)				Средний (от 3 до 4 баллов)				Низкий (от 5 до 7 баллов)									
	ПС		ВГ		С		ПС		ВГ		С		ПС		ВГ		С	
	ч	%	ч	%	ч	%	ч	%	ч	%	ч	%	ч	%	ч	%	ч	%
Первое занятие	14	58,3	18	75	21	87,5	6	25	4	16,7	2	8,4	4	16,7	2	8,3	1	4,1
Восьмое занятие	24	100	22	91,6	24	100	—	—	2	8,4	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечания: ПС — психологический комфорт — дискомфорт; ВГ — вегетативная дисфункция — эмоциональная лабильность; С — изменения сна; ч — число ответивших на вопросы положительно; % — процент ответивших положительно (из числа всех занимающихся).

Основная группа лиц — это студенты, ответившие положительно на 2—4 вопроса по группе ПС, т. е. 83,3 %; 75 % — ответивших положитель-

но на группу вопросов ВГ, характеризующих эмоциональную лабильность и набравших до трех баллов; и 87,5 % лиц, набравших до двух баллов по группе вопросов С. Студентов, набравших до двух баллов, мы условно отнесли к группе с нормальным уровнем комфорта, набравших 3—4 балла — к группе со средним уровнем комфорта и, наконец, студентов, набравших 5—7 баллов, мы отнесли к группе с низким уровнем комфорта. По нашему мнению, лица со средним уровнем психофизиологического комфорта нуждаются в нормализации режима труда и отдыха, а лица с низким уровнем комфорта нуждаются в индивидуальной психотерапевтической коррекции. Как показало исследование, преобладающее количество студентов не имеет каких-либо отклонений в нервно-психической сфере и не испытывает психофизиологического дискомфорта.

С помощью проведенного нами исследования мы стремились выявить: 1) сравнительную характеристику результатов психологической саморегуляции до и после овладения методикой аутотренинга; 2) динамику некоторых физиологических показателей под влиянием АТ в зависимости от количества занятий; 3) сравнительную эффективность пассивного отдыха и отдыха в состоянии аутогенного погружения.

Для решения первой и третьей задач проведено психологическое обследование точности и производительности выполняемой студентами работы в условиях распределения внимания с использованием корректурной пробы (кольца Ландольта). Методика обследования изложена А. А. Генкиным, В. И. Медведевым и М. П. Шеком ².

Показатель точности выполняемой работы (А) вычислялся по формуле: $A = \frac{\Sigma}{\Sigma + 0}$, где Σ — число правильно зачеркнутых знаков, 0 — число пропущенных (количество ошибок). Показатель производительности работы вычислялся по формуле: $E = S \cdot A$, где S — общее число просмотренных знаков. Данные обследования приводятся в табл. 2.

Таблица 2

Динамика показателей внимания
(выявленных с помощью корректурного теста) под влиянием АТ

Динамика показателей А и Е	А (точность работы)						Е (производительность работы)					
	Ухудшение		Улучшение		Без изменений		Ухудшение		Улучшение		Без изменений	
	ч	%	ч	%	ч	%	ч	%	ч	%	ч	%
При пассивном отдыхе	8	33,3	12	50	4	16,7	8	33,3	16	66,7	—	—
На 2-ом занятии	9	37,5	14	58,3	1	4,2	6	25	18	75	—	—
На 8-ом занятии	3	12,5	20	83,3	1	4,2	2	8,3	22	91,7	—	—

Из таблицы видно, что уже на втором занятии (под влиянием АТ) наблюдается большее, чем при пассивном отдыхе, улучшение психологических показателей. Этот факт может быть объяснен тем, что все испытуемые во время аутотренинга пользовались специальными формулами самовнушения, направленными на улучшение процессов внимания и его сосредоточенности. Значит, в данном случае происходил процесс реализации формул самовнушения, хотя и в недостаточно высокой степени. Однако после полного освоения методики АТ и овладения навыками психологической саморегуляции (восьмое занятие) показатели А и Е в результате аутогенной тренировки стали улучшаться намного быстрее, чем при пассивном отдыхе. Так, например, показатель точности работы в результате восьмого занятия АТ улучшился у 83,3, а показатель производительности работы — у 91,7 % студентов. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о высокой эффективности предложенной нами методики АТ и о возможном положительном (активизирующем) влиянии аутогенной тренировки на психические процессы.

¹ См.: Водейко Р. И., Мазо Г. Е. Из опыта обучения студентов аутотренингу.— Вестн. Белорусского ун-та. Сер. IV, 1979, № 1, с. 63.

² Генкин А. А., Медведев В. И., Шек М. П. Некоторые принципы построения корректурных таблиц для определения скорости переработки информации.— Вопросы психологии, 1963, № 1, с. 104.

В. И. БЕЛЯЕВ, И. Д. БУШИЛО, Н. И. УРБАНОВИЧ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ЭКРАННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ОБЩЕТЕХНИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

Ускорение научно-технического прогресса требует постоянного совершенствования системы образования. Улучшение информационного и технического обеспечения учебного процесса является одной из первостепенных задач управления им. Средства экранной информации применяются не только для образных представлений, но и для обобщения фактов, раскрытия закономерностей изучаемых явлений и процессов, для комбинированного воздействия на слуховые и зрительные анализаторы.

Анализ результатов исследования процесса управления познавательной деятельностью студентов с применением новых методик, использующих диапозитивы по большинству разделов курсов общетехнических дисциплин, рассмотрен на примерах кафедр инженерной графики машиностроительного профиля и технологии металлов Белорусского политехнического института. Необходимость изменения методик преподавания инженерной графики и технологии металлов была вызвана сокращением учебных часов на практические и лабораторные занятия соответствующих кафедр, а также перемещением их с третьего и четвертого семестров на первый и второй, т. е. на период начальной общетехнической подготовки студентов.

Необходимым условием построения полноценной (неперегруженной) информации на слайде, что особенно важно для восприятия первокурсником, является учет уровня знаний студента и принципов дидактики. Внедрение в учебный процесс комплектов слайдов по разделам курсов двух кафедр — иллюстрация решения методической задачи. По объему содержания информации слайды, разработанные на кафедрах, можно условно разделить на три вида.

1. Слайды с небольшим количеством информации, конкретно связанные с темой, разделом курса; II. Слайды обобщающие, перегруженные, не связанные конкретно с темой, разделом курса; III. Слайды, представляющие комбинации первого и второго видов. Продолжительность демонстрации слайда зависит от объема информации, содержащейся в нем. Так, для восприятия слайдов III вида студентам требуется значительно больше времени (2—4 мин), чем для усвоения материала слайдов I вида (0,5—1 мин). Применение слайдов, содержащих различную степень загрузки информацией, позволяет студентам от анализа материала перейти к синтезу его, активизирует их восприятие и повышает уровень знаний обучающихся.

Комбинированное изложение лекции (устный рассказ, иллюстрации) усиливает восприятие, усвоение достигает 60—65 % излагаемого материала. Сказывается суммарный эффект комбинированного воздействия на обучающегося изобразительной, знаковой и вербальной информации и анализа ее, так как позволяет в требуемом месте лекции выделить самую суть предмета изучения или исследования, отбросив второстепенное. При такой методике управления познавательной деятельностью вероятность восприятия информации значительно выше всего в период наибольшего эмоционального подъема. Статическая наглядность позволяет использовать слайды в качестве технических средств контроля при осуществлении оперативной внешней обратной связи, способствует приобретению студентами умений наблюдать, измерять, строить и читать чертеж, каждый из которых опирается на соответствующие системы знаний и умений. Например, умение измерять основывается на знании системы мер и практических навыках обращения с мерительным инструментом. Этап построения чертежа предполагает знание его элементов и правил построения проекций и далее — навык обращения с чертежным инструментом. В результате обеспечивается более совершенная обратная связь, на основе которой, с одной стороны, активизируется деятельность самих обучаемых на доступном им уровне, и с другой — управление учебно-воспитательным процессом (качеством знаний) осуществляется непосредственно преподавателем.

Анализ результатов исследований позволил выделить основные функции графической информации в процессе обучения; самостоятельную деятельность обучающегося; самостоятельную познавательную деятельность; обобщающую деятельность, которая позволяет составить целостное представление о дисциплине (спрессовать главную информацию), объединив все разделы курса. Новая методика позволяет одновременно осуществлять демонстрацию слайдов в пределах 25—30 шт., так как монотонность вербального восприятия для студентов может превратиться в монотонность зрительного восприятия, что сопровождается повышением утомляемости. Целесообразно применять слайды перед письменной контрольной работой. При этом преподаватель напоминает последовательность и содержание отдельных операций (например, при изучении сложных разрезов полезно повторить слайды о выполнении простых разрезов и т. д.), анализирует возможные ошибки. После этого закрепление умения и навыков реализуется в активной самостоятельной деятельности студентов: исполнительской, репродуктивной, либо частично — поисковой. Наибольший эффект восприятия достигается при обобщении и анализе информации на консультациях в конце курса. Применение графической информации на предзачетных и предэкзаменационных консультациях повышает абсолютную успеваемость студентов в среднем на 12—20 %¹.

Применение технических средств и новых методик обучения помогает совершенствовать процесс управления познавательной деятельностью студентов.

¹ См.: Беляев В. И., Макаева Г. И. Методика преподавания ТСО в курсе «Технология конструкционных материалов». — Минск, 1982.

М. Д. ТИВО, В. С. ШАРУПИЧ

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Эпоха развитого социализма и научно-техническая революция требуют создания единой непрерывной системы образования как подрастающего поколения, так и взрослого населения страны. Что же вызывает эти новые требования? Во-первых, лавинообразное распространение научной информации в самой доступной форме. Во-вторых, интенсивное и экстенсивное развитие науки, превращение ее в непосредственную производительную силу, сокращение сроков практического применения данных науки приводит к быстрому моральному старению научных идей. В-третьих, процесс развития науки в настоящее время характеризуется ее дальнейшей дифференциацией и интеграцией, т. е. сближением естественных, технических и общественных наук и возникновением на их «стыках» новых научных дисциплин, требующих универсальных знаний, универсального мышления. В-четвертых, активное проникновение науки в тайны природы и общества породило новые методы исследования, выдвинуло проблему изучения особенностей творчества и творческой деятельности, а это, в свою очередь, требует разработки новых приемов и методов обучения самостоятельной творческой деятельности. И наконец, научно-техническая революция в нашей стране разворачивается в условиях развитого социализма, когда обретает отвечающее интересам человека и общества направление.

Марксизм-ленинизм трактует обучение как исторически изменяющийся процесс. Оно изменяется в зависимости от потребностей общества, уровня производства и производственных отношений, а также социальных условий, духовного богатства общества, его культурных традиций и уровня образования. Иными словами, каково общество, каковы господствующие в нем социальные отношения, такова в конечном счете и система образования. Капиталистический способ производства выработал систему образования, основанную на принципах прагматизма, т. е. непосредственной выгоды, и соответствующие схоластические методы обучения. При социализме система образования служит интересам трудящихся, задачам построения нового общества. Поэтому ее организация потребовала создания новых дидактических принципов: сознательного характера обучения, связи обучения с практикой, усиления объясняющего акцента в преподавании и т. д.

В течение длительного времени новый тип обучения удовлетворял социальные потребности и интересы общества. Однако, начиная с середины пятидесятых годов, новый этап коммунистического строительства выявил определенные недостатки в «традиционном обучении». Сложившийся в на-

шем образовании объяснительно-иллюстративный тип обучения, ориентированный на усвоение суммы знаний и развитие памяти, не уделял достаточного внимания развитию мыслительных способностей. Решение этой задачи предполагает комплекс проблем: актуализация содержания обучения, выработка новых методов, организационная перестройка, подготовка и переподготовка кадров и т. д. «Единственным выходом, — писал в то время академик А. Леонтьев, — является такая перестройка процесса обучения, чтобы на всех уровнях образования обеспечивалось усвоение знаний, которое давало бы возможность не только непосредственно применять их, но и формировало бы способность самостоятельно осваивать новые достижения науки и техники, способность двигаться вместе с ускоряющимся научно-техническим прогрессом»¹. Акцент с информационно-запоминающего обучения, который преобладал в нашем образовании, должен быть перенесен на методологический, т. е. учить творчески мыслить, самостоятельно пополнять свои знания, уметь применять их к анализу реальных жизненных ситуаций. «Мышление — это процесс, позволяющий человеку эффективно использовать знание. Это самый важный инструмент, который дает образование»². Изменение содержания обучения, повышение научного уровня учебных программ полностью не решает поставленные задачи. Необходима перестройка и методов обучения.

Социальный статус людей во многом определяет их познавательные потребности, характер мотивов и интересов, что к конечному счёту сказывается на эффективности усвоения знаний. Если при комплектовании различных форм учебы можно добиться относительной однородности по таким параметрам, как образование и квалификация, то по возрасту практически не представляется возможным. Выявление же возрастных закономерностей, например, интеллектуального развития взрослого человека, представляет несомненный интерес для управления процессом обучения. Особенности умственной деятельности взрослых конституируют такой объект обучения, который существенно отличается от традиционного: школьник, учащийся. Возраст является одной из главных характеристик, которые необходимо учитывать при всех видах социального анализа. Жизнедеятельность и общественная активность человека в большой степени зависят от возраста. «Периодизация жизненного пути предполагает выделение ряда качественно своеобразных возрастных стадий, каждой из которых соответствует определенный набор возрастных свойств или возрастных различий, за которыми стоят определенные возрастные процессы или изменения»³. Различия в возрасте, будучи природным свойством, являются существенной социальной характеристикой, разделяя людей по степени освоения социального опыта и вследствие этого включения в систему общественных отношений. Возрастные различия предполагают и различия психофизиологического развития: мышления, памяти, внимания, воли и т. д. Мыслительный акт взрослого человека отличается подвижностью уровня отражения окружающего мира. Происходит постоянная перестройка видов мышления. В психологии различают предметное, наглядно-образное и вербально-логическое мышление в соответствии с теми объектами, которые составляют его содержание. Но во всех возрастных группах обнаруживается общая тенденция, проявляющаяся в несовпадении образного, вербально-логического и действенного или практического мышления. Ввиду постоянной необходимости решения практических задач у взрослых отмечается возрастание роли практического типа.

Несмотря на неоднородность в подъемах и спадах интеллектуальных функций можно выделить общие моменты в их развитии. 18—25 лет — период подъема уровня развития памяти и мышления, 26—29 лет — спада уровня развития памяти и мышления и подъема уровня внимания; 30—33 года — высокого уровня памяти, мышления и внимания; 34—40 лет — спада и незначительного подъема уровней памяти, мышления, внимания. Неравномерность в развитии взрослых обнаружена не только на интеллектуальном уровне, но и на нейродинамическом и психомоторном. В ранние периоды зрелости связи между памятью, вниманием, мышлением немногочисленны. В эти годы интеллектуальные функции отличаются некоторой автономностью. Совершенно другая картина наблюдается в последующие возрастные периоды. Можно сказать, что с возрастом интеллект приобретает целостную систему. Усиливающиеся внутрифункциональные и межфункциональные связи памяти, мышления и внимания подтверждают, что опыт взрослого человека представляет собой такой фонд знаний, который оказывает влияние на отдельные стороны его умственной деятельности и

имеет существенное значение для изменения структуры интеллекта. Установление с возрастом тесных и устойчивых связей между отдельными сторонами психических функций непременно должно учитываться в процессе обучения взрослых. Обучение в старших возрастных группах происходит с большим трудом по сравнению с возрастными раннего периода. Устойчивость внутрифункциональных связей у взрослых является определенным препятствием в формировании новых знаний, навыков и умений.

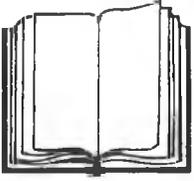
Опытным путем установлены довольно значительные различия в степени сложности мыслительных операций между имеющими незаконченное высшее или среднее образование и высшее. Различия между ними прослеживаются во всех возрастных группах. Если у людей с высшим образованием с возрастом не происходит заметного изменения в уровне их операционных структур, то у имеющих незаконченное среднее с возрастом наблюдается постепенное падение степени сложности операций. У людей, имеющих невысокий уровень образования, с возрастом происходит снижение успешности решения задач, требующих оперирования абстрактными знаками и символами, однако уровень наглядно-образного мышления не снижается. Выявленные особенности несомненно надо учитывать при организации учебного процесса взрослой аудитории.

При строгой индивидуализации процесса учебы обучающий должен учитывать: а) различный уровень фактических знаний, специальных навыков и умений познавательной деятельности, которые приводят к различному осознанию сущности изучаемых понятий, законов, теории; б) различную степень владения навыками и умениями организации учебного процесса, снижающими или повышающими темп учебной деятельности; в) особенности в развитии мыслительных процессов, которые вносят существенные коррективы в точность осмысления учебного материала, выделения в нем существенного, в проявление самостоятельности и настойчивости.

¹ Леонтьев А. Насущные задачи психологической науки.— Коммунист, 1968, № 2, с. 60.

² Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология.— М., 1976, с. 76.

³ Кан И. С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе.— Социологические исследования, 1978, № 3, с. 47.

В. В. Основин. **Драматургия Л. Н. Толстого.**—М.: Высшая школа, 1982.—175 с.

Книга В. В. Основина вышла из печати в канун 155-летия со дня рождения великого писателя. Автором избран далеко не простой, до сих пор еще не вполне «отстоявшийся» способ структурно-типологического анализа. Привлекает прежде всего широта постановки проблемы и последовательность ее концептуального решения: исследуется драматургическая эстетика Толстого в теоретическом освещении; под этим углом зрения анализируются драмы «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп»; на материалах анализа суммируются идейно-эстетические завоевания Толстого-драматурга; выявляется взаимопроникновение традиции и новаторства в творчестве Толстого как художественной системе; анализируется влияние Толстого-художника на современный ему историко-литературный процесс. Определенный интерес вызывает одно из исходных положений работы: «...суждения Толстого о драматическом искусстве, несмотря на их непоследовательность и явную противоречивость, представляют огромный интерес, так как в них отражился сложный процесс поисков определенной системы, в основании которой лежат принципы реализма».

Творчество Толстого как художественная система до сих пор расценивается с самых различных исследовательских позиций. Не для всех одинаково бесспорно, например, утверждение о развитии в нем романтических тенденций. При подходе, предложенном В. Основиним, в рамки художественной системы Толстого вписываются такие черты романтического творчества, которые М. Б. Храпченко определил как концентрацию «внимания художника на личности, тех сложных коллизиях, которые она вбирает в себя, на ее индивидуальных и социальных стремлениях, на известном «ос-

вобождении» человека от временных, конкретно-исторических особенностей и черт ради выделения его постоянных, «вечных свойств» (Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек.—М., 1978, с. 332).

Такой подход представляется очень перспективным, и во многом он оправдал себя уже в названном труде. Убедительны, например, рассуждения об особом жанровом характере толстовских пьес, синтезировавших и эпический, и драматический, и лирический типы художественного обобщения действительности, о функциональной роли общего тона народных сцен в его драматургии или эмоциональной инвективы отдельных эпизодов, в которых различными приемами и средствами опозитивированы народные характеры, народное творчество. Действительно, новаторство в искусстве обусловлено открытием новых сторон действительности — дальнейшим, углубленным анализом ее, усложнением художественного поиска. Драматургия зрелого Толстого — яркое, полное отображение причудливых жизненных соотношений и контрастов «заземленности» и романтического порыва, патриархальных начал и мятежных сдвигов, музыки долга и страсти — всех многозначных примет бурного исторического времени кануна революций.

Автором предложена интересная трактовка толстовского понимания «существа драмы» как жанра, систематизирующего реалистические принципы изображения и народность, исследование новых, общинтересных сторон действительности и динамизма индивидуальных судеб, единство сюжета как способа жизненного проявления каждого персонажа «сообразно его внутренним данным» (Толстой) и остроту конфликта, многозначную роль языка и своеобразия связей драмы с жизнью, основанное на «величайших чуть-чуть», на чувстве меры и художественного такта.

Структура зрелой драматургии Тол-

стого исследуется с точки зрения неделимой, органической, внутренней взаимосвязи и соподчиненности различных структурных компонентов. Четко определено, например, соотношение идейных начал и структурного своеобразия драмы «Власть тьмы». Стремление художника изобразить социальный характер русской деревни периода капитализации, противопоставить морали чистогана моральные принципы патриархального крестьянства вызвало к жизни многостороннее объективирование различных форм яростной борьбы власти тьмы, власти денег с неистребимым «внутренним», нравственным законом, который, по Толстому, «есть то, что мы называем разум, совесть, любовь, добро, Бог» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 53, с. 68).

Определяя затем роль сюжета в структуре драмы, в расстановке действующих лиц, автор отмечает содержательный вес внутреннего противопоставления в драме «Власть тьмы» характерологических пар, воплощающих различные жизненные принципы, различное «отношение к нравственному закону и дьявольским соблазнам современной жизни». И в драме «Живой труп» противостояние двух жизненных принципов становится импульсом внутреннего движения», это противостояние определяет не только ход драматического действия в целом, но и внутреннюю структуру всех актов. С тех же позиций определено автором своеобразие драматического действия в комедии «Плоды просвещения», основанного на конфликте «между крестьянами и господами, носителями различных жизненных принципов и нравственных начал».

Вдумчиво и логично прослежена система эмоциональных проекций и отношений в драматургии Толстого, значение отдельных сцен-эпизодов в общем движении драмы, функциональная роль образов-типов, «художественного заострения» (Толстой), вставных новелл-монологов и т. д. Особое значение имеет исследование функции психологических узлов во внутренней структуре толстовской драмы. Выявлена их роль в развитии действия отдельных актов, организованных по принципу «пьесы в пьесе». Действие закона диптиха автор проследивает далее и в целостной структуре драматических произведений Толстого, которые «распадаются на две самостоятельные части, со своими автономными «центрами притяжения». Так, во «Власти тьмы» явно обнаруживаются две такие вполне самостоятельные части, связанные с двумя злодействами, которые играют роль центров притяжения. В «Плодах просвещения» подобные самостоятельные части можно выделить по другому признаку: вся пьеса как бы состоит из двух частей — «мужицкой» и «господской». Иначе говоря, наличие в каждом действии и в каждой картине особого

психологического узла способствует полифоническому развёртыванию драматического действия в пьесах Толстого» (с. 111).

Достаточно полно исследована автором многозначная роль языка в пьесах Толстого — как носителя и выразителя индивидуальной неповторимости образа, как органа своеобразного звучания каждого звена и эпизода драмы, как аккумулятора и, одновременно, определителя ее жанровой специфики. Автор определяет свой труд как структурно-типологическое исследование **драматургической поэтики Толстого**. Думается, в книге представлено более широкое решение задачи. Здесь нашли глубокую разработку многие проблемы творчества Толстого, в том числе животрепещущие вопросы метода и стиля гениального писателя: взаимообусловленность конфликта и характера, своеобразие психологизма, истоки жизненной и эмоциональной достоверности, композиционная и жанровая специфика. Правда, некоторые моменты исследования представляются спорными. Вряд ли можно, например, согласиться с утверждением автора о том, что герои позднего Толстого характеризуются лишь внутренней мятежностью, не переходящей в действительные проявления характера.

Конечно, из прозы и драматургии «позднего» Толстого не вовсе исчезли образы «каратаевского» склада. Но все же очевидно, что в большинстве произведений образы пассивных людей оттеснены на дальний план общей картины и вместо них выдвинуты герои другого ряда — те, в которых выступает действительное, волевое, бунтарское начало. В этом нетрудно видеть сложно преломленное воздействие на художественное мышление Толстого фактов и событий новой, революционно-пролетарской эпохи, которая требовала нового эстетического осмысления и воплощения человеческих характеров. По-видимому, мы вправе говорить об отображении в произведениях позднего Толстого такого типа индивидуального жизнеотношения, **практика** которого могла бы служить примером, толчком на пути социального прогресса. В целом это олицетворение осознанного, бесповоротного, страстного протеста, позволяющее говорить о **типологической общности** таких разных литературных существностей, как Хаджи-Мурат, Мигурский, Неустроев, Светлогуб, Турчанинов и как разнообразная галерея генетически народных характеров. Происходит расширение идейно-содержательной сферы народности Толстого как эстетической категории.

Вызывает возражение также мысль В. В. Основина о том, что поэтизация естественного образа жизни, наивных, патриархальных правил человеческого общежития приобретает у Толстого принципиальный характер в годы его идейного перелома. Приро-

да, в ее величии, естественности, благодати, стала антимиром «нашей нищенской цивилизации» уже в «Казаках», «Люцерне», «Трех смертях».

Специальный раздел книги посвящен вопросам взаимодействия традиции и новаторства в психологизме Толстого. Действительно, нельзя вести речь о специфичности художественной структуры драматических произведений Толстого, не уяснив предельно своеобразия его психологизма, взятого в широком историческом плане развития русской литературы и русской драмы XIX столетия. В главе «Художник должен быть психологом» автор последовательно и убедительно, с использованием авторитетной классической и современной критики рассматривает лермонтовский вклад в развитие аналитических принципов художественной литературы. При всей широте общего философски-эстетического осмысления жизни Лермонтов считал, что «история души человеческой <...> едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою...» В книге раскрывается принципиальная общность средств психологической характеристики в драматических произведениях Лермонтова и Толстого и, с другой стороны, качественное отличие толстовского метода психологического анализа, заключающееся в самом применении этого метода. Автор не проходит и мимо заслуг Островского и Тургенева в развитии русской психологической драмы; он также отмечает оригинальный вклад Достоевского в совершенствование психологического реализма.

В книге создан широкий историко-литературный фон становления отечественной драматургии. Проблемы традиции Гоголя и Островского, театра Чехова и Горького в контексте времени, в осмыслении Толстого и преломлении его художественного опыта находят здесь вдумчивое и глубокое решение. Некоторый повод для размышлений в этой связи дает весьма краткое, словно мимоходом прозвучавшее упоминание о пушкинской концепции мира и человека, продиктованной интересом к общим, философским проблемам бытия и определенной синтетическим, мирообъемлющим гением Пушкина. Возможно, эта краткость обусловлена достаточно широкой разработанностью темы в современной литературной науке. Однако проведенные творческие параллели между Пушкиным и Толстым как драматургами — проблема, далеко не исчерпанная даже в специальных исследованиях, с точкой зрения которых соглашается или полемизирует автор книги. Еще не поставлен вопрос о неповторимой близости двух гениев, основанной на том, что их поэтический дар как бы растворял «в себе все другие <...> человеческие качества».

Мысль эта, высказанная применительно к Пушкину, принадлежит Б. Бурсову («Звезда», 1982, № 11, с. 55). Кстати, В. Основин приводит еще одно безусловно верное высказывание Б. Бурсова — об отсутствии в идейно-эстетических взглядах Толстого стремления перевести социально-историческую проблематику в план ее отвлеченно-моралистического решения.

Следует отметить отдельные неточности в научном аппарате исследования. Например, на с. 75 дана неверная отсылка к 118-й странице 52-го тома юбилейного Собр. соч. Толстого (надо бы отсылать к с. 112). Тут же неточно процитирована дневниковая запись Толстого от 24.X.1891 г. Небрежная цитация обнаруживается и на с. 90. Кое-где встречаются дословные самоповторения. Некоторые авторские высказывания противоречат друг другу. Подобные упущения и недосмотры выглядят особенно неуместными в работе такого серьезного и требовательного автора, как В. Основин.

Итак, в новой книге о Толстом поставлены и успешно решены масштабные и ответственные задачи: прослежено развитие таланта Толстого-драматурга в контексте времени и общих закономерностей творческой эволюции великого писателя, выявлено художественное своеобразие пьес Толстого, вошедших в золотой фонд мировой драматургии, определены пути воздействия целостного эстетического и теоретического наследия Толстого на развитие русской драматургии и театра на рубеже веков.

Ф. И. Кулешов, Ю. В. Кипко

І. О. Денісюк. **Розвиток української малої прози XIX—поч. XX ст.** — Київ: Вища школа, 1981. — 216 с.

Манаграфія І. А. Дзенісюка звертає на себе увагу аригінальнасцю задуми і самим абектам дослідження. І справа тут не тільки ў важнасці і актуальнасці наукової праблемы, якая хвалюе зараз даследчыкаў літаратуры ва ўсіх рэспубліках Саюза: украінская класічная навелістыка развівалася ў цесным узаемадзеянні з беларускай і рускай. Гаворка ідзе пра агульны, пры ўсіх нацыянальных адметнасцях, тып усходнеславянскай малої прозы, які сфарміраваўся ў своеасаблівых умовах, на агульнай пісьмовай спадчыне, на збліжэным тыпе фальклорнай паэтыкі.

Разам з тым І. А. Дзенісюк паказвае спецыфічныя ў межах многіх агульных заканамернасцей моманты развіцця надзвычай багатай на творчыя індывідуальнасці украінскай літаратуры, у прыватнасці, у малых празаічных жанрах. Менавіта малая проза ва ўкраінскай, як і ў беларускай дакастрычніцкай літаратуры, належае да асноўных жанраў, і літа-

ратуры гэтыя ў іх галоўным чынам спецыялізаваліся.

Аўтар добра знаёмы з айчыннымі і зарубажнымі тэорыямі навелы, абавіраецца на іх у сваіх разважаннях і вывадах. Пры усёй навуковасці ў пастаноўцы праблемы эвалюцыі жанру стыль манаграфіі эмацыянальна-вобразны; ён часта абумоўлены ўласцівасцямі мастацкіх тэкстаў, якія даследчык імкнецца перадаць. Сінтэтычна-абагульняючы аспект спалучаецца з дэталёвым аналізам паэтыкі аднаго твора, а ўкраінская навелістыка ў цэлым разглядаецца ў яе кантактах з рускай, беларускай і зарубажнай. Акрэсліўшы асноўныя стадыі развіцця малой прозы, агульныя для многіх літаратур (стадыя фальклорызму, затым сацыялагічна-даследчыцкая ў крытычным рэалізме і стадыя псіхалагізму), аўтар манаграфіі вылучае тры перыяды развіцця дакастрычніцкай малой прозы ва ўкраінскай літаратуры і прысвячае кожнаму з іх асобны раздзел.

У першым з іх даследуюцца фальклорныя вытокі малой прозы. Гэта працэс алітаратурання апавядальных жанраў народнай творчасці, сэнс якога заключаецца ў большай увазе да сацыяльна-псіхалагічнага пачатку ў пісьмовай навелістыцы, чым у вуснай. Украінская малая проза паскорана праходзіць шлях ад імітацыі народнай пацяпальнай «побрехенькі» у творчасці Р. Ф. Квіткі-Аснаўяненкі (30-я гады XIX стагоддзя) да грамадска-праблемнага апавядання трагедычнага складу ў творчасці М. Ваўчок (50—60-я гады). Побач з даволі выразнымі яшчэ рысамі фальклорнай паэтыкі («ілюзія сказа», баладны прыём раскрыцця характару і інш.) ужо ў творчасці М. Ваўчок, а асабліва ў Ю. Федзьковіча выяўляюцца тэндэнцыі да навелістычнай канцэнтрацыі і псіхалагізацыі. Як элементы жанравага працэсу гэтыя тэндэнцыі атрымліваюць сваё развіццё ў 70—90-я гады, у другі перыяд гісторыі малой прозы на Украіне.

На гэтым этапе на першы план у эвалюцыі жанру выходзіць сацыяльна-псіхалагічнае даследаванне, звязанае з той сацыялагічнай плыню ў крытычным рэалізме, якую І. Франко называў «навуковым рэалізмам». Своеасаблівы «Дэкамерон» самога І. Франко (звыш 100 апавяданняў і навел), а таксама малая проза яго саратнікаў (М. Паўлык, Н. Кабрынская, С. Кавалёў) шырока ахопліваюць розныя сферы народнага жыцця. Даследчыцкі пафас іх малой прозы знаходзіць канкрэтнае выяўленне ў такіх яе структурных тыпах, як вытворчае апавяданне (навела), у прыватнасці, з жыцця барыслаўскіх нафтавікоў, палітычнае апавяданне, на якім адчуваецца ўжо ўплыў сацыялістычных ідэй. У той жа час ліберальна-буржуазныя пісьменнікі (Г. Барвінак, А. Каніскі, Алена Пчылка, Б. Грынчанка і інш.) часта знаходзяцца яшчэ ў палоне інер-

цыі старога этнаграфізму. Менавіта ў гэты (другі) перыяд фарміруюцца тыя новыя жанравыя мадыфікацыі, якія засноўваліся на дыялектычным спалучэнні сацыялагічнага і псіхалагічнага пачаткаў.

Канцэпцыю самасцвярджэння асобы, яе ўплыў на навакольнае асяроддзе, якую развіваў у сваіх тэарэтычных даследаваннях І. Франко, дэталёва распрацоўвае аўтар манаграфіі. Ён імкнецца асэнсаваць шырокую «карціну свету» навелістыкі пачатку нашага стагоддзя, паказаць не толькі яе колькаснае багацце, але і разнастайнасць праблем, форм, абумоўленых напружаным, імклівым тэмпам жыцця, цэлым комплексам ідэалагічных, класавых, палітычных прычын ў розных формах апасродкаванасці, а таксама барацьбою ідэа-эстэтычных напрамкаў. У поле зроку даследчыка трапляюць многія з'явы беларускай літаратуры гэтага перыяду, у якой адбываліся аналагічныя працэсы. Так, ён засяроджвае ўвагу на такіх жанравых новатворах, як навела, блізкая да патоку свядомасці ў рэалістычным мастацтве М. Кацюбінскага, драмападобная навела В. Стэфаніка, лірычная навела С. Васільчанкі, філасофскае апавяданне са значнай дозой літаратурнай умоўнасці І. Франко; падрабязна спыняецца на так званай фрагментарнай прозе (абразок, эцюд, эскіз, лірычная імпрэсія), вызначае функцыянальнасць і спецыфіку гэтай мастацкай формы, якая знайшла сваё шырокае выяўленне і ў нашай беларускай дакастрычніцкай прозе (Я. Колас, М. Гарэцкі, З. Бядуля, Ядвігін III і інш.). І. А. Дзенісюк слухна гаворыць пры гэтым пра дэструктыўную ролю мадэрнізму, які не прыносіў ніякіх істотных мастацкіх каштоўнасцей, але ў барацьбе з якім пашырала арсенал выяўленчых сродкаў рэалістычнай прозы.

Глыбока навуковым метадалагічным аспектам манаграфія набывае вялікае значэнне і для беларускага літаратуразнаўства. Яна дапаможа глыбей зразумець многія з'явы і заканамернасці ў жанрава-стылёвым развіцці нашай нацыянальнай літаратуры і мастацкай прозы у прыватнасці.

К. Р. Хромчанка

А. А. Рысак. Животворный источник духовного вдохновения (Поэзия Леси Украинки в русских переводах).— Львов: Вища школа, 1981.— 148 с.

У апошні час увагу даследчыкаў усё больш прыцягваюць літаратурныя ўзаемасувязі, што дапамагаюць глыбей асэнсаваць як нацыянальную своеасабліваць узаемадзеючых літаратур, так і ступень іх блізкасці і роднасці, пункты судакранання. Адною з такіх прац з'яўляецца манаграфія А. Рысак, у якой на шырокім фактычным матэрыяле, падчас зусім но-

вым, даследуецца працэс успрымання паэзіі Лесі Украінкі ў дарэвалюцыйнай Расіі, разглядаюцца шляхі асваення яе творчасці ў паслякастрычніцкі перыяд як праўдленне творчых узаемазвязей украінскай і рускай літаратур, вызначаюцца важнейшыя аспекты ў іх інтэрнацыянальным збліжэнні. Аўтар манаграфіі намеціў новыя праблемы ў пастаноўцы некаторых пытанняў тэорыі мастацкага перакладу. Манаграфія складаецца з прадмовы, уступу («Некаторыя пытанні тэорыі мастацкага перакладу»), трох раздзелаў і заключэння з прылажэннем спісу перакладаў твораў Лесі Украінкі на рускую мову, спісу літаратуры, а таксама імяннага паказальніка.

Шырока і даволі грунтоўна разгледжаны дарэвалюцыйныя пераклады твораў Лесі Украінкі на рускую мову. Аўтар даследавання слухна звяртае ўвагу на тую вялікую ролю, якую адыграў у папулярызацыі творчасці Лесі Украінкі пецярбургскі часопіс «Жизнь», на старонках якога выступілі У. І. Ленін, друкаваліся творы М. Горкага, А. Чэхава, А. Серафімовіча, В. Верасаева, І. Франка, М. Кацюбінскага і інш. Увогуле пераканальнай з'яўляецца спроба А. Рысака даказаць, што аўтарам перакладу ўрыўка з верша ўкраінскай паэтэсы «Слова, чаму ты не стал баявая...», выкарыстанага ў якасці эпиграфа для лістоўкі Аргкамітэта РСДРП (4 сакавіка 1903 года), была Е. Левіна-Сысоева.

Слушныя сцверджанні аўтара манаграфіі і там, дзе ён, аналізуючы пераклады І. Рукавішнікава, у якіх вялікі працэнт адвольнасці, прыходзіць да заканамернай высновы: супрацьлегласць ідэйна-эстэтычных паэзіі мастакоў слова адмоўна адбываецца на якасці перакладу. І Рукавішнікаў імкнуўся падагнаць тэксты Лесі Украінкі, паэтэсы глыбокага грамадзянскага тэмпераменту, пад свае эстэтка-дэкадэнцкія погляды. Цікавы назранні над перакладамі, што належаць А. Белазэраву (гэта імя ўпершыню ўводзіцца ў круг перакладчыкаў Лесі Украінкі), П. Дзятлаву і інш. Можна цалкам згадзіцца з аўтарам рэцэнзуемай кнігі, што творы ўкраінскай паэтэсы, перакладзеныя на рускую мову ў дарэвалюцыйны час, значна пашырылі сферу свайго ўздзеяння на чытачоў, нярэдка непасрэдна службылі агітацыйным задачам РСДРП, былі першымі крокамі на шляху да аб'ектыўнага, рэалістычнага ўзнаўлення ідэйна-вобразнага зместу першакрыніцы, яе мастацкіх асаблівасцей.

Другі і трэці раздзелы манаграфіі прысвечаны перакладам твораў Лесі Украінкі ў паслярэвалюцыйны перыяд. У савецкі час успрыманне рускім чытачом твораў Лесі Украінкі, як і іншых нацыянальных майстроў мастацкага слова, адбывалася на зусім іншай аснове, краевугольным камнем якой сталі ленінскія прынцыпы на-

цыянальнай палітыкі. Гэта садзейнічала як росту маштабаў, так і павышэнню якасці перакладаў. Назіранні А. Рысака дазволілі яму зрабіць вывад, што ўжо ў даваенны час намаганнямі такіх паэтаў-перакладчыкаў, як М. Камісарава, М. Браўн, М. Алігер, П. Антакольскі, Е. Благініна і інш., была ў пэўнай ступені выпрацавана стылявая дамінанта перакладу, якая патрабуе асабліва беражлівага ўзнаўлення багацця зместу арыгінала, гармоніі яго гучання, акцэнтаваных вобразаў-сімвалаў, уласцівых творчай манеры ўкраінскай паэтэсы.

Пасляваенны перыяд рускіх перакладаў твораў Лесі Украінкі—гэта перыяд паглыбленага прачытання яе вершаў і паэм ва ўсім багацці іх ідэйна-мастацкага зместу, значнага пашырэння чытацкай аўдыторыі, умацнення ролі рускіх перакладаў у справе перастварэння слова Лесі Украінкі на іншыя мовы народаў СССР, у тым ліку—і на беларускую. Заўважым, дарэчы, што асваенне Лесі Украінкі рускай літаратурай разглядаецца не ізалявана ад агульнага працэсу асэнсавання ўкраінскага мастацкага слова. Кваліфікавана вядзецца размова пра асобныя праблемы перакладчыцкага мастацтва, пра творчую садружнасць рэдактараў рускіх перакладаў Лесі Украінкі—М. Рыльскага, А. Дэйча і М. Браўна.

Рэцэнзуемую кнігу пранізвае думка: рускія пераклады паэзіі Лесі Украінкі—праўдленне аб'ектыўнай заканамернасці працэсу інтэрнацыяналізацыі, узаемадзеяння і ўзаемаўзбагачэння братніх літаратур нашай краіны, важкі фактар фарміравання ідэйна-эстэтычнага адзінства савецкай многанацыянальнай літаратуры. Гэты аспект дазваляе ўключыць дадзеную работу ў кантэкст сучаснай шырокай размовы аб узаемадзеянні літаратур і мастацкай культуры развітога сацыялізму. Манаграфія А. Рысака можа (і павінна!) аказаць стымулюючае ўздзеянне на з'яўленне аналагічных прац у нашым перакладазнаўстве.

В. П. Рагойша

М. Пархоменко. Горизонты реализма.—М.: Советский писатель, 1982.—464 с.

Михаил Никитич Пархоменко—один из ведущих советских литературоведов. В книге «Горизонты реализма» он обстоятельно и на высоком теоретическом уровне рассматривает эстетические, литературно-критические взгляды и концепции Максима Горького, Тараса Шевченко, Ивана Франко и других писателей. Особое место отводится анализу произведений русских, украинских, белорусских, литовских, узбекских, грузинских, дагестанских и других национальных писателей.

Исследуя диалектику проблемы традиций и новаторства, М. Пархо-

менко подчеркивает, что «понятие «традиции» ныне уже не ограничивается содержанием дооктябрьского классического наследия, за шестьдесят лет сложились и новые, советские традиции» (16) не только в русской, но и в многонациональной советской литературе, что «в лучших произведениях советской классики видим мы теперь, как и в классике прошлых веков, образцы совершенства и ориентиры художественного прогресса» (17). Автор обстоятельно выясняет значение художественного опыта и открытий Горького в развитии литературы народов СССР; лучшие страницы книги те, где речь идет о формировании и укреплении единства многонациональной советской литературы и других видов советского искусства. Один из разделов исследования посвящен оценке научной деятельности известного литературоведа М. Б. Храпченко. Наблюдательность М. Пархоменко сказала не только в том, что он отметил в методологических поисках литературоведов принципы типологического подхода к изучению литературы, но и указал: «применение этих принципов замыкается в границах литературоведения. Между тем внедрение их в литературную критику тоже настоятельно необходимо» (161). Он пытается определить черты современной прозы, уделяет внимание изучению эстетического идеала и нравственного пафоса современного советского романа.

Одна из глав посвящена развитию украинского литературоведения и эстетики в XIX веке: рассматривается проблема прекрасного в эстетике Тараса Шевченко, концепция реализма в трудах Ивана Франко. В заключение говорится о судьбах лиро-романтического течения в украинской советской прозе. Совершенно по-новому, тонко и со знанием дела рассматривается романтика в творчестве Ю. Яновского и О. Гончара, выясняются ее идейно-эстетические истоки. Весьма полно охарактеризована повествовательная манера этих писателей. По глубокому убеждению И. Пархоменко, «единство романтизма и реализма является одним из заветов Горького и стало одной из наиболее примечательных традиций всей многонациональной советской литературы» (463). Работа охватывает широкий круг проблем, но дело не только в этом. Главное — подход к этим проблемам: автор выступает против односторонности в подходе к художественному творчеству, расширяет наше представление о колоссальных возможностях реализма.

С. А. Лысенко

Русский язык. Межведомственный сборник / Отв. ред. П. П. Шуба. — Минск: Изд-во БГУ, выпуск 1, 1981. — 176 с.; выпуск 2, 1982. — 160 с.

Вышли в свет два выпуска ежегодного межведомственного научно-

го сборника «Русский язык». Как сказано в предисловии к первому выпуску, предлагаемый сборник призван координировать усилия ученых республики в разработке проблем русского языкознания. В первый выпуск включены статьи, посвященные общим и частным вопросам традиционной и современной русистики, а также вопросам функционирования русского языка в двуязычной русско-белорусской среде. С большим интересом читается фундаментальная работа Г. Н. Клюсова «О разработке проблематики обращения», в которой подытоживаются теоретические взгляды отечественных языковедов на категорию обращения и предлагаются новые варианты решения связанных с ней проблем. Закономерной связи формальной и содержательной характеристики главных членов предложения посвящена статья И. А. Рабчинской «Соотношение смыслового и грамматического членения предложения». В целой серии работ исследуются явления русско-белорусского билингвизма, рассматриваются вопросы интерференции в условиях близкородственного русско-белорусского или белорусско-русского двуязычия, в том числе выдвигаются и нетрадиционные объекты исследования. В частности, вопросам речевой культуры в условиях белорусско-русского билингвизма, практическому значению паралексических исследований, возможности создания научно-практических трудов по белорусско-русской и русско-белорусской трансференции — словарей, справочников, пособий — посвящена обстоятельная статья А. Е. Михневича «Паралексы». О белорусско-русской межъязыковой интерференции при поэтическом переводе говорится в статье А. А. Гируцкого; о белорусском слове в русской литературе — в статье А. М. Тикоцкого; о лексико-семантической интерференции — в статье И. С. Ровдо. Частные вопросы сопоставительной грамматики рассматриваются в статьях: Т. Н. Вольнец «О некоторых особенностях образования глагольных форм 1-го лица ед. числа» (выяснение факторов, препятствующих образованию и употреблению данных глагольных форм в русском и белорусском языках, будет способствовать повышению культуры речи в условиях близкородственного двуязычия); И. А. Киселева «Значение и употребление слова *уже* в русском языке и соотносительного слова *ужо* в белорусском языке»; И. С. Козырева «Из истории формирования словарных составов русского и белорусского языков».

Ряд статей посвящен отдельным лингвистическим явлениям, характеризующим особенности языка В. И. Ленина, его работ. П. П. Шуба рассматривает систему производных предлогов в статье «Карл Маркс»; М. А. Авласевич — функции вставных единиц в работе «Что делать?»;

Е. И. Янович — лексико-семантические особенности наречного словоупотребления в переписке В. И. Ленина.

Второй выпуск полностью посвящен близкородственному русско-белорусскому и белорусско-русскому билингвизму в историческом и современном планах. Это работы М. Г. Булахова (о лексической дивергенции), А. П. Груцо (образования от корня *държ-*), Г. Н. Ключова (о личных именах), И. С. Ровдо (о межъязыковых паронимах), П. П. Шубы (категория числа существительных), Т. Н. Волянец (о соотношении вариантных форм глаголов), Л. П. Кунцевич (акцентологические паралексы-прилагательные) и др. Рассматривается вопрос методики сопоставительно-типологического изучения лексики русского и белорусского языков (В. К. Щербин). Очень полезны для исследователей публикуемые в конце обоих выпусков сборника материалы к библиографии «Белорусско-русские языковые отношения: контакты, двуязычие, методика обучения» составителей И. К. Германовича, А. Е. Михневича, П. П. Шубы. Публикация этой библиографии будет завершена в третьем выпуске.

Межведомственный научный сборник «Русский язык» отвечает исследованиям функционирования русского языка в условиях равноправного русско-белорусского и белорусско-русского двуязычия. Это нужное, интересное издание, источник объединения и концентрации лингвистических сил республики, способных решать серьезные задачи развития отечественного языкознания.

А. Н. Наумович

М. В. Ляховицкий. Методика преподавания иностранных языков. — М.: Высшая школа, 1981. — 159 с.

Рецензируемая книга восполняет существенный пробел, наметившийся за последние годы в методической литературе: отсутствие более или менее систематического изложения методики обучения иностранным языкам в неспециальном (техническом) вузе. Автор активно выступает за расширение методического эксперимента, сосредоточивает внимание на тщательном определении изначальных понятий. Книгу можно рассматривать как своеобразную краткую энциклопедию для вузовского преподавателя, в которой он найдет четкие и лаконичные определения таких понятий, как методика, метод, система обучения, вспомогательные средства обучения и десятки других. Автор непринужденно беседует с читателем, рассуждает, доказывает, доступно объясняет сложнейшие проблемы, не снижая при этом уровня научных обобщений. Книга написана специалистом, который хорошо знает практику повседневной жизни вуза, трудности, с которыми постоянно сталкивается рядовой преподаватель. Все это находит отражение в

круге проблем, которые поднимаются в пособии. Это и материалы о факультативных занятиях, и анализ современного учебника по иностранному языку, описание типовых лабораторных заданий с применением ТСО и рекомендации по работе со словарем, упоминание об опережении специальными иноязычными текстами тех теоретических курсов, которые читаются на родном языке учащихся, и о трудностях чтения новых, неподготовленных текстов и т. д.

Поучительны разделы, в которых анализируются типичные недостатки традиционных практических занятий по иностранному языку (с. 98), отрицательные тенденции в обучении устной речи (с. 113—115). Убедительна полемика автора со скептиками, сомневающимися в целесообразности обучения иноязычной устной речи (с. 115). Мы полностью солидарны с автором «Методики», выступающим против «абсурдных чудодейственных методов ускоренного овладения языком», осуждающим чрезмерное увлечение идеями ускоренного обучения чтению, дезориентирующими преподавательскую общественность и построенными без реального учета физиологических и психологических закономерностей овладения иноязычной речью.

Основываясь на большом экспериментальном материале, автор в разделах, посвященных техническим средствам обучения, определяет схему вспомогательных средств и выделяет их отличительные особенности, показывает преимущество и принципы использования фонограмм, подробно описывает их применение, в частности, виды занятий и типы упражнений в фонолаборатории. Весь материал четвертой и пятой глав может быть использован в качестве детальной программы и практического руководства для кафедр иностранных языков неязыковых вузов. Крайне своевременна и по-настоящему актуальна поднимаемая автором проблема о роли письма при обучении иностранному языку в условиях неязыкового вуза. Видное место в пособии занимают проблемы воспитательной работы в процессе обучения иностранному языку.

При всей несомненной актуальности и полезности рецензируемой книги она не свободна от некоторых недостатков. Так, не получил освещения такой важнейший вопрос, как преодоление трудностей лексико-грамматического характера при чтении. Скороговоркой упомянута роль лингвистики текста при анализе структуры как письменных, так и аудитивных учебных материалов (с. 150). Не нашли отражения в пособии и некоторые новые веяния в методике, ничего не сказано о контроле речевых навыков.

В целом же книга М. В. Ляховицкого получила широкое признание у преподавателей вузов. Ее можно ис-

пользовать как пособие для факультетов повышения квалификации, для самообразования и повышения педагогического мастерства.

А. А. Вейзе, С. В. Лузгина

А. Ч. Козаржевский. Учебник латинского языка (для нефилологических гуманитарных факультетов)/ Издание 2-е, исправленное и дополненное. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — 317 с.

С 1971 года учебник латинского языка для нефилологических гуманитарных факультетов проходил апробацию на исторических, философских и юридических факультетах университетов страны. Получил положительный отзыв. Второе издание характеризует четкая методическая позиция автора в сочетании с тщательной разработкой материала. Оправдано и краткое, лишённое подробных экскурсов в историю латинского языка. Полезную систематизирующую роль выполняет грамматический справочник, данный в виде таблиц и перечней.

Наиболее ярко дидактическая концепция автора отразилась в изложении практической части учебника. В заданиях представлен целенаправленный комплекс упражнений, включающих, с одной стороны, отдельные предложения и фабульные статьи исторического, мифологического и юридического содержания для перевода на родной язык, с другой — обширную подборку крылатых латинских фраз. Фразеологический материал разделен на рубрики: А (крылатые выражения широкого содержания), В (философские понятия), С (юридические формулы) и снабжен откорректированным переводом, а в отдельных случаях реальным или грамматическим комментарием.

Велика и познавательна ценность работы. Здесь можно найти сведения о различных сторонах жизни античного общества: быте, нравах, культуре, религии, правовых нормах и т. п. И что важно, весь этот богатый материал направлен в русло профессиональных интересов учащихся. Обилие фраз, их тематическое разнообразие, профессиональная значимость получили высокую оценку специалистов.

Особого одобрения заслуживает хрестоматийный материал. Оригинальные тексты подобраны с присущей автору методической целеустремленностью и самостоятельностью. Хронологический диапазон хрестоматии — от агрономического трактата Катона (II век до н. э.) до описания Москвы Рейтенфельса (XVII век), а также тематическое разнообразие ее позволяет получить представление о самых различных по эпохе и содержанию источниках на латинском языке.

Автор руководствовался основными требованиями к учебнику: научностью, доступностью, последователь-

ностью и преемственностью в изложении материала. Учтены также последние достижения учебной лексикографии. В словаре выделен лексический минимум — факт, имеющий принципиально важное значение, так как усвоение определенной суммы слов является чрезвычайно полезным для изучающих латинский язык и, как известно, согласуется с требованиями типовой программы. При отборе материала словаря-минимума автор исходил из принципов частотности и профессиональной значимости лексики. Значительно пополнены сведения о латинских заимствованиях в русском языке, которые помещены в скобках после перевода латинского слова на русский язык.

Учебник латинского языка А. Ч. Козаржевского в полной мере отвечает требованиям программы по латинскому языку, удачно учитывает специфику нефилологического гуманитарного образования.

Н. А. Гончарова

М. У. Пискунов. Организация учебного труда студентов. — Минск: Изд-во БГУ, 1982. — 144 с.

Повышение качества обучения и воспитания специалистов — важнейшая цель высшей школы в одиннадцатой пятилетке. Высшие учебные заведения республики ведут поиски наиболее эффективных и рациональных методов обучения и воспитания студентов, повышения их теоретического уровня и профессионального мастерства. Этой актуальной проблеме и посвящена книга М. У. Пискунова. Автор на основе новейших достижений психологии и педагогики высшей школы, а также экспериментальных исследований раскрывает основы научной организации самостоятельного учебного труда студентов в учебно-воспитательном процессе. Достоверность выводов базируется на большом фактическом материале.

Книга состоит из введения и четырех разделов: «Социальная и психологическая сущность учебного труда», «Научные основы организации учебного труда», «Учебный труд студентов в процессе аудиторных занятий», «Самостоятельная работа студентов во внеаудиторное время». Работу отличает глубина мысли, умение широко и заостренно ставить проблемы, доказательно решать основные вопросы организации учебного труда студентов, умение отбирать и анализировать типичные факты. Идеино-теоретической и методологической основой работы являются труды классиков марксизма-ленинизма, важнейшие документы Коммунистической партии и Советского правительства, видных ученых.

Теоретические положения опираются на результаты исследований, проведенных кафедрой педагогики

БГУ. В монографии четко выделена роль самостоятельного труда студентов в учебно-воспитательном процессе, важность высокой научно-теоретической и педагогической квалификации преподавателей при ее организации. Убедительно раскрывается важность профессиональной ориентации, отбора абитуриентов, привлечения к учебе в вузах не только наиболее подготовленной, способной, но и профессионально ориентированной молодежи, показываются пути осуществления связи между средней и высшей школами.

Книга дает конкретные ответы на вопросы, которые волнуют первокурсников: как правильно организовать повседневный учебный труд, как сочетать учебу и отдых, как спланировать свою работу и т. д. Много внима-

ния автор уделяет рационализации учебного труда студентов в процессе аудиторных занятий, выработке умений и навыков самостоятельной работы во время практических и семинарских занятий, лабораторных работ, специфике самостоятельной работы во внеучебное время. Автор дает читателю квалифицированные рекомендации о том, как работать с книгой, как составлять план прочитанной статьи, написать конспект, рецензию, выписать тезис, цитату. Для студентов особый интерес представит раздел, в котором излагается методика подготовки к экзаменам, зачетам.

В целом монография М. У. Пискунова будет полезна как студентам, так и преподавателям вузов.

**А. А. Гримоть, Т. К. Короткина,
В. П. Мещеряков, В. А. Босько**

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Жук І. В.</i> Да пытання аб суаднесенасці катэгорый партыйнасці і грамадзянскасці ў літаратуры	3
<i>Іраневіч Г. М.</i> Скарынінскі прататып у творчасці Максіма Багдановіча	5
<i>Карпава Л. У.</i> Станаўленне гераічнай асобы ў творчасці Кузьмы Чорнага перыяду Вялікай Айчыннай вайны	9
<i>Муцінціна Л. Н.</i> Лірычны герой пэзіі Гіппонакта	13

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Шакун Л. М.</i> Словаўтваральны статус запазычанняў у сучаснай беларускай мове	18
<i>Наркевіч А. І.</i> Словазлучэнні і члены сказа	22
<i>Шкраба І. Р.</i> Асаблівасці выражэння катэгорыі ліку назоўнікаў у беларускай мове	26
<i>Кучук І. М.</i> Дэрывацыйныя асаблівасці прыметнікаў з суфіксам <i>-лів-</i> у сучаснай беларускай літаратурнай мове	29
<i>Кудрэйка Э. М.</i> Няпоўныя сказы ў байках Кандрата Крапівы	33
<i>Дмитрыева Е. А.</i> Способы выражэння олицетворення в ранней лирике Б. Л. Пастернака	35
<i>Сенюта Т. В.</i> Наблюдения над словообразованием имен существительных и имен прилагательных в детской речи	39
<i>Леонова Л. В.</i> Общая сопоставительная характеристика лексики сербскохорватского и русского языков	42
<i>Сулана Канэ.</i> Присубстантивные и прикомпаративные нерасчлененные предложения (в русском языке и языке бамана)	47
<i>Черкас М. А.</i> О семантической дифференциации имен класса <i>nomina agentis</i>	50
<i>Лукша Т. Г.</i> К вопросу о знаковом характере просодии	53

ЖУРНАЛІСТЫКА

<i>Радкевіч Я. Р.</i> Асаблівасці ўзаемадзеяння Усесаюзнага і Беларускага радыё ў адзінай сістэме	55
<i>Беленькі І. І.</i> Дынаміка жанров в белорусской печати	58
<i>Руденкова С. С.</i> Комсомольско-молодежная печать Белоруссии в годы Великой Отечественной войны	61

ПЕДАГОГІКА, ПСІХАЛОГІЯ

<i>Водейко Р. И., Мазо Г. Е.</i> Влияние сокращенного варианта аутогенной тренировки на некоторые показатели психофизиологической саморегуляции	64
<i>Беляев В. И., Бушило И. Д., Урбанович Н. И.</i> Использование средств экранной информации при обучении общетехническим дисциплинам	67
<i>Тиво М. Д., Шарупич В. С.</i> Специфика образования взрослых	68

РЭЦЭНЗІІ

<i>Кулешов Ф. И., Кипко Ю. В. В. В.</i> Основин. Драматургия Л. Н. Толстого	70
<i>Хромчанка К. Р. І. О.</i> Денисюк. Розвиток української малої прози XIX—XX ст.	72
<i>Рагойша В. П. А. А.</i> Рысак. Животворный источник духовного вдохновения (Поэзия Леспи Украинки в русских переводах)	73
<i>Лысенко С. А. М.</i> Пархоменко. Горизонты реализма	74
<i>Наумович А. Н.</i> Русский язык	75
<i>Вейзе А. А., Лузгина С. В. М. В.</i> Ляховицкий. Методика преподавания иностранных языков	76
<i>Гончарова Н. А. А. Ч.</i> Козаржевский. Учебник латинского языка (для нефилологических гуманитарных факультетов)	77
<i>Гримоть А. А., Короткина Т. К., Мецераков В. П., Босько В. А. М. У.</i> Пискунов. Организация учебного труда студентов	77

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия IV, № 2, 1983

Издательство Белорусского государственного университета
имени В. И. Ленина
220048, Минск, проспект Машерова, 11
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42

На русском и белорусском языках

Редактор *А. А. Сычюй*
Малодшы редактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі редактар *С. В. Балянок*
Тэхнічны редактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадана ў набор 20.05.83. Падпісана да друку 09.08.83. АТ 16778. Фар-
мат 70×108^{1/16}. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7,0.
Ум. фарб.-адб. 7,32. Ул.-выд. арк. 7,88. Тыраж 1040 экз. Заказ 274.
Цана 80 кап.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.
Выдавештва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Мінск, праспект Машэрава, 11.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП
Беларусі, 220041, Мінск, Ленінскі пр., 79.